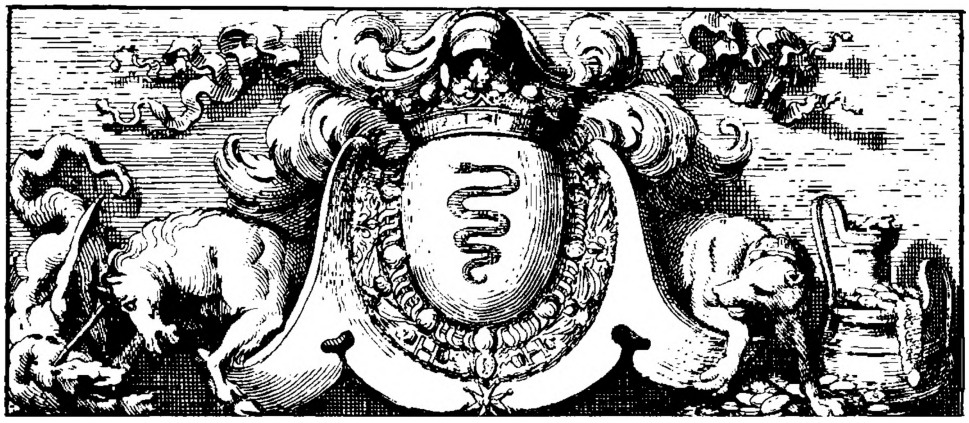

Дневникъ Этьена Дюмона объ его пріѣздѣ въ Россію въ 1803 г.

I.

Этьенъ Дюмонъ (Pierre Etienne Louis Dumont, также du Mont или Du Mont) родился въ Женевѣ 18 іюля 1759 г. Его предки переселились въ Швейцарію изъ Франціи, избѣгая религіозныхъ преслѣдованій. Отецъ его, Abraham Dumont, претерпѣлъ въ жизни много неудачъ и оставилъ послѣ себя вдову и четырехъ дѣтей, сына и трехъ дочерей. Его мать, Louise Esther d'Ilens, veuve Dumont, была женщина умная и энергичная; она открыла въ Женевѣ школу, въ которой Этьенъ, еще юношей помогалъ матери. Затѣмъ онъ прослушалъ курсъ богословскихъ наукъ и въ 1781 г. сталъ пасторомъ реформатской церкви въ Женевѣ. Въ этомъ званіи Дюмонъ скоро пріобрѣлъ славу блестящаго проповѣдника, но ему пришлось покинуть родной городъ, когда въ 1782 г. взяла верхъ аристократическая партія. 7 іюня 1784 г. онъ выѣхалъ изъ Женевы и направился въ С.-Петербургъ, гдѣ жила его сестра Марія Луиза, бывшая замужемъ за ювелиромъ Дювалемъ (Louis David Duval), прибывшимъ въ 1753 г. въ С.-Петербургъ изъ Лондона, гдѣ его братья были ювелирами короля.

Луи Давидъ Дюваль († въ С.-Петербургѣ въ 1788 г.) состоялъ ювелиромъ великокняжескаго двора, и его старшій сынъ Яковъ Давидъ Дюваль (род. въ Москвѣ въ 1768 г., умеръ въ Женевѣ въ 1844 г.) значится по записи реформатской церкви въ С.-Петербургѣ ювелиромъ Ея Императорскаго Высочества.

Пріѣхавъ въ Петербургъ въ іюлѣ 1784 г., Дюмонъ немедленно занялъ мѣсто пастора реформатской церкви и скоро пріобрѣлъ извѣстность въ Петербургѣ, какъ проповѣдникъ. Онъ пробылъ въ Петербургѣ немного болѣе года и покинулъ его 28 сентября 1786 г. вмѣстѣ съ посланникомъ графомъ Герцомъ. По словамъ П. И. Полетики въ его воспоминаніяхъ, причиной отъѣзда Дюмона изъ Рос-

сіи была проповѣдь объ эгоизмѣ, заключавшая будто бы намеки на князя Потемкина или даже на императрицу [1]).

Чрезъ Берлинъ и Лейпцигъ Дюмонъ пріѣхалъ въ Парижъ. Вѣроятно, благодаря своимъ родственникамъ въ Англіи, онъ получилъ очень хорошее мѣсто воспитателя въ домѣ тогдашняго великобританскаго статсъ-секретаря по иностраннымъ дѣламъ лорда Шельбурна, впослѣдствіи получившаго титулъ маркиза Лансдоуна (Petty Williams lord Schelburne, marquis of Lansdowne 1737—1805) [2]).

Въ Лондонъ Дюмонъ прибылъ 12 января 1786 г. Лордъ Шельбурнъ былъ извѣстный покровитель ученыхъ, писателей и художниковъ. Въ его домѣ собирались современныя знаменитости: Бентамъ, Веніаминъ Франклинъ, Гаррикъ, Самуилъ Джонсонъ (лингвистъ), сэръ Уилліамъ Джемсъ (оріенталистъ), Прайсъ (экономистъ), де-Мореллэ (философъ), Ромильи, Мирабо. Въ этомъ обществѣ Дюмонъ очень скоро нашелъ себѣ преданныхъ друзей. Такъ, напримѣръ, онъ близко сошелся съ Самуиломъ Ромильи, извѣстнымъ англійскимъ адвокатомъ и законовѣдомъ (1757—1818). Въ 1788 г. они вмѣстѣ провели въ Парижѣ два мѣсяца, въ теченіе которыхъ Дюмонъ часто видѣлся съ графомъ Мирабо (1749—1791). Послѣдній, находясь въ Лондонѣ въ 1784, сблизился съ Ромильи, но тотъ въ 1788, вслѣдствіе дурной молвы о графѣ, прервалъ съ нимъ сношенія.

Узнавъ, что Ромильии Дюмонъ въ Парижѣ, Мирабо самъ явился къ нимъ въ гостиницу. Дюмонъ вышелъ къ нему одинъ. Мирабо, вступивъ съ нимъ въ разговоръ, до такой степени сумѣлъ его заинтересовать, что они рѣшили вмѣстѣ пообѣдать, и къ нимъ присоединился Ромильи, не устоявшій передъ соблазномъ провести вечеръ со столь пріятными собесѣдниками. Свои воспоминанія о Мирабо Дюмонъ изложилъ въ запискахъ, изданныхъ его двоюроднымъ племянникомъ Жакобомъ-Луи Дювалемъ (1797—1863) [3]).

«Мирабо,—говоритъ Дюмонъ,—былъ отличный товарищъ, покладистый, веселый, изворотливый и находчивый. Нельзя было держаться съ нимъ правилъ обыкновеннаго обихода, приходилось быть фамильярнымъ, отрѣшиться отъ этикета и принятыхъ обычаевъ и называть другъ друга по имени. Мирабо поражалъ своею громадною дѣятельностью: если самъ онъ мало работалъ, зато заставлялъ работать другихъ. Онъ умѣлъ искусно откапывать скрытые таланты и льстить тѣмъ, которые могли быть ему полезны. Его бесѣда, очень интересная и оживленная, походила на точильный камень, которымъ онъ пользовался для усовершенствованія своихъ орудій. Онъ ничѣмъ не брезгалъ, собирая анекдоты, разговоры, мысли, присваивалъ изслѣдованія, работы своихъ друзей и умѣлъ пользоваться тѣмъ, что пріобрѣталъ, такимъ образомъ, выдавая урванное имъ за нѣчто ему давно извѣстное. Мирабо обладалъ даромъ приспособляться ко всякимъ положеніямъ; не будучи самъ высокой нравственности, онъ предпочиталъ, однако, имѣть общеніе съ людьми строгихъ началъ и честныхъ нравовъ. Онъ искренно каялся въ заблужденіяхъ и грѣхахъ своей молодости, сожалѣлъ о нихъ и старался выказать себя человѣкомъ, который готовъ искупить свои прегрѣшенія, на-

---

[1]) «Русск. Арх.», 1885 г., № 11, стр. 320.

[2]) Кромѣ того, Дюмонъ помогалъ лорду Лансдоуну въ его политическихъ работахъ и редактировалъ его рѣчи. *Ред.*

[3]) Souvenir sur Mirabeau et sur les deux premières assemblées législatives par Etienne Dumont de Genève. Ouvrage posthume publié par M-r. J. L. Duval, membre du conseil représentatif du canton de Genève. Bruxelles. Méline. 1832.

Этьенъ Дюмонъ.

правляя свои способности на общую пользу человѣчества и свободы и не преслѣдуя притомъ никакихъ личныхъ цѣлей».

Пробывъ два мѣсяца въ Парижѣ, Дюмонъ въ томъ же 1788 г. вернулся въ Лондонъ.

Вслѣдствіе происшедшей въ Женевѣ революціи 1789 г. онъ опять отправился въ Парижъ, чтобы повидаться съ Неккеромъ. Его сопровождалъ въ этой поѣздкѣ бывшій женевскій генералъ-прокуроръ Дюроврэ, который также жилъ въ Англіи изгнанникомъ. Высадившись на французскій березъ въ Монтрэлѣ (Montreuil sur Mer), они застали мѣстныя власти очень озабоченными первыми выборами въ генеральные штаты. Изъ Парижа имъ не прислали никакихъ инструкцій: двое или трое сутокъ ушло на переговоры съ жителями, явившимися на выборы, и все же власти и избиратели никакъ не могли столковаться. По просьбѣ мэра Дюмонъ и Дюроврэ составили правила для выборовъ и передъ отъѣздомъ вручили ихъ ему. По пріѣздѣ въ Парижъ они узнали изъ газетъ, что избирательный съѣздъ въ Монтрэлѣ первый во Франціи исполнилъ свои обязанности при образцовомъ порядкѣ, который прославлялся въ печати.

Въ Парижѣ Дюмонъ завелъ знакомство со многими лицами, которыя получили большую извѣстность, напримѣръ, съ Бриссо дэ-Варвиль, герцогомъ Ларошфуко, Мальзербомъ, Лафайэтомъ, Маллэ дю Панъ, Клавьеромъ, абб. Сьейесомъ и др.

По словамъ Дюмона, въ Парижѣ на избирательные съѣзды допускался всякій прилично одѣтый человѣкъ, хотя бы онъ и не имѣлъ права быть избирателемъ. Во многихъ секціяхъ съ трудомъ собрали достаточное число избирателей [1]), такъ какъ парижскіе буржуа со страхомъ смотрѣли на выборы, робко озираясь на стражу, поставленную у входа въ помѣщеніе, гдѣ должно было состояться собраніе. Дюмонъ присутствовалъ на выборахъ въ секціи des filles de Saint Thomas, находившейся въ богатомъ кварталѣ. Тамъ собралось едва 200 человѣкъ. Было очень шумно; всѣ, стоя, говорили одновременно; съ трудомъ предсѣдатель могъ добиться двухъ минутъ молчанія. Общій съѣздъ избирателей прошелъ столь же шумно, какъ собраніе въ секціяхъ. Послѣднимъ избраннымъ депутатомъ Парижа оказался аббатъ Сьейесъ (Sieyés, 1748—1836).

Дюмонъ не былъ на открытіи генеральныхъ штатовъ въ Версалѣ. Онъ посѣтилъ собраніе въ разгаръ борьбы по вопросу о повѣркѣ полномочій.

По словамъ Дюмона, въ собраніи не слышалось никакихъ преній; не было и порядка. Въ него проникла масса любопытныхъ посѣтителей, которые расхаживали по залѣ, смѣшиваясь съ депутатами. Дюмонъ изъ дружбы къ Мирабо сталъ помогать ему въ изданіи «Писемъ къ моимъ избирателямъ» (Lettres à mes commettants). Дюроврэ какъ женевскій гражданинъ, свѣдущій въ веденіи преній въ политическихъ собраніяхъ, давалъ Мирабо совѣты. Блестящая рѣчь, въ которой Мирабо убѣждалъ представителей третьяго сословія наименоваться депутатами французскаго народа, была набросана Дюмономъ. Когда начались народныя волненія, увеличивавшіяся вслѣдствіе призыва войскъ,

[1]) О парижскихъ секціяхъ во время французской революціи см. статью Н. И. Карѣева въ «Историческомъ Обозрѣніи», изд. Историч. Общ. при Спб. университетѣ, т. XVI, 1911 г., и неизданные документы, напечатанные имъ же въ «Запискахъ Имп. Академіи Наукъ» по ист.-филол. отд., 8 серія, т. XI, № 2. *Ред.*

Дюмонъ составилъ для Мирабо адресъ королю объ ихъ роспускѣ. Адресъ былъ принятъ собраніемъ съ энтузіазмомъ, но войска не были отозваны. За все это время Дюмонъ и Дюроврэ продолжали редактировать для Мирабо его «Письма къ избирателямъ», а затѣмъ стали сотрудничать въ газетѣ Мирабо «Courrier de Provence» [1]).

Знаменитая декларація правъ человѣка, по словамъ Дюмона, обсуждалась собраніемъ въ теченіе цѣлыхъ недѣль. Образованъ былъ комитетъ изъ пяти членовъ для представленія новаго проекта. Мирабо, какъ членъ комитета, поручилъ составленіе проекта Дюмону, Дюроврэ и Клавьеру, женевскимъ гражданамъ. Дюмонъ высказался въ томъ смыслѣ, что до разработки конституціи нельзя опредѣлить права человѣка, такъ какъ эти права до конституціи простая фикція: «люди не родятся ни свободными, ни равными». Мирабо рѣшился высказать это, но не сумѣлъ доказать свое мнѣніе, и декларація была принята собраніемъ. Ромильи составилъ очень поучительное руководство [2]), заключавшее въ себѣ освященныя обычаемъ правила для англійской нижней палаты относительно внесенія законопроектовъ, хода преній, дѣятельности комиссій и проч. Дюмонъ перевелъ эти правила, а Мирабо предложилъ собранію принять ихъ къ руководству, когда былъ возбужденъ вопросъ о составленіи наказа. Но ему отвѣтили: «мы не англичане, намъ не нужно англичанъ». На трудъ Ромильи никто не обратилъ вниманія, несмотря на то, что онъ былъ уже переведенъ и напечатанъ; нашли излишнимъ даже справиться, какъ велись дѣла въ англійскомъ парламентѣ. Въ концѣ 1790 г. Дюмонъ уѣхалъ изъ Парижа въ Женеву.

По смерти Мирабо Дюмонъ вернулся въ Лондонъ, но въ февралѣ 1792 г. вмѣстѣ съ Талейраномъ [3]) и Дюроврэ пріѣзжалъ въ Парижъ, гдѣ возобновилъ сношенія со многими выдающимися людьми того времени: Дюмурье, Клавьеромъ, Роланомъ, Кондорсэ и др.

Въ 1788 г. въ перепискѣ Іереміи Бентама [4]) упоминается имя Дюмона, которому Ромильи послалъ нѣкоторые труды знаменитаго юриста. Дюмонъ былъ пораженъ ихъ оригинальностью и силой и высказалъ, что ихъ авторъ достоинъ служить свободѣ. Переданныя ему рукописи Бентама были написаны по-англійски, и онъ предложилъ себя въ качествѣ переписчика нѣкоторыхъ ихъ частей и для наблюденія за изданіемъ ихъ полностью. Онъ называлъ себя неизвѣстнымъ другомъ (ami inconnu). Съ этого момента Дюмонъ посвятилъ всю свою жизнь переводу сочиненій Бентама; начала, преподанныя имъ, онъ проводилъ въ собственныхъ трудахъ, оказавшихъ замѣтное вліяніе на законодательства разныхъ странъ, напримѣръ, Швейцаріи и Франціи [5]).

Знакомство его съ Бентамомъ завязалось черезъ маркиза Ландауна. Хотя послѣдній былъ не высокаго мнѣнія о Мирабо и нахо-

---

[1]) Ср. свѣдѣнія о Дюмонѣ, заимствованныя А. Н. Пыпинымъ изъ краткой біографіи Дюмона (написанной Паризо въ Biographie universelle Michaud, R. 1855, t. XI) въ его статьѣ «Русскія отношенія Бентама». «Вѣстн. Евр.», 1869 г., № 2, стр. 789—790. *Ред.*

[2]) Срав. Тэнъ. Les Origines de la France contemporaine, t. I, p. 148.

[3]) Charles Maurice de Talleyrand Périgord (1754—1838).

[4]) Works of Bentham published by Iohn Bowring. Edinburgh. 1843, vol. X, p. 184.

[5]) Ср. *Пыпинъ*. «Русскія отношенія Бентама». «Вѣстн. Евр.», 1869 г., № 2, стр. 790—794. *Ред.*

дилъ верхомъ безумія вступить съ нимъ въ сношенія, однако, Дюмонъ продолжалъ не только видѣться съ Мирабо, но и помогать ему въ работахъ. 27 сентября 1789 г. онъ пишетъ изъ Парижа Бентаму, что показалъ Мирабо, герцогу Ларошфуко и другимъ схему Бентама по политической тактикѣ. Они удивились истинно-философскому направленію и единству системы въ этомъ трудѣ, столь новомъ и оригинальномъ. Дюмонъ убѣждалъ Бентама довести его до конца. И такимъ образомъ восполнить пробѣлъ въ литературѣ этого предмета. Никто иной не могъ бы этого сдѣлать, такъ какъ онъ одинъ разработалъ весь вопросъ и положилъ основаніе всему зданію. Дюмонъ не обѣщалъ Бентаму скораго успѣха во Франціи, но настаивалъ на томъ, чтобы онъ продолжалъ свои изслѣдованія, которыя должны внести въ законодательства совершенно новые взгляды. Увлекаясь этими изслѣдованіями, Дюмонъ переводилъ ихъ по частямъ [1]). Мѣстами онъ ихъ перерабатывалъ, обращаясь къ автору за дополненіями и разъясненіями.

Первое сочиненіе Бентама, которое Дюмонъ издалъ на французскомъ языкѣ, было «Traité de législation civile et penale» (Paris, an X — 1802) или, какъ обыкновенно его называли, Dumont «Principes», потому что изданіе начинается введеніемъ Дюмона: «Principes de législation», гдѣ объясняется теорія Бентама въ главныхъ основаніяхъ. Съ этой книгой познакомились, какъ увидимъ, и многіе русскіе читатели [2]).

Свою поѣздку въ Россію въ 1803 г. Дюмонъ описалъ въ дневникѣ, хранящемся въ Женевской библіотекѣ (MS. D. 7)—изложеніе, а мѣстами дословный переводъ его, читатель найдетъ въ настоящей статьѣ.

Въ дневникѣ отразилась, конечно, личность Дюмона, чувствуется и вліяніе той родственной и дружеской среды, которая пріютила Дюмона въ Петербургѣ. Этимъ объясняются и главныя отличія дневника Дюмона отъ записокъ нѣкоторыхъ другихъ иностранцевъ. Происходя изъ семьи изгнанниковъ-гугенотовъ и воспитанный въ городѣ, гдѣ училъ Кальвинъ, Дюмонъ съ молодости проникся правилами строгой нравственности и любовью къ правдѣ. Характеръ его выработался подъ вліяніемъ матери, женщины замѣчательно умной, которую онъ обожалъ. Дюмонъ увлекался всѣмъ тѣмъ, что могло служить къ нравственному или умственному преуспѣянію человѣка. Блестящій ораторъ, онъ не менѣе убѣдительно и ясно умѣлъ и письменно излагать свои мысли и, схватывая чужія, передавать и развивать ихъ; благодаря этой способности, онъ сталъ сначала сотрудникомъ Мирабо, а позднѣе Бентама. Подъ руководствомъ такихъ знаменитыхъ законовѣдовъ, какъ Ромильи и Бентамъ, Дюмонъ изъ богослова сдѣлался юристомъ, дополнявшимъ и обобщавшимъ ученіе англійскаго политическаго мыслителя.

Обладая положительнымъ и трезвымъ умомъ, Дюмонъ не судилъ по внѣшности, углублялся въ сущность вещей, и въ ней искалъ объясненія событій. Какъ строгій кальвинистъ онъ находилъ излишней церковную внѣшность и потому отвергалъ обрядовую сторону православной церковной службы и находилъ, что обрядность въ ней заглушала истинное чувство вѣры. Однако къ рѣдкому народу Дю-

[1]) Письмо Дюмона отъ 28 октября 1792.

[2]) Ср. *Пыпинъ*. «Русскія отношенія Бентама». «Вѣстн. Евр.», 1869 г., № 2, стр. 803—805. *Прим. Ред.*

монъ относится съ большимъ сочувствіемъ, чѣмъ къ русскимъ. Свой взглядъ на Россію онъ выработалъ какъ по личнымъ наблюденіямъ, такъ и по разсказамъ своихъ родныхъ, находившихся въ Россіи уже много лѣтъ. Кромѣ матери Дюмона, въ Петербургѣ основались три сестры, вышедшія здѣсь замужъ за швейцарцевъ Дюваля, Адора и Сэгэна. Первый изъ нихъ, какъ выше сказано, былъ ювелиромъ великокняжескаго двора, и о немъ съ большой похвалой отзывалась Дюмону императрица Марія Ѳеодоровна, находившая, по его словамъ, что между Дювалями могутъ быть только честные люди, такъ какъ у нихъ добродѣтель переходитъ по наслѣдству. Зять Дюваля Луи Адоръ былъ также искусный ювелиръ, и его произведенія хранятся до сей поры въ Эрмитажѣ. Старшій сынъ Дюваля, Яковъ Давидовичъ, при восшествіи на престолъ Павла Петровича получилъ званіе придворнаго ювелира и чинъ полковника. Онъ и два его брата родились въ Петербургѣ, здѣсь же и поженились. Двое сыновей Якова Давидовича Дюваля были крестниками императрицы Маріи Ѳеодоровны. Такимъ образомъ три дочери г-жи Дюмонъ, основавшіяся въ Петербургѣ, образовали тѣсный родственный кружокъ, въ которомъ семья Дювалей заняла первое мѣсто, какъ по своей многочисленности, такъ и по своему состоянію и связямъ. Братья Дюваль были люди образованные, любители искусствъ. Второй изъ нихъ, Жанъ Франсуа, обладалъ замѣчательнымъ собраніемъ картинъ, которыя онъ вывезъ впослѣдствіи въ Женеву. Онъ былъ близокъ съ русскими художниками Кипренскимъ и Орловскимъ. Другой Дюваль имѣлъ рѣдкое собраніе русскихъ монетъ, которое его потомками принесено въ даръ городу Женевѣ.

Изъ свѣдѣній о Россіи, которыя мы находимъ у Дюмона, многія сходны съ тѣми, которыя сообщаются другими иностранцами, но они отличаются особымъ характеромъ и направленіемъ. Одинъ изъ такихъ иностранцевъ, Августъ Коцебу, постоянно высказываетъ въ своихъ запискахъ, что онъ говоритъ одну только правду, что онъ одинъ былъ въ состояніи, по своимъ связямъ и положенію, узнать истину о передаваемомъ имъ событіи, но слова Коцебу часто не оправдываются. Его глубокое презрѣніе къ русскому народу заставляетъ относиться къ такому свидѣтелю съ большой осторожностью. Коцебу, собственно говоря, ничѣмъ не стѣсняется; изъ-за выгоды или по расчету онъ готовъ былъ писать, что угодно. Объ этомъ онъ даже самъ говоритъ въ письмѣ къ Гримму, извѣстному корреспонденту императрицы Екатерины II. 13 января 1791 г. Коцебу только что потерялъ свою жену и искалъ утѣшенія въ честолюбивыхъ замыслахъ. Ему хотѣлось получить мѣсто совѣтника правленія въ Ригѣ, въ виду чего онъ просилъ Гримма о помощи: «Я воображаю иногда,—писалъ онъ,—что императрица при настоящихъ обстоятельствахъ можетъ нуждаться въ отважномъ человѣкѣ, который бы исполнилъ то или другое порученіе, можетъ-быть, скабрезное или даже опасное, а такъ какъ никогда не обладаешь большею отвагою, какъ по совершившейся утратѣ, то я чувствую себя человѣкомъ самымъ способнымъ на подобное дѣло [1])». Для Коцебу правды не было: онъ столь же низко умѣлъ льстить Екатеринѣ и Павлу, какъ и его сыну Александру.

Дюмона занимаютъ предметы болѣе важные: законодательство, судьи, искусство, экономическое положеніе края и т. п. Дюмонъ при

[1]) «Гос. Арх.», XI, № 1026.

ходитъ въ общеніе съ замѣчательными людьми того времени и передаетъ въ дневникѣ ихъ мнѣнія, разговоры. Онъ привыкъ къ точному анализу и къ логическимъ выводамъ; поэтому одно мѣткое слово, сказанное имъ, замѣняетъ иногда цѣлыя разсужденія и отчетливо рисуетъ картину. Дюмонъ разсказываетъ то, что дѣйствительно видѣлъ въ Россіи; онъ не прибѣгаетъ къ прикрасамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ не сгущаетъ красокъ; если тѣ же злоупотребленія встрѣчались въ другихъ государствахъ, онъ пишетъ: «это случается и у насъ». Дюмонъ, въ отличіе, напримѣръ, отъ Коцебу, избѣгаетъ говорить о себѣ и о своихъ чувствахъ, замѣчая, что это никого не можетъ интересовать. Ведя свой дневникъ, онъ едва ли думалъ объ его опубликованіи, а Коцебу писалъ для публики.

II.

21 апрѣля нов. ст. 1803 г. Дюмонъ выѣхалъ изъ Лондона въ Грэвзэндъ, маленькій городокъ на правомъ берегу Темзы. Однимъ изъ его спутниковъ оказался шотландецъ Петерсонъ съ семьею. Дюмона заинтересовало то, что они были выписаны русскимъ вельможей въ его имѣніе подъ Москвою въ качествѣ фермеровъ. По словамъ Дюмона, этотъ Петерсонъ производилъ очень благопріятное впечатлѣніе; онъ стремился къ нововведеніямъ въ земледѣліи.

5 мая судно пристало къ Эльсипору въ Даніи. Здѣсь Дюмонъ обзавелся паспортомъ для въѣзда въ Россію, которымъ не запасся въ Англіи, а безъ паспорта никого въ Петербургъ не пропускали. «Къ чему паспортъ,—разсуждалъ Дюмонъ.—Это лишь удостовѣреніе того, что пріѣзжаешь изъ какого-нибудь балтійскаго порта. Ничего подобнаго не требуютъ во многихъ странахъ, никакого паспорта не спрашиваютъ въ Англіи. Развѣ происходитъ отъ этого какое-либо неудобство».

16 мая показался Кронштадтъ. «До входа въ гавань, — говоритъ Дюмонъ,—подвергаешься первому осмотру», который ограничивается предъявленіемъ паспортовъ, сообщеніемъ именъ и фамилій пассажировъ, короткимъ объявленіемъ капитана о составѣ груза, что сопровождается маленькимъ подношеніемъ въ двѣ бутылки джина. По мѣстнымъ правиламъ при въѣздѣ тушится огонь, который не допускается на судахъ, и судовые повара принуждены стряпать пищу для экипажа на берегу. Гостиницы прокоптѣли отъ табачнаго дыма. Въ самой лучшей изъ нихъ—Бека можно получить только комнаты съ тремя или четырьмя кроватями. Я возвращаюсь спать на судно.

Вторникъ 5/17 мая. Изъ прогулки по Кронштадту я убѣдился, что произведены большія улучшенія. При первомъ моемъ путешествіи, въ серединѣ іюля 1785 г., улицы не были вымощены; вездѣ стояла грязь по колѣно; отовсюду неслись смрадъ и вонь. Дѣйствительно, это былъ самый грязный и самый отвратительный въѣздъ,

какой только можно было себѣ представить. Мнѣ говорили, что иначе и не могло быть, такъ какъ мѣстность представляла болото, что почва погружалась по мѣрѣ того, какъ ее старались поднимать, что это зловоніе происходило подъ вліяніемъ солнечнаго зноя и что не было никакого способа къ устраненію подобныхъ неудобствъ. Императоръ Александръ не повѣрилъ этимъ утвержденіямъ, подобающимъ невѣжеству и лѣни. Онъ приказалъ, и скоро все съ виду измѣнилось. Вымощено нѣсколько улицъ, прорыты канавы для пріема и стока водъ, засыпаны нѣкоторыя болотистыя мѣста; улицы стали опрятными, и воздухъ чистымъ. Дома стали украшаться; нѣкоторые изъ нихъ окружены садиками, выращиваются цвѣты и овощи. Дамба, каналы, верфи сооружены прекрасно; батареи св. Яна [1]) Кронштадта и валъ образуютъ довольно сильную крѣпость. Казармы состоятъ изъ десяти зданій. Когда я проходилъ, меня поразили звуки концерта, не столько стройнаго, сколько шумнаго, свидѣтельствовавшаго о своеобразномъ весельѣ, которое вовсе не ожидаешь найти въ казармѣ. Мнѣ сказали, что по правиламъ воинской службы день солдатъ кончается пѣснями. Я указываю на это правило, какъ на предметъ, достойный подражанія, на примѣръ человѣчности, вполнѣ соотвѣтствующій хорошей политикѣ. Жара слишкомъ велика, чтобъ могли быть допущены военныя упражненія, 18 градусовъ въ тѣни, солнце печетъ даже тамъ, гдѣ свѣжо.

Я нашелъ въ грудѣ бумагъ, на днѣ моего дорожнаго мѣшка декларацію правъ человѣка Сьейеса. Я не сохранилъ о ней никакого воспоминанія и прочелъ ее безъ предубѣжденія. Въ свое время я ею вовсе не восхищался, она даже подвергалась критикѣ въ Courrier de Provence; изъ-за этого вышла непріязненная сцена между Сьейесомъ и Мирабо. Но какъ я былъ далекъ отъ мысли найти это произведеніе столь слабымъ, столь ничтожнымъ, столь деспотичнымъ и столь глупымъ, какъ оно показалось мнѣ теперь! Развѣ было возможно ослѣпленіе такимъ тусклымъ, такимъ туманнымъ свѣтомъ? Краснорѣчіе Руссо можетъ оправдать тѣхъ, которые имъ увлечены; но изъ того, что это холодная, сухая и ложная метафизика послужила однимъ изъ поводовъ къ возбужденію умовъ во Франціи и къ ихъ ожесточенію, становится именно яснымъ, что успѣхъ дѣла зависитъ болѣе отъ момента и отъ расположенія умовъ, чѣмъ отъ внутренняго достоинства сочиненія.

Такъ какъ у меня была рекомендація къ г. Воузлеру, агенту англійской торговой конторы, то я обѣдалъ у него; разговоръ коснулся царствованія Павла. Говорили, что, кто не былъ свидѣтелемъ его, тотъ не повѣритъ фактамъ времени его правленія, и приводятъ такіе, которые дѣйствительно кажутся невозможными. Говорятъ о

---

[1]) Нынѣ цитадель. Батарея св. Яна выстроена адмираломъ Крюйсомъ.

новомъ царствованіи съ чувствомъ счастья, усугубленнаго контрастомъ.

Выходя, я увидѣлъ каторжниковъ, съ кандалами на ногахъ, исполнявшихъ подъ карауломъ солдатъ разныя общественныя работы. Я видѣлъ, какъ нѣкоторые вошли въ кабакъ. Они преспокойно идутъ выпить со своей стражей и со всякимъ другимъ людомъ. Мнѣ говорили, что въ этомъ классѣ (русскаго) народа смотрятъ на судебныя наказанія иначе, чѣмъ въ другихъ странахъ. Это такія маленькія несчастья, которыя не оставляютъ слѣдовъ. Пойманнаго въ мошенничествѣ на рынкѣ полицейскій офицеръ тутъ же приказываетъ бить кнутомъ; на него смотрятъ, какъ на школьника, наказаннаго за продѣлку, при чемъ наказаніе не влечетъ за собой никакихъ послѣдствій. Въ средѣ болѣе образованныхъ классовъ, какъ я слышалъ, не считается предосудительнымъ, чтобы человѣкъ самаго дурного поведенія, который вездѣ въ другихъ странахъ признавался бы обезчещеннымъ на всю свою жизнь, возвратился черезъ нѣкоторое время въ общество, какъ ни въ чемъ не бывало. Г-жа Сталь высказывала мнѣ свое удивленіе по поводу того, что въ Парижѣ забывались самыя скверныя дѣла. Она говорила, что ничего не было безнравственнѣе подобнаго недостатка памяти. Все это можетъ быть преувеличено. Нужны факты; правда, что въ Англіи человѣка, учинившаго безчестное дѣяніе, не прощаютъ.

Нужно исполнить нѣсколько церемоній, прежде чѣмъ покинуть Кронштадтъ: утренній визитъ адмиралу, осмотръ паспортовъ, опросъ о личности, о предметѣ путешествія и пр. Было около ста человѣкъ, нѣсколько молодыхъ шотландцевъ, только что поженившихся и приглашенныхъ сюда на бумагопрядильни или на фермы, которыя думаютъ устроить по англійскому образцу. Это подражаніе императору и способъ заслужить его благоволеніе. Нужно побывать также у коменданта, который подписываетъ паспорта. На все это уходитъ день. Вещи, запечатанныя на суднѣ, отсылаются въ С.-Петербургскую таможню. Бумажная волокита; инстанціи, учрежденныя для взаимнаго контроля, двойное дѣлопроизводство; нѣтъ правительства, которое бы требовало такъ много письма. Мнѣ позволили взять большой мѣшокъ съ постельнымъ бѣльемъ и жестяную коробку и не хотѣли ихъ осматривать. Лодка, которую мы беремъ для проѣзда въ Ораніенбаумъ, имѣетъ 12 гребцовъ и стоитъ только три рубля (7 шил. 6 пен.). Гребутъ весело, поютъ во время переѣзда.

Середа 6/18 мая. Гулянье въ садахъ Ораніенбаума; Сѣверная гостиница; нѣтъ правильной почтовой гоньбы между Ораніенбаумомъ и С.-Петербургомъ, хотя движеніе по этой дорогѣ очень значительно. Путешественникамъ приходится ожидать обратныхъ экипажей. Такъ какъ ихъ не было, мы вынуждены были потерять сутки и выписать экипажъ, который стоилъ очень дорого (18 рублей).

Дорога въ С.-Петербургъ отъ Ораніенбаума очень дурна до Петергофа, далѣе превосходна и разнообразна. Дачи, поля, сады, видъ на Неву вдали, а на горизонтѣ золоченые куполы и высокія башни, предвѣщающіе издали великолѣпіе столицы. Особенно поражаютъ здѣсь путешественника изящество и изысканный вкусъ нѣкоторыхъ дачъ.

III.

Четвергъ, пятница, суббота, 9/21 мая. Обѣдалъ у моего племянника съ г. Лебрюнъ [1]) судостроителемъ, долго работавшимъ въ Константинополѣ и построившимъ судно: «Востокъ» (l'Orient). Это одинъ изъ самыхъ искусныхъ судостроителей. Нѣмецъ генералъ Клингеръ [2]), воспитатель кадетскаго корпуса, умный человѣкъ, но, какъ мнѣ кажется, слишкомъ увлекающійся своимъ воображеніемъ; онъ написалъ нѣсколько философскихъ романовъ. Онъ говорилъ со мною о сочиненіи Бентама такъ, что нельзя было не заинтересоваться; я узналъ, что въ Петербургѣ продано «Principes» столько же, сколько въ Лондонѣ (около сотни). Вечеромъ былъ въ комедіи, театрѣ не столь обширномъ, какъ Друриленскій театръ и не столь элегантномъ: столбы между ложами мѣшаютъ зрѣнію и придаютъ зданію видъ немного массивный. Давали «Le Philinte» Фабра d'Эглантина (Fabre d'Eglantine [3]). Пьеса имѣла здѣсь и въ Москвѣ большій успѣхъ, чѣмъ въ Парижѣ; довольно хорошо сыграна. Сэнклеръ подражаетъ Флери [4]) въ роли Филинта. Ла Рошъ подражаетъ де Молэ [5]) въ роли Альцеста; мой старый другъ Оффрэнъ еще очень хорошъ въ роли адвоката, онъ удивителенъ для своего возраста. По части силы и жара можно было бы сказать quantum mutatus ab

---

[1]) 16 января 1799 приняты россійскимъ министромъ Тамарою въ русскую службу находящіеся при Оттоманской Портѣ два мастера корабельной архитектуры французы братья Лебрюнъ. Въ 1800 г. имен. пов. 26 марта поручено имъ строить два фрегата при С.-Петербургскомъ адмиралтействѣ.

[2]) Ѳедоръ Ивановичъ Клингеръ, Maximilian Friedrich von Klinguer, 1753—1831), нѣмецкій поэтъ періода «бури и натиска» (авторъ драмъ и романовъ), вступилъ на русскую службу въ 1780 г., въ 1800 г. назначенъ директоромъ перваго кадетскаго корпуса, въ началѣ царствованія имп. Александра I и пажескаго, въ 1804 г. попечителемъ дерптскаго учебнаго округа. Какъ директоръ, Клингеръ, былъ человѣкъ суровый, холодный, не внушавшій своимъ воспитанникамъ любви къ себѣ. *Ред.*

[3]) Philippe François Nasaire Fabre d'Eglantine (1750—1794) французскій литераторъ и политическій дѣятель, обезглавленный 5 апрѣля 1794 г. Его комедія, «Le Philinte ou la suite du misanthrope», въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ. была сыграна въ Парижѣ въ первый разъ въ 1790 г.

[4]) Abraham Joseph Bénard dit Fleury, французскій актеръ (1750—1822), участникъ французской комедіи.

[5]) François Réné Molé (1734—1802), французскій актеръ, участникъ французской комедіи.

illo, но онъ еще обладаетъ такой точностью, такой вѣрностью и чистотой дикціи, такимъ умѣніемъ произносить послѣдній слогъ, замѣняющимъ силу, и такимъ искусствомъ отличить интересное слово для того, чтобы его отчеканить.

Предметъ разговора больше спектакль, актеры, актрисы, чѣмъ самыя піесы.

Воскресенье 10/22 мая. — Парадъ на дворцовой площади гвардіи, роскошной части войска. Императоръ верхомъ проѣхалъ передъ рядами, послѣ чего гвардія прошла мимо него. Государь пошелъ во дворецъ пѣшкомъ, съ одной стороны его сопровождалъ великій князь Константинъ, съ другой — французскій посланникъ Гедувиль [1]).

Недѣля въ семейномъ кругу, два дня на Каменномъ островѣ. Императоръ тамъ имѣетъ дачу, меблированную элегантно и просто; онъ предпочитаетъ проводить въ ней лѣто, такъ какъ она мало помѣстительна, въ виду чего число придворныхъ, по необходимости, очень ограничено.

Привожу нѣсколько фактовъ, собранныхъ въ обществѣ, за достовѣрность которыхъ, мнѣ кажется, я могу ручаться.

Театры въ первые годы царствованія Екатерины II содержала казна; мѣста въ нихъ были даровыми и раздавались разнымъ особамъ по ихъ чину; давно они уже оплачиваются при входѣ, но доходъ съ нихъ не покрываетъ двухъ третей расхода, такъ какъ французскіе и нѣмецкіе актеры стоятъ дорого и очень многочисленны; а лучшіе русскіе актеры получаютъ самую мизерную плату. Этотъ расходъ казны мнѣ кажется полезнымъ не только какъ средство образованія вкуса и распространенія нѣкоторыхъ литературныхъ знаній, но еще, какъ способъ приличнаго развлеченія большого города и предоставленія многимъ праздным людямъ предмета для разговора. Я не разслѣдовалъ, насколько французскіе идеи, со всѣмъ ихъ преувеличеніемъ, пустили ростки въ этой странѣ и еще болѣе, какъ мнѣ сказывали, въ Москвѣ. Французская революція была принята со страстью; молодымъ людямъ она совсѣмъ вскружила голову, права человѣка стали всеобщимъ катихизисомъ; нѣкоторые не стѣснялись, даже когда Робеспьеръ былъ во главѣ правительства, выражали свое безграничное удивленіе и свое сочувствіе революціи. Мнѣ назвали даже знаменитыхъ вельможъ, важныхъ помѣщиковъ, проповѣдывавшихъ эту систему со всѣми крайностями. Не слѣдуетъ поэтому удивляться, что Екатерина, въ концѣ своего царствованія, забила тревогу, сдѣлалась подозрительною и боязливою и удвоила предосторожности своей тайной полиціи. Этимъ еще объясняется дикое царствованіе Павла I,

---

[1]) Gabriel Marie Joseph Théodore comte de Hédouville (1755—1825), посланникъ въ Спб. съ 19 декабря 1801 г. по іюль 1804.

который нашелъ нужнымъ подтянуть всѣ бразды правленія и приступилъ къ этому такъ, какъ мы видѣли, въ силу своихъ причудъ; онъ ошибся въ средствахъ, но мнѣ кажется, сообразно всему тому, что я слышалъ, что въ эту эпоху правительство нуждалось въ большой бдительности и въ проявленіи силы. Еще существовали преувеличенныя идеи; какъ въ театрѣ, такъ и въ политикѣ, въ Россіи имѣются, какъ бы сказать, двойныя роли, и подобно тому, какъ я узнаю въ самыхъ почитаемыхъ актерахъ рабскихъ подражателей Молэ, Флэри и Дюгазонъ [1]) и пр., такъ точно я убѣжденъ, что мнѣнія русскихъ о свободѣ были подражаніемъ мыслямъ Мирабо, Пэтіона, Робеспьера и Сьейеса; здѣсь не образовалась бы школа мыслителей, но школа подражателей (copistes). Я записываю результаты безъ означенія фактовъ, которые легли въ основу этого замѣчанія.

Слѣдуетъ удостовѣриться въ одномъ фактѣ и разсмотрѣть его: я имѣю въ виду увеличенія цѣнъ на большую часть съѣстныхъ припасовъ; говорятъ, за двадцать лѣтъ цѣны утроились, а если сравнить съ цѣнами за 40 лѣтъ, то окажется, что въ совокупности цѣна въ пять разъ выше той, какая была тогда. То же самое и въ Москвѣ. Лишь брильянты не стали дороже: они въ той же цѣнѣ, въ которой были въ половинѣ прошлаго столѣтія. Это увеличеніе цѣнъ не имѣло своимъ послѣдствіемъ пропорціональнаго увеличенія платы за трудъ.

Императоръ Александръ сознавалъ необходимость прекратить расточительность, какая была при его отцѣ. Онъ нашелъ средства къ этому въ бережливости. Смѣта двора, что здѣсь называется кабинетомъ, была уменьшена наполовину, и все-таки сберегаются 600.000 руб., тогда какъ при Павлѣ и даже при Екатеринѣ кабинетъ былъ всегда въ долгу на одинъ или два милліона. Я узналъ отъ Г. Віолье [2]) объ опасеніяхъ Лагарпа насчетъ моего перваго пребыванія въ Россіи; онъ всегда думалъ, что черезъ посредство моихъ друзей и моего семейства я старался его смѣстить; подробности его тревогъ по этому поводу мнѣ напомнили различные разговоры, которые онъ имѣлъ тогда со мною, и въ которыхъ онъ изображалъ свое положеніе настоящимъ адомъ и заявилъ мнѣ, что онъ оставался на мѣстѣ только потому, что, надѣлавъ долговъ и не получивъ жалованья, былъ въ кабалѣ. Я былъ такъ далекъ отъ цѣли, которую онъ предполагалъ во мнѣ, подобная мысль мнѣ даже такъ мало приходила въ голову, что я былъ обманутъ его вымышленными увѣреніями, и, безъ сомнѣнія, если бы

---

[1]) Jean Henri Gourgand dit Dugazon (1746—1809), французскій актеръ.

[2]) Gabriel François Viollier, Гаврила Петровичъ, миніатюристъ, секретарь импер. Маріи Ѳеодоровны (1782), директоръ Екатерининскаго института, умеръ при Николаѣ I.

Лагарпу случилось умереть и мнѣ бы предложили замѣнить его, я бы на это не согласился. Віолье мнѣ разсказывалъ все это съ цѣлью увѣрить меня, что Лагарпъ съ той поры призналъ, что я правъ и что я долженъ былъ простить ему все, что его друзья могли выдумать обо мнѣ въ то время, когда они смотрѣли на меня съ такимъ страхомъ и съ такою завистью.

Суббота 15/27 мая.—Справлялся праздникъ въ память основанія Петербурга. Лондонъ и Парижъ ознаменовали бы торжество цѣлымъ рядомъ стиховъ, одъ, посланій, драматическихъ произведеній и пр. Здѣсь ничего. Всѣ войска были вызваны; дворъ отправился торжественной процессіей въ Исакіевскій соборъ, оттуда пѣшкомъ въ Сенатъ. Эта процессія отнюдь не представляла собою чего-либо величаваго или замѣчательнаго. При входѣ процессіи въ церковь послѣдовали громкіе пушечные выстрѣлы съ канонерокъ, съ крѣпости и съ адмиралтейства. Замѣчательнымъ и характернымъ въ этомъ праздникѣ былъ большой линейный корабль, вооруженный 104 пушками и поставленный на Невѣ почти противъ памятника Петру I; на него со справедливою гордостью подняли маленькую шлюпку, первую изъ построенныхъ въ Петербургѣ и притомъ руками его основателя. Этотъ контрастъ поражалъ своимъ величіемъ и говорилъ воображенію; онъ одинъ означалъ успѣхи Россіи въ морскомъ дѣлѣ. Эта идея при всей своей простотѣ показалась мнѣ восхитительной. Въ шлюпкѣ находились четыре старика, изъ которыхъ каждому было болѣе 100 лѣтъ; изъ нихъ одинъ видѣлъ, какъ было положено основаніе этому городу, считающемуся теперь первымъ въ Европѣ. Дворъ расположился на балконахъ Сената подъ балдахиномъ, который вовсе не отличался роскошью. Императоръ подъѣхалъ верхомъ къ памятнику Петра I, и всѣ войска прошли, салютуя своими знаменами основателю имперіи. Статуя Петра I никогда не представлялась мнѣ столь прекрасной, столь крупной и столь величественной, какъ въ этомъ окруженіи безчисленнымъ народомъ, которымъ Петръ какъ будто повелѣвалъ. Мнѣ казалось, что я видѣлъ ее въ первый разъ; все вокругъ придавало ей новый блескъ. Эта величавая поза, этотъ благородный порывъ коня, который какъ будто съ презрѣніемъ возвышается надъ землею, эта приподнятая рука, этотъ императорскій скипетръ, эта гордая и высокомѣрная голова,—все это производило еще большее впечатлѣніе подъ вліяніемъ того, что происходило вокругъ, всего окружающаго,—судовъ, общественныхъ зданій, многочисленнаго народа и цвѣтущей торговли.

Слѣдуетъ особенно замѣтить, что полиція дѣйствовала самымъ умѣреннымъ образомъ; въ предыдущія царствованія она щедро награждала палочными ударами направо и налѣво; было даже опасно находиться въ толпѣ, такъ быстро и неосмотрительно полиція производила расправу. Новый императоръ завелъ другіе по-

рядки; внезапныя экзекуціи стали въ высшей степени рѣдки, полиція держитъ еще въ рукахъ палку, которая можетъ быть нужна только для виду. Изъ того, что народъ не злоупотребляетъ этимъ смягченіемъ строгости, видно, что оно вполнѣ оправдывается. Я не нашелъ его ни свирѣпымъ, ни грубымъ, хотя я вмѣшался въ толпу; она была изумительно многолюдна вечеромъ, когда зажглась иллюминація. Было, можетъ-быть, менѣе безпорядка и суматохи, чѣмъ въ другихъ большихъ городахъ при подобныхъ случаяхъ, навѣрно, менѣе, чѣмъ въ Лондонѣ. Такъ какъ была принята благоразумная мѣра—не раздавали даромъ водки, то я замѣтилъ очень немного пьяныхъ. Самый большой безпорядокъ производили кареты, особенно тѣ, которыя запряжены въ шесть лошадей; ихъ слѣдовало бы вовсе запретить. Набережная была ими запружена, и я удивляюсь, что не было слышно о большемъ числѣ несчастныхъ случаевъ. Иллюминація судовъ и особенно шлюпки Петра I производила красивый эффектъ, а также иллюминація адмиралтейства и крѣпости; вдали въ старомъ Петербургѣ деревянный домикъ, въ которомъ жилъ Петръ I и который бережно хранятъ, былъ освѣщенъ ярче всего. Иллюминація лѣтняго сада была слаба. Англійскій посолъ отличился, выставивъ большое солнце, въ которомъ были транспаранты, одинъ съ англійскимъ гербомъ, а другой съ памятникомъ Петра I съ буквою А, означавшею иниціалъ императора, и девизомъ: «in saecula saeculorum». Ливень въ самую полночь потушилъ иллюминацію.

Утромъ я разговаривалъ цѣлый часъ съ придворнымъ банкиромъ Ралемъ [1]), нѣмецкимъ купцомъ, очень уважаемымъ за его способности и честность. Я услышалъ разсказъ о голландскомъ интриганѣ Вутъ (Woote) [2]), котораго я зналъ въ Лондонѣ и который въ началѣ царствованія Павла пользовался кредитомъ. Доходъ съ таможенъ приблизительно въ восемь или девять милліоновъ; наибольшій доходъ получается въ С.-Петербургѣ. Слѣдовало бы, говорятъ, измѣнить тарифы ввоза и вывоза. Частныя лица терпятъ притѣсненія безъ пользы для казны. Одному купцу Ксантину придется пожертвовать десятью тысячами рублей для примиренія съ тѣмъ, который донесъ на него; послѣдній, подавши жалобу, отказался отъ нея и сказалъ, что ошибся. Сдѣлки такого рода обыкновенны. Контрабандный ввозъ достигаетъ значительныхъ размѣровъ. Сухопутныя таможни приносятъ мало дохода. Тамъ, гдѣ

---

[1]) Александръ Раль возведенъ былъ императоромъ Павломъ въ 1800 г. въ баронское достоинство.

[2]) Генералъ-прокуроръ князь Куракинъ представилъ въ началѣ 1798 г. проектъ измѣненія финансовой системы, поддержанный Вутомъ, комиссіонеромъ голландскихъ банкировъ. Государственному канцлеру князю Безбородко пришлось доказывать всю опасность этого проекта и выдержать пренія съ Вутомъ предъ императоромъ и императрицей.

окажется честный таможенный чиновникъ, онѣ ничего не приносятъ; торговля выбираетъ другой путь и часто случается, что такого чиновника прогоняютъ, какъ мошенника, потому что онъ совѣстливѣе своихъ собратьевъ. Является подозрѣніе, что онъ кладетъ въ карманъ то, чего въ дѣйствительности не получаетъ. Преемникъ, ставшій на его мѣсто, входитъ въ сдѣлку съ иностранными купцами и вновь привлекаетъ торговлю къ этому пункту. Про него говорятъ, что онъ добросовѣстнѣе своего предмѣстника, тогда какъ въ дѣйствительности совершенно обратное. Но гдѣ не встрѣчается подобныхъ злоупотребленій? То же самое и у насъ. Питтъ почти уничтожилъ контрабанду чая и увеличилъ доходъ съ этого продукта, уменьшивъ пошлину на него.

Государственныхъ доходовъ взимается около ста милліоновъ. Бумажныхъ денегъ выпущено приблизительно на 200 милліоновъ. Эта сумма кажется очень незначительной. Половина этихъ бумажекъ находится въ пути по почтѣ: если нужно произвести платежъ въ провинціи, то приходится пересылать деньги въ бумажкахъ, которыя возвращаются въ С.-Петербургъ при обратномъ платежѣ. Выдача векселей ограничивается торговлей между Москвой и Петербургомъ. Поэтому часто ощущается недостатокъ въ бумажныхъ деньгахъ. Однако заботятся объ сокращеніи ихъ количества, на что употребляются суммы, вносимыя въ государственный банкъ, учрежденный Павломъ; банкъ выдаетъ помѣщикамъ подъ залогъ ихъ имѣній ссуды изъ пяти процентовъ, признанныхъ законными. Многіе изъ этихъ заемщиковъ не выполнили своихъ обязательствъ по уплатѣ ссудъ, которыя были выданы на опредѣленные сроки для постепеннаго погашенія; за невзносомъ платежей заложенныя земли были проданы для покрытія казеннаго долга.

Говорятъ, что задолженность русскаго дворянства вообще очень значительна; при большихъ доходахъ нѣтъ порядка, нѣтъ экономіи; управляющіе богатѣютъ самымъ безчестнымъ образомъ и притѣсняютъ крѣпостныхъ. За исключеніемъ роскоши и безпечности, одна изъ причинъ разоренія всѣхъ дворянъ, или, по крайней мѣрѣ, упадка ихъ состоянія, заключается въ томъ, что они не посѣщаютъ своихъ имѣній. Владѣнія ихъ огромны, и владѣльцы ихъ не знаютъ; часть лѣта они живутъ въ одной деревнѣ и не выѣзжаютъ изъ нея. Если бы они пожелали заняться земледѣліемъ и вникнуть въ вопросъ о доходности своихъ владѣній, они могли бы черезъ нѣсколько лѣтъ увеличить ее въ пять и десять разъ, улучшая участь своихъ крѣпостныхъ. Ничего нѣтъ легче, какъ получить изъ имѣнія восемнадцать процентовъ на свой капиталъ; это было бы выгодно иностранцамъ, но имъ не дозволено пріобрѣтать землю въ собственность, и это объясняется, надо полагать, тѣмъ, что покупаютъ не земли, а людей, души. Покупаютъ сотню крестьянъ, тысячу, десять тысячъ; никогда не обозначается количество десятинъ,

количество земли не служитъ мѣриломъ цѣнности. По довольно гадательному подсчету Павелъ пожаловалъ, надо полагать, по крайней мѣрѣ, 800.000 душъ крестьянъ [1]). Это очень прискорбная для нихъ перемѣна состоянія, такъ какъ участь государственныхъ крестьянъ болѣе обезпечена и не столь жестока. Въ Россіи первымъ дѣломъ слѣдовало объявить государственную собственность неотчуждаемой; мнѣ сказали, что императрица такъ и сдѣлала [2]) и что она раздавала крестьянъ лишь въ покоренныхъ областяхъ [3]). Я хорошо знаю, что указъ одного императора можетъ быть отмѣненъ другимъ государемъ, но все-таки была бы наложена узда, а нарушеніе такого закона было бы такъ непопулярно, что новый государь два раза подумалъ бы ранѣе, чѣмъ рѣшился бы его нарушить.

Вторникъ 21 мая (2 іюня). Я провелъ часть утра съ Г. фонъ Розенкампфомъ [4]), лифляндцемъ, бывшимъ судьей въ Ригѣ въ теченіе пятнадцати лѣтъ.

Онъ мнѣ обѣщалъ очеркъ гражданскаго и уголовнаго судопроизводства въ Россіи. Разговоръ съ нимъ былъ для меня интересенъ. Должность судьи ему надоѣла, и онъ получилъ отъ императора Александра пенсію въ 2000 руб., съ обязанностью заняться законодательными работами по составленію русскаго кодекса. Онъ редак-

---

[1]) Въ дѣйствительности около 600.000 д. обоего пола, въ томъ числѣ болѣе половины дворцовыхъ крестьянъ. См. *В. Семевскій.* «Пожалованіе населенныхъ имѣній при имп. Павлѣ». «Русск. Мысль», 1882 г., № 12. *Ред.*

[2]) Это невѣрно. *Ред.*

[3]) Всего при имп. Екатеринѣ II было пожаловано около 850.000 душъ обоего пола. Пожалованія производились въ громадныхъ количествахъ въ областяхъ, присоединенныхъ отъ Польши, но также и въ другихъ частяхъ Россіи. См. *В. Семевскій.* «Пожалованія населенныхъ имѣній въ царствованіе Екатерины II». «Журналъ для всѣхъ», 1906 г., №№ 1 и 2. *Ред.*

[4]) Баронъ Густавъ Андреевичъ Розенкампфъ (1764—1832) окончилъ курсъ Лейпцигскаго университета. У него были свѣдѣнія теоретическія, но (по свидѣтельству нѣкоторыхъ современниковъ) ни Россіи, ни русскаго языка онъ не зналъ. По окончаніи университета и по пріѣздѣ въ 1786 г. въ С.-Петербургъ онъ былъ причисленъ къ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, но вскорѣ возвратился въ Лифляндію и сталъ служить тамъ по дворянскимъ выборамъ, занимаясь въ то же время въ званіи адвоката частными дѣлами. Въ комиссію составленія законовъ при министерствѣ юстиціи онъ вошелъ по рекомендаціи своего товарища по Лейпцигскому университету, сенатора Козодавлева; Розенкампфъ въ 1803 г. былъ выписанъ въ С.-Петербургъ и представленъ товарищемъ министра Ник. Ник. Новосильцевымъ государю, который поручилъ ему составить планъ предполагаемой работы. Послѣдствіемъ представленнаго имъ проекта было учрежденіе въ вѣдомствѣ министра юстиціи кн. Лопухина подъ непосредственнымъ руководствомъ Новосильцева десятой комиссіи составленія законовъ, въ которой самъ Розенкампфъ получилъ мѣсто главнаго секретаря и перваго референдарія *Бар. М. А. Корфъ.* «Жизнь гр. Сперанскаго», ч. I, стр. 146; *П. Майковъ.* «Баронъ Г. А. Розенкампфъ». «Русск. Стар.», 1904 г., №№ 10 и 11; *П. Майковъ.* «Второе Отдѣленіе Соб. Е. В. Канцеляріи». Спб. 1906.

тируетъ указы, распредѣляетъ ихъ, отдѣляетъ тѣ, которые являются повтореніемъ. Онъ думаетъ ввести въ законодательство нѣкоторыя общія начала, и эта работа подвергается обсужденію комиссіи и послужитъ, можетъ-быть, основаніемъ кодекса имп. Александра наподобіе кодекса короля Фридриха. Я не сумѣлъ бы еще сказать, способенъ ли этотъ работникъ исполнить столь великій трудъ. Онъ прочелъ самыя лучшія книги; онъ, навѣрно, знаетъ болѣе русскихъ законовѣдовъ. Это жалкіе прокуроры, заслуживающіе только презрѣнія по своей низости. Но, мнѣ кажется, въ его головѣ нѣсколько смѣшались старыя понятія римскаго права съ новыми философскими началами. Онъ съ удивленіемъ говоритъ о моемъ изданіи Бентама, однако изъ предисловія, имъ изложеннаго, которое онъ мнѣ передалъ, не видно, чтобъ онъ много воспользовался Бентамомъ. Онъ не смѣетъ держаться, при распредѣленіи законовъ классификаціи, которую онъ признаетъ заслуживающею одобренія, онъ боится, чтобы завистники и невѣжды не посмотрѣли на него, какъ на подражателя. Онъ хотѣлъ бы выслужиться оригинальностью и пожертвовать успѣхомъ дѣла въ пользу своего личнаго самолюбія [1]). Здѣсь повторяется то же, что и вездѣ. Редакторы гражданскаго кодекса во Франціи поступили точно такъ же. Я удивляюсь, какъ многіе говорятъ о моемъ изданіи Бентама. Его продали здѣсь столько же, сколько въ Лондонѣ, и даже болѣе, около сотни въ шесть мѣсяцевъ, и книгопродавцы возобновляютъ запасъ. Они еще продадутъ сотню между С.-Петербургомъ и Москвою. Бува [2]) одинъ изъ моихъ соотечественниковъ. Онъ поселился здѣсь четыре года тому назадъ и дѣлаетъ хорошія дѣла. Его магазинъ походитъ, по роду книгъ, на книжныя лавки въ Палэ-Роялѣ. Французскіе классики идутъ хорошо, книгъ изъ словесности греческой и латинской вовсе нѣтъ; онѣ не имѣютъ сбыта. Англійскій языкъ, а равно и нѣмецкій довольно распространены.

Середа 22 мая (3 іюня). Я обѣдалъ у моего стараго пріятеля доктора Грифа [3]), врача Павла, который довѣрялся только ему и который, по излѣченіи отъ гриппа, подарилъ ему домъ, оцѣненный нынѣ въ 80000 руб. Благоволеніе къ нему не прекратилось и впослѣдствіи. Онъ продолжалъ пользоваться прежнимъ званіемъ и исполнять свои обязанности, но есть другой врачъ, которому больше довѣряютъ.

Четвергъ 23 мая (ст. стиль).

Я обѣдалъ во дворцѣ Новосильцева, онъ провелъ три года въ Англіи. Это человѣкъ образованный и, судя по наружности, съ ха-

---

[1]) Ср. отзывъ Дюмона о Розенкампфѣ въ письмѣ къ Ромильи въ іюнѣ 1803 г. *Пыпинъ.* «Русскія отношенія Бентама», «Вѣстн. Евр.», 1869 г., № 2, стр. 805—806. *Прим. Ред.*

[2]) Владѣлецъ книжной лавки на Невскомъ проспектѣ.

[3]) Яковъ Яковлевичъ Грифъ (Grieve), лейбъ-медикъ (род. 1745 г.).

рактеромъ, а по разговору съ здравыми мыслями и желаніемъ общаго блага. Онъ—довѣренное лицо императора, президентъ Академіи Наукъ и статсъ-секретарь. Говорятъ, что все подготовляется у него. Онъ жалуется на то, что ему недостаетъ времени на чтеніе, но онъ успѣлъ прочесть начала гражданскаго и уголовнаго законодательства [1]). Онъ сдѣлалъ мнѣ очень лестный пріемъ. Я видѣлъ его разъ въ Лондонѣ. На этомъ обѣдѣ былъ полякъ князь Адамъ Чарторыскій [2]) и молодой графъ Строгановъ, первый, по новой организаціи министерства, товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ, а второй товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, по званію они помощники министровъ, но въ дѣйствительности близки къ императору и пользуются наибольшимъ вліяніемъ. Эти приближенные императора весьма замѣчательны по своему простому, искренному обхожденію: никакой важности, никакого покровительственнаго вида, вѣжливость, учтивое обращеніе, оживленный разговоръ по интереснымъ вопросамъ,—о новомъ планѣ народнаго образованія и пр. Я имъ сказалъ о трудности имѣть хорошихъ учителей. Приглашаютъ ихъ со всѣхъ сторонъ и дѣлаютъ имъ выгодныя предложенія.

Князь Адамъ Чарторыскій воспитывался нѣкіимъ Льюлье (Lhulier) изъ Женевы, профессоромъ математики въ этомъ городѣ. Графа Строганова воспитывалъ Г. Роммъ, который былъ преподавателемъ химіи въ Парижѣ. Строгановъ провелъ два года въ Женевѣ, гдѣ кончилъ свое воспитаніе [3]). Съ первымъ я познакомился въ Бовудѣ у лорда Ландсдауна, а со вторымъ—въ Женевѣ. Я встрѣтился съ ними, какъ со знакомыми, и очень пріятно провелъ четыре часа. Эти господа очень хорошо знаютъ книгу Адама Смита «Богатство народовъ», которая мало-по-малу дѣлается классическимъ сочиненіемъ. Присутствовалъ польскій епископъ, имени котораго не помню [4]), начальникъ одного изъ новыхъ университетовъ. Онъ не любитъ іезуитовъ. Съ того времени, какъ Павелъ возстановилъ ихъ орденъ въ Россіи [5]), они имѣютъ многихъ завистниковъ. Ихъ генералъ Груберъ [6]) свободно входилъ къ нему, сумѣлъ доставить большой кредитъ своему ордену и потерялъ его по неосторожности. Онъ по-

---

[1]) Бентама.

[2]) Князь Адамъ Георгій Чарторыскій (1770—1856).

[3]) Графъ Пав. Александ. Строгановъ пріѣхалъ въ Женеву вмѣстѣ съ Роммомъ въ ноябрѣ 1787 г., вращался въ обществѣ натуралиста Соссюра и пастора Вернэ, посѣщалъ лекціи химіи Пенгри (Pingri), физика Пинтэ и видѣлся съ самимъ Лафатеромъ. Они провели 20 мѣсяцевъ въ Швейцаріи и въ первыхъ мѣсяцахъ 1789 г. перебрались въ Парижъ. *Вел. Кн. Николай Михаиловичъ.* «Графъ П. А. Строгановъ», I, 58—61.

[4]) Станиславъ Сестренцевичъ-Богушъ, могилевскій римско-католическій митрополитъ (1731—1826).

[5]) Доступъ іезуитамъ въ Бѣлоруссію былъ разрѣшенъ Екатериною II. *Ред.*

[6]) Габріэль Груберъ (1738—1805).

просилъ у императора разрѣшенія вести пропаганду между русскими. Отъ него сразу отвернулись, и онъ не былъ болѣе принятъ [1]). Я слышалъ, что іезуитъ Груберъ, тогда проживавшій въ Могилевѣ, самый замѣчательный человѣкъ въ своемъ орденѣ, содѣйствовалъ тому, что посольство лорда Макартнея [2]) потерпѣло неудачу. При первомъ извѣстіи объ этомъ проектѣ онъ написалъ императрицѣ Екатеринѣ, что имѣетъ сношенія съ іезуитами Пекина и что если Ея Величество желала бы передать приказанія, онъ сумѣетъ ихъ переслать. Приняли его услуги, и онъ предупредилъ своихъ коллегъ, которые употребили все свое вліяніе, чтобы провести англичанъ и представить ихъ честолюбцами, которые всегда готовятся совершить захватъ тамъ, гдѣ они устраиваютъ торговыя конторы. У іезуитовъ имѣется даровая школа въ Петербургѣ, гдѣ они преподаютъ между прочимъ латинскій языкъ.

Пятница 24 мая (5 іюня). Для себя одного я нанялъ шлюпку съ цѣлью поѣздки на Каменный островъ; я сторговался, начертивъ цифры на пескѣ, за 90 коп. Переѣздъ продолжается приблизительно часъ времени.

Я нахожу, что наружный видъ новаго города, гдѣ все напоминаетъ о недавнемъ основаніи, гдѣ еще видны во многихъ мѣстахъ несовершенства недоконченнаго плана, гдѣ все кажется новымъ, дѣйствуетъ на воображеніе и поражаетъ его столь же сильно, какъ развалины и древніе памятники. Я могу имъ предаться безъ печали; я вижу, какъ рука человѣка осушаетъ болота, украшаетъ пустыни, устраиваетъ важный центръ для обмѣна и сообщеній между цивилизованной Европой и необразованной Россіей,—и это недавнее происхожденіе, это дѣтство большой и блестящей столицы, эти свѣжіе слѣды работы основателя, которые я нахожу вездѣ, заставляютъ меня еще сильнѣе ощущать удовольствіе отъ великолѣпія города.

IV.

Я отмѣчу нѣсколько случаевъ изъ царствованія послѣдняго императора. Каждый что-нибудь да передаетъ,—это обычный предметъ разговора. Многіе разсказы повторяются; изъ тѣхъ, которые оказываются однородными, надо выбирать что-либо, являющееся характернымъ. Необходимо еще отнестись съ недовѣріемъ къ преувеличеніямъ и къ злобѣ и отличить хорошее отъ дурного, такъ какъ же-

[1]) Ср. *Морошкинъ*. «Іезуиты въ Россіи». Ч. II. Спб. 1870 г. Стр. 3—5. *Ред.*

[2]) Графъ Георгій Макартней (1737—1806) англійскій дипломатъ; въ 1792 г. онъ былъ въ Пекинѣ въ качествѣ англійскаго посла. *С. Г.* Донесенія Макартнея изъ Россіи см. въ «Сборн. Истор. Общ.» т. XII. Изложеніе его книги «An account of Russia» (L. 1768) см. въ статьѣ Н. А. Бѣлозерской «Россія въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка». «Рус. Стар.» 1887 г., т. 55. *Ред.*

стокое царствованіе произвело все-таки нѣчто полезное, а въ особенности въ двухъ отношеніяхъ, на что мнѣ указалъ заслужившій мое довѣріе наблюдатель: 1) въ войскахъ введены лучшая дисциплина и лучшая выправка солдатъ, а между офицерами—большее усердіе, 2) въ гражданскомъ вѣдомствѣ правосудіе стало менѣе подкупнымъ, судьи, которыхъ императоръ при малѣйшемъ подозрѣніи строго преслѣдовалъ, боялись возбуждать его гнѣвъ, и вообще во всѣхъ департаментахъ чиновники исправнѣе исполняли свои обязанности.

Каждый старался держаться на своемъ посту безупречно изъ боязни, чтобъ правда не дошла случайно до императора и не возбудила его гнѣва. При Екатеринѣ II было допущено слишкомъ много послабленій и мягкости; слишкомъ часто закрывали глаза на злоупотребленія. Такимъ образомъ требовалась нѣкоторая строгость, но, къ несчастью, деспотизмъ портитъ даже то добро, которое онъ можетъ сдѣлать, если только имъ не руководитъ высшій просвѣщенный разумъ. Я былъ бы готовъ простить преемнику Екатерины, нѣмому свидѣтелю, въ теченіе многихъ лѣтъ, распущенности при исполненіи всѣхъ обязанностей, то, что онъ подтянулъ бразды правленія, но его правосудіе походило на судъ кадій: онъ не выслушивалъ, не обсуждалъ и не хотѣлъ ничего знать о предосторожностяхъ, которыя требовалось принять прежде, чѣмъ наказывать. Вообще, однако, его намѣреніе клонилось къ защитѣ народа, къ установленію справедливости и предупрежденію всякихъ дѣйствій, имѣвшихъ цѣлію угнетеніе слабыхъ. Онъ принесъ бы громадную пользу государству, если бы его идеи не были такъ мелочны и если бы къ узкому кругозору не примѣшивались бурныя страсти.

Французская революція, напугавшая уже Екатерину и придавшая послѣднимъ годамъ ея царствованія характеръ болѣе строгій и крутой вслѣдствіе усиленія полицейскаго надзора и проявленія власти, произвела болѣе сильное впечатлѣніе на безпокойный и подозрительный умъ Павла. Этимъ объясняется его наклонность подозрѣвать всѣхъ, пользоваться системой шпіонства, ссылать въ сибирскія пустыни, выслушивать доносчиковъ; отсюда происходитъ это дѣтски ревнивое требованіе внѣшнихъ знаковъ покорности, подобострастія относительно его особы и всей царской фамиліи, эти повелѣнія, чтобы издали останавливались на улицахъ при его появленіи, выходили изъ экипажей среди грязи, чтобы держались передъ нимъ съ непокрытой головой въ холодъ и морозъ или подъ палящими лучами солнца, эти кары, налагаемыя имъ за малѣйшее упущеніе въ соблюденіи этого тягостнаго распорядка, кары несоотвѣтствовавшія проступкамъ. Такого рода анекдоты слышатся вездѣ и вездѣ повторяются въ томъ же видѣ.

Ничего не было опаснѣе, какъ разсѣянность на улицѣ. Павелъ гулялъ одинъ или въ сопровожденіи одного спутника, и два раза

въ день, утромъ и вечеромъ. Его прогулка, тревожная и страшная по послѣдствіямъ, продолжалась два или три часа, онъ самъ производилъ осмотръ, наблюдалъ за всѣми нарушеніями его воли, за шляпами, за галстуками, прическою волосъ, платьями, и всѣхъ замѣченныхъ имъ въ неисправности или въ упущеніяхъ задерживалъ; отправлялъ подъ караулъ, спрашивалъ, какъ ихъ фамилія, гдѣ живутъ, ничего не забывалъ, а если кто успѣвалъ укрыться отъ него, то давалъ полицейскимъ столь точныя показанія, что можно было быть увѣреннымъ въ томъ, что провинившійся будетъ разысканъ. Каждый разсказываетъ съ торжествомъ о томъ, какъ чудесно спасся отъ бѣды. Англичанинъ, одѣтый въ запрещенную шляпу, внезапно встрѣтился съ императоромъ на перекресткѣ улицы, верхомъ на превосходномъ конѣ. Надѣясь на его быстроту, онъ ускакалъ, преслѣдуемый самимъ императоромъ, который, утомившись отъ бѣшеной ѣзды, приказалъ двумъ казакамъ продолжать преслѣдованіе. Англичанинъ, подъ вліяніемъ страха, сознавая насколько опрометчиво дѣйствовалъ, при чемъ подвергалъ, можетъ-быть, опасности свою жизнь, скрылся такъ удачно, что никому не было извѣстно, куда онъ дѣлся. Послѣдовали публикаціи указовъ, угрозы наказаніемъ, обѣщанія наградъ за доносъ о всадникѣ, который долженъ былъ укрыться гдѣ-нибудь на такомъ-то конѣ взмыленномъ, издыхавшемъ и спаленномъ. Надо полагать, что англичанинъ бросился во дворъ дома, принадлежавшаго другу; достовѣрно то, что измѣны не было и что деспотизмъ не добился доносчика.

Взаимно другъ друга предупреждали на улицахъ, дѣлали другъ другу знаки, всѣ останавливались неподвижно на мѣстѣ, на которомъ находились, когда показывался императоръ, и можно было подумать, что эта предосторожность имѣла своею цѣлью предупредить сборище толпы вокругъ него. Это было слѣдствіемъ страха; не разрѣшали собраній: необходимо было получить дозволеніе на танцовальный или другой увеселительный вечеръ, и полиція входила въ дома, гдѣ замѣчала сильное освѣщеніе,—признакъ сборища. Павлу часто приходилось, при видѣ дамъ, бросаться къ ихъ каретѣ, подходить самому къ дверцамъ и вѣжливо предлагать имъ не выходить изъ экипажа. Его вѣжливость составляла страшный контрастъ съ его приказаніями. Казалось, что онъ ихъ давалъ, чтобы имѣть удовольствіе отмѣнять въ видѣ особыхъ исключеній. У тѣхъ, которые не подчинялись этому требованію, задерживали лошадей и отводили ихъ въ полицію, гдѣ наказывали кучера; сами господа часто подвергались арестамъ въ полицейскомъ домѣ на три или четыре дня, и имъ приходилось много тратиться на мелкія издержки.

Важный вопросъ о шляпахъ, прическахъ и галстукахъ ознаменовалъ начало царствованія. Сперва не вѣрили, чтобы капризъ

исходилъ отъ императора. Его приписывали полиціи, старались избавиться отъ исполненія этого требованія, но когда увидали, что разставлены офицеры, что круглыя шляпы велѣно рубить саблями и рвать, что людей подвергали побоямъ, что аресты увеличивались, нужно было подчиниться. Желаніе сопротивляться выразилось въ маленькихъ обходахъ; надѣвали, напримѣръ, кокарды; указы участились, и, наконецъ, все подчинилось. Стали носить обыкновенную прическу, пудру, косичку, бросили носить фраки и модные сапоги; дамскій туалетъ принялъ такой же однообразный видъ, какъ мужской. Сперва эти распоряженія вызывали только смѣхъ, такъ какъ за ними не слѣдовали строгости; но, переходя отъ одного каприза къ другому, императоръ сталъ усердствовать на этомъ поприщѣ; онъ началъ прислушиваться къ доносамъ, и съ тѣхъ поръ все затрепетало, такъ какъ за подозрѣніемъ немедленно слѣдовала ссылка, приказаніе уѣзжать приходило во всякое время, какъ среди ночи, такъ и среди дня. Карета ждала у воротъ; еле-еле вамъ давали минуту на извѣщеніе пріятеля и кое-какія необходимыя распоряженія. Павелъ не проливалъ крови; что касается тайныхъ казней, то существовало болѣе подозрѣній, чѣмъ доказательствъ; въ его характерѣ не было обыкновенія утаивать свои дѣйствія.

Я не люблю останавливаться на мелочахъ. Ихъ въ изобиліи можно найти въ книгѣ полковника Массона [1]), Коцебу и въ другихъ мѣстахъ.

Я замѣчаю, что довольно часто относятся съ презрѣніемъ къ анекдотамъ полковника Массона о царствованіяхъ Екатерины и Павла I. Много лжи, невѣжества и пристрастія. Другіе же говорили мнѣ противное.

С. Горяиновъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

---

[1]) *Masson.* Mémoires secrets sur la Russie et particulierement sur la fin du règne de Catherine II et le commencement de celui de Paul I. Vol 1—3. P-an VIII—X (1800 — 1802). *Kotzebue.* Das merkwürdigste Jahr meines Lebens. Berlin. 2. Theile. 1801 (переводъ см. въ прилож. къ «Древн. и Нов. Россіи». 1879 г.)

Дневникъ Этьена Дюмона объ его пріѣздѣ въ Россію въ 1803 г.

(Продолженіе).

V.

Розенкампфъ обѣщалъ сообщить мнѣ подробности объ организаціи судебныхъ мѣстъ. Законовѣды находятся здѣсь въ крайнемъ презрѣніи. Прокуроры дѣлаютъ все. Судебныхъ преній совсѣмъ не полагается, дѣла рѣшаются по письменнымъ доказательствамъ; тяжущіеся на судъ не являются; гласности нѣтъ, все совершается втайнѣ. Это несовершенство организаціи окончательно уронило достоинство суда. Есть суды, состоящіе изъ купцовъ; ихъ члены избираются изъ всего сословія, а такъ какъ люди состоятельные и пользующіеся кредитомъ отказываются отъ такой должности, мало почетной и обременительной для дѣлового человѣка, то выборъ падаетъ на людей незначительныхъ, для которыхъ выгодно получить нѣсколько сотъ рублей, не считая незаконныхъ поборовъ. Мой племянникъ Дюваль разсказалъ мнѣ въ видѣ примѣра случай, съ нимъ происшедшій. Одинъ русскій принесъ ему перстень и просилъ за него несообразную цѣну. Дюваль отказался. Продавецъ проситъ и настаиваетъ на совершеніи сдѣлки. Чтобъ отдѣлаться отъ него, Дюваль оставляетъ за собой перстень, уплативъ 250 руб. Нѣсколько дней спустя, является полиція и наводитъ справку объ этомъ перстнѣ; оказывается, что онъ былъ украденъ; приводятъ и вора, котораго уличаютъ, уносятъ перстень и сажаютъ вора въ тюрьму. Мѣсяца черезъ два или три Дюваль былъ вызванъ въ уголовный судъ для выслушанія приговора, постановленнаго противъ него. Этотъ приговоръ состоялся безъ всякихъ формальностей, Дюваль не подвергался никакому допросу. Приговоръ гласилъ, что Дюваль въ силу

такого-то указа присуждался, какъ пріобрѣвшій завѣдомо краденое, къ уплатѣ тройной стоимости перстня. Онъ проситъ, чтобъ ему прочли указъ, и замѣчаетъ, что онъ присуждалъ покупщика къ наказанію только въ томъ случаѣ, если онъ дѣйствовалъ неосмотрительно, а неосмотрительность въ данномъ дѣлѣ могла бы усматриваться лишь въ цѣнѣ купленныхъ предметовъ; что, если бы онъ уплатилъ за перстень ниже его стоимости, это свидѣтельствовало бы противъ него, но онъ уплатилъ за него выше его стоимости. Онъ замѣчаетъ еще судьямъ, что они должны возвратить ему перстень или вычесть его стоимость, такъ какъ, если она не будетъ вычтена, онъ уплатитъ стоимость перстня вчетверо, между тѣмъ, какъ указъ присуждаетъ лишь къ тройному штрафу. Но его не слушаютъ, и онъ принужденъ былъ уплатить всю сумму сполна. Дюваль разсказалъ объ этомъ при дворѣ. Тамъ нашли всю исторію очень забавной, въ особенности посмѣялась императрица, которая видѣла во всемъ этомъ одну шутку.

. Это единственное дѣло, въ которомъ моему племяннику пришлось ближе познакомиться съ судопроизводствомъ. Однако честность встрѣчается во всѣхъ странахъ. Мой племянникъ сообщилъ мнѣ очень интересныя подробности объ артеляхъ изъ уроженцевъ Архангельской губер., служащихъ въ таможняхъ или по торговой части. На нихъ можно положиться, они производятъ платежи и получаютъ деньги; ихъ нечего провѣрять, — до такой степени ихъ репутація хорошо установлена. Не боятся поручать имъ суммы въ 50.000 и въ 100.000 рублей для перевозки изъ одного города въ другой. У племянника есть артельщикъ, которому онъ довѣряетъ вполнѣ. Для того, чтобъ его держать при себѣ, требуется уплатить, кромѣ жалованья ему самому, извѣстную сумму артели.

Середа 29 мая (10 іюня). Утро провелъ у Розенкампфа, умѣющаго отлично льстить. Онъ желалъ бы воспользоваться, при распредѣленіи русскихъ законовъ, планомъ Бентама, да не смѣетъ и дѣлаетъ довольно слабыя возраженія для того, чтобы скрыть свое опасеніе прослыть подражателемъ. Онъ хочетъ распредѣлить преступленія на десять или двѣнадцать разрядовъ. Я ему доказалъ, что всѣ эти распредѣленія переплетаются одно съ другимъ. Онъ мнѣ показалъ нѣсколько синоптическихъ таблицъ, составленныхъ для императора. Это служитъ доказательствомъ, что у государя методическій умъ и что онъ судитъ по совокупности всего сдѣланнаго. Розенкампфъ мнѣ говорилъ о Завадовскомъ [1]), приказномъ стараго порядка, относившемся съ презрѣніемъ къ книгамъ и теоріямъ; онъ номинально министръ юстиціи [2]); работа Розенкампфа

[1]) Графъ Петръ Васильевичъ Завадовскій (1739 — 1812), предсѣдатель комиссіи по составленію законовъ, съ 1802 г. министръ народнаго просвѣщенія.

[2]) На Завадовскаго временно возлагалось управленіе министерствомъ юстиціи. См. *Листовскій.* «Біографія гр. П. В. Завадовскаго». «Русск. Арх.» 1883 г., № 3.

не проходитъ черезъ его руки, а представляется непосредственно императору. Розенкампфъ, выразивъ свое глубокое почтеніе относительно самого императора и тѣхъ, которые пользуются его непосредственнымъ довѣріемъ, распространился о своихъ благородныхъ чувствахъ, о своемъ безкорыстіи, своемъ презрѣніи къ почестямъ, своемъ желаніи закончить свою работу и затѣмъ удалиться въ родной край, гдѣ онъ бы могъ найти болѣе просвѣщенное общество. Все дурное, что говорилъ онъ мнѣ о Россіи, одна хитрость, наподобіе Лагарпа: онъ боится, чтобы мнѣ не сдѣлали предложенія остаться въ Россіи. Онъ даже мнѣ сказалъ, что думали объ этомъ, и онъ хотѣлъ меня предупредить, чтобъ я не поддавался; я ему не мѣшалъ болтать всякій вздоръ и хитрить, сколько ему было угодно.

Вечеромъ я посѣтилъ въ кадетскомъ корпусѣ генерала Клингера; это нѣмецъ, человѣкъ умный, извѣстный въ Германіи нѣкоторыми сочиненіями по литературѣ, изслѣдованіями по философіи, романомъ Фауста (Faustsleben) [1]). Въ философіи онъ близокъ къ Дидро, направленія нѣсколько антирелигіознаго. Онъ славится какъ человѣкъ честный и пользуется милостью императора. Онъ стоитъ во главѣ нѣсколькихъ воспитательныхъ заведеній: корпусовъ кадетскаго и пажескаго. Онъ ввелъ строгость, преобразованія и большія сбереженія; таково было требованіе времени. При этихъ условіяхъ можно было разсчитывать на успѣхъ въ царствованіе Павла I, хотя убѣжденія Клингера, клонившіяся въ пользу французской революціи, были очень извѣстны. Онъ благополучно пережилъ это бурное царствованіе, благодаря воинственной наружности и военной выправкѣ; онъ хватилъ черезъ край въ этомъ направленіи, зная, что такимъ способомъ можно было попасть въ милость. Въ кадетскомъ корпусѣ 750 учениковъ, изъ нихъ нѣкоторые въ женскихъ рукахъ; по словамъ Клингера, они успѣваютъ лучше другихъ. Русское дворянство самое бѣдное во всемъ свѣтѣ; дѣти, воспитываясь въ деревняхъ, пріучаются къ грубымъ нравамъ и воспитываются крѣпостными; ихъ то бьютъ, то балуютъ, не имѣя къ тому и другому ни повода, ни основанія. Клингеръ вообще находитъ въ нихъ большія способности къ наукамъ, особенно къ математикѣ; по его словамъ, у него, по крайней мѣрѣ, 250 учениковъ, очень свѣдущихъ въ геометріи. Съ этими счастливыми способностями они не идутъ далѣе того, что требуется вслѣдствіе врожденной безпечности и недостатка соревнованія. Кадеты, женщины, преподаватели, солдаты, ремесленники, какъ, напр., портные, плотники, сапожники, представляютъ собою одно цѣлое въ 2500 человѣкъ, сосредоточенное въ одной оградѣ; управленіе въ рукахъ Клингера, подъ вѣдѣніемъ великаго князя Константина.

---

[1]) Переводъ его только что изданъ книгоиздательствомъ Некрасова въ Москвѣ. *Ред.*

Съ Клингеромъ совѣтовались насчетъ плана народнаго просвѣщенія, и онъ потребовалъ, чтобъ издавались отъ времени до времени въ видѣ журнала отчеты, въ которыхъ излагалось бы все, что происходило въ заведеніяхъ и приводились бы имена учениковъ, принятыхъ по ихъ успѣхамъ въ Академію.

Наказанія, введенныя въ корпусахъ,—лишеніе стола, двойные уроки, отказъ въ отпускахъ. Клингеръ возстановилъ въ нихъ розги для крупныхъ проступковъ, и наказаніе производится на парадѣ, публично, т.-е. на гауптвахтѣ. Этого я не могу одобрить. Наказаніе такого рода должно ослаблять чувство чести или казаться слишкомъ тяжкимъ для грѣховъ молодости; впрочемъ, нельзя о томъ судить иначе, какъ при тщательномъ изслѣдованіи. Молодые ученики очень чувствительны насчетъ чести. Клингеръ отправилъ ихъ 45 человѣкъ въ итальянскій походъ; изъ нихъ возвратилось только десять; остальные погибли на полѣ сраженія, гдѣ они бросались въ самыя опасныя мѣста. При ихъ выступленіи многіе рыдали, сожалѣя о томъ, что они не шли въ походъ. Мнѣ кажется, можно достигнуть всего при такихъ свойствахъ юношей. Женщины, живущія въ этомъ корпусѣ, жены ремесленниковъ, солдатъ и пр. подвергаются также тѣлесному наказанію по старому русскому обычаю, когда онѣ въ чемъ-либо сильно провинятся, подерутся, напьются, вообще ведутъ себя неприлично. Зовутъ мужа и велятъ ему высѣчь жену розгами, какъ сѣкутъ дѣтей, при полицейскихъ приставахъ. Содержаніе этого заведенія стоитъ теперь 235.000 руб., Института благородныхъ дѣвицъ—200.000 руб., Пажескаго корпуса—150.000 руб. въ годъ. Императоръ расходуетъ въ Петербургѣ около 2.000.000 р. на разныя учебныя заведенія. Результаты еще впереди.

По мнѣнію Клингера, отличительной чертой русской исторіи является то, что въ ней нѣтъ ни религіозныхъ войнъ, ни борьбы изъ-за политическихъ идей. Религія лишена созерцательныхъ догматовъ, русскіе не имѣютъ о томъ никакого понятія. Все ограничивается почитаніемъ иконы святого и крестнымъ знаменіемъ. Священники не имѣютъ никакого имущества, не пользуются вліяніемъ. Народъ ихъ чтитъ. Общество ихъ презираетъ. Имъ цѣлуютъ руку, но сажаютъ за столъ въ людскихъ. Нужно исключить тѣхъ, которые занимаютъ первыя мѣста. Есть, однако, секта, о которой слѣдуетъ собрать болѣе подробныя свѣдѣнія; Павелъ ихъ преслѣдовалъ; это—раскольники.

1 (13) іюня суббота. Свадьба моей племянницы Елизаветы съ г. Лепэнъ (Le Pin) [1]). Мы вмѣстѣ были у генеральнаго комиссара Лессепса [2]), у котораго бракъ былъ совершонъ гражданскимъ поряд-

[1]) Племянница Дюмонъ, дочь сестры его Жакелины Сегэнъ, Елисавета.

[2]) Jean Baptiste Barthélemy baron de Lesseps (1766—1834), французскій вице-консулъ въ Кронштадтѣ въ 1783 г., въ 1784 г. участвовалъ въ кругосвѣтномъ плаваніи Лаперуза, въ 1787 г. изъ Петропавловска въ Камчаткѣ.

комъ. Брачный договоръ былъ прочитанъ и подписанъ; Лессепсъ прочелъ статью закона и провозгласилъ, что супруги соединены бракомъ. Оттуда мы отправились въ католическую церковь, гдѣ аббатъ Пенгилье (Pinguillier) благословилъ бракъ съ большимъ достоинствомъ и простотой, избѣгая въ своемъ наставленіи всего того, что могло бы оскорбить ученіе протестантской церкви, а нашъ пасторъ Делазонэ (Delazaunais) отправился къ г. Лепэнъ и у него прочелъ литургію нашей церкви.

Г. Лессепсъ, генеральный комиссаръ торговли, выѣхалъ съ де Лаперузомъ и, къ счастью, былъ оставленъ въ Камчаткѣ, такъ какъ онъ умѣлъ говорить по-русски. Онъ написалъ реляцію о своемъ путешествіи.

3 (15) іюня. Обѣдалъ у доктора Грива (Grieve). Здѣсь были сенаторъ Козодавлевъ [1]), князь Голицынъ [2]), одинъ изъ лицъ, принадлежавшихъ къ обществу императора; голландскій посланникъ Бюисъ (W. Buys), который, какъ мнѣ кажется, не расположенъ къ англичанамъ; управляющій кабинетомъ Гурьевъ [3]). Управляющимъ кабинетомъ здѣсь называютъ, собственно говоря, завѣдывающаго особыми расходами императора, его особыми приходами, источникомъ которыхъ служатъ рудники и сборъ мѣхами. Онъ не имѣетъ сношеній съ Государственнымъ Совѣтомъ и не занимается внѣшней политикой.

4 (16) іюня. Обѣдалъ на дачѣ по дорогѣ въ Петергофъ у сенатора Козодавлева съ Розенкампфомъ. Сенаторъ говорилъ со мною о комиссіи, въ которой онъ былъ членомъ. Она состоитъ изъ четырехъ сенаторовъ и имѣетъ своимъ предметомъ пересмотръ старыхъ производствъ о сосланныхъ въ Сибирь. Они пересмотрѣли ихъ болѣе трехсотъ, представляютъ свои замѣчанія императору, который, на основаніи ихъ мнѣнія, смягчаетъ приговоры, показавшіеся слишкомъ строгими, отмѣняетъ недостаточно обоснованные и, въ иныхъ случаяхъ, назначаетъ вознагражденія, пенсіи нѣкоторымъ несчастнымъ, невинность которыхъ была признана. Эти до-

---

возвратился черезъ Сибирь въ С.-Петербургъ, куда пріѣхалъ черезъ 11 мѣсяцевъ въ 1788 г. Въ 1802 г. онъ состоялъ въ Россіи генеральнымъ комиссаромъ по торговымъ дѣламъ.

[1]) Осипъ Петр. Козодавлевъ (1750—1819), 8 лѣтъ опредѣленъ въ пажи, 15-ти лѣтъ отправленъ Екатериной II въ Лейпцигскій университетъ, по окончаніи котораго поступилъ въ 1774 г. въ Сенатъ, занимался литературой; въ 1784 г. назначенъ директоромъ училищъ С.-Петербургской губерніи. При Павлѣ I былъ оберъ-прокуроромъ сената, затѣмъ сенаторомъ, при Александрѣ I членомъ комиссіи по пересмотру уголовныхъ дѣлъ и въ 1810 г. министромъ внутреннихъ дѣлъ. *С. Г.* Біографія Козодавлева—въ «Ист. Росс. Академіи», М. И. Сухомлинова, т. VI, 1882 г. *Ред.*

[2]) Князь Александръ Ник. Голицынъ (1773—1844), оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода, министръ народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, канцлеръ всѣхъ орденовъ.

[3]) Дмитрій Александ. Гурьевъ, впослѣдствіи графъ (1751—1825).

казательства милости и милосердія очень нужны; но не слѣдуетъ оглашать эти разсказы, способные испугать, хотя это оглашеніе могло бы впослѣдствіи служить средствомъ для ограниченія произвола и для объясненія всѣхъ бѣдствій, происходящихъ отъ него.

Есть люди, неодобрительно и съ безпокойствомъ относящіеся къ тому, какъ правительство мѣняетъ прежніе взгляды и правила. Счастье, что существуетъ письменное производство по этимъ дѣламъ, т.-е. счастье для отправленныхъ въ ссылку губернаторами; тѣ, которыхъ ссылалъ императоръ (Павелъ), отправлялись въ ссылку на основаніи простого приказа; комиссія требуетъ представленія приказовъ отъ различныхъ судовъ, ихъ находятъ въ общихъ реестрахъ. Такимъ образомъ все сохраняется; здѣшнее правительство требуетъ всего болѣе письменнаго производства. Въ области финансовъ, благодаря многосложности счетовъ, явилась возможность болѣе затемнить дѣло, чѣмъ разъяснить его. Недостаетъ ясности и простоты, установленіемъ которыхъ и слѣдовало начать реформы въ управленіи.

Еще дозволяется порознь продавать крѣпостныхъ, о публичный рынокъ, существовавшій для такого торга въ Москвѣ, упраздненъ и въ газеты не принимаютъ болѣе объявленій съ предложеніями этого рода. Мой племянникъ Дюваль отпустилъ на волю двухъ крѣпостныхъ, которыхъ онъ отдалъ въ обученіе ювелирному ремеслу г-ну Лубье. Весь обрядъ состоитъ въ запискѣ ихъ именъ въ общій реестръ, но надо уплатить налогъ въ пять процентовъ съ нарицательной стоимости въ 500 руб. съ души. Это безсмысленный налогъ.

Графъ Румянцевъ, сынъ знаменитаго генерала, отпустилъ на волю 600 крестьянъ [1]) или далъ согласіе цѣлому селу на выкупъ. Императоръ обратился къ нему съ открытымъ письмомъ, напечатаннымъ въ газетахъ, чтобъ засвидѣтельствовать ему свое удовольствіе по поводу такого благороднаго и патріотическаго поступка [2]). Онъ указомъ предоставилъ право всѣмъ свободнымъ русскимъ пріобрѣтать земли, но одни дворяне удерживаютъ право покупать крѣпостныхъ. Такимъ образомъ, помѣщикъ можетъ продать свою землю русскому купцу не иначе, какъ отпустивъ на волю своихъ крѣпостныхъ. До сей поры мало примѣровъ покупки земли купцами. Капиталисты находятъ болѣе выгоднымъ помѣщать свои деньги или въ торговыя

---

[1]) *В. Семевскій.* «Крестьянскій вопросъ», т. I. СПБ., 1888, стр. 261: «Въ ноябрѣ 1804 г. С. П. Румянцевъ обратился съ письмомъ къ государю, въ которомъ выразилъ желаніе освободить своихъ крестьянъ Ярославской губ. 39 душъ, въ Вологодской губ. 126 и въ Рязанской губ. 34 души, всего 199 душъ» (въ такъ называемые свободные хлѣбопашцы).

[2]) Ср. объ опасеніяхъ освобожденія крестьянъ въ письмѣ Дюмона къ Ромильи. *Пыпинъ.* «Русскія отношенія Бентама», «В. Е.». 1869, № 2, стр. 807. *Ред.*

предпріятія, или подъ залогъ имѣній. Хотя законный ростъ[1]) опредѣленъ въ 5%, рѣдко случается, чтобъ удовлетворялись такимъ процентомъ. Есть заемный банкъ, пользующійся хорошимъ кредитомъ, который самъ уплачиваетъ пять процентовъ, а даетъ въ ссуду подъ вѣрный залогъ изъ шести. Этотъ банкъ принесъ бы болѣе пользы, если бы не требовалъ слишкомъ большого обезпеченія подъ занятую сумму; но онъ не даетъ помѣщику въ ссуду болѣе третьей части стоимости его имѣнія, такъ что большинство помѣщиковъ вынуждено искать денегъ взаймы у ростовщиковъ. Я нехорошо знакомъ съ уставомъ этого банка[2]).

6 (18) іюня. Я обѣдалъ у моихъ племянниковъ съ авторомъ «Эдуарда» Дювалемъ. Онъ намъ прочелъ элегію, сочиненную имъ на смерть графини Шереметевой, которая равнымъ образомъ вдохновила лирическую музу Г. Бертэна. Самый богатый изъ русскихъ вельможъ[3]), оплакивающій свое горе,—находка для поэтовъ. Онъ основалъ очень помѣстительную больницу въ память своей супруги и почти совершенно удалился изъ общества.

Понедѣльникъ 9 (21) іюня. Обѣдалъ у молодого графа Строганова. Отецъ и сынъ[4]) занимаютъ два отдѣльныхъ павильона на привлекательной дачѣ, расположенной противъ Каменноостровскаго дворца. Ихъ садъ всегда открытъ для публики и является мѣстомъ общей встрѣчи, въ особенности по воскресеньямъ. Ихъ владѣнія въ Сибири огромны, но графъ Строгановъ терпитъ денежныя затрудненія: его всегда обманываютъ управляющіе; онъ забираетъ свои доходы впередъ и получаетъ отъ нихъ свои деньги, платя имъ значительные проценты. Говорятъ, что вообще всѣ состоянія разстроены. Графъ разрѣшаетъ кредиторамъ свободный доступъ къ нему, но онъ всегда окруженъ такой толпой, что, пробывъ у него въ комнатѣ цѣлые часы и перебравъ всѣ предметы разговора, кредиторъ бываетъ вынужденъ уйти, не улучивъ момента для бесѣды съ графомъ. Его всѣ любятъ, такъ какъ, будучи въ милости во всѣ царствованія, онъ никому не сдѣлалъ вреда и часто бывалъ щедръ; но онъ никогда не расточалъ своихъ милостей и, говорятъ, никогда ни за кого словечка не замолвилъ. Такъ какъ онъ былъ на хорошемъ счету у Екатерины, то его холодно принялъ императоръ Павелъ; потребовалось много труда съ его стороны, чтобъ изгладить это впечатлѣніе,

---

[1]) Т.-е. процентъ по вкладамъ въ государственныя кредитныя учрежденія. «Министерство Финансовъ 1802—1902». Ч. I, Спб. 1902, стр. 55. *Ред.*

[2]) См. 1-е Полн. соб. зак., т. XXII, №№ 16407, 16408, 16409, 16481.

[3]) Графъ Николай Петровичъ Шереметевъ (1751—1809) женился на своей крѣпостной Прасковьѣ Ивановнѣ, по графской сценѣ Жемчуговой. Біографич. свѣдѣнія о ней см. въ IX вып. «Пѣсенъ собр. П. В. Кирѣевскимъ». М. 1872, ст. Безсонова въ прилож. стр. 75.

[4]) Графъ Александръ Сергѣевичъ Строгановъ (1734—1811), членъ госуд. совѣта; отъ второго брака его сынъ гр. Павелъ Александровичъ (1774—1817), ген.-лейтенантъ, ген.-адъютантъ.

и онъ не успокоился, пока не успѣлъ въ этомъ. Наконецъ онъ, казалось, достигъ, чего желалъ. Онъ былъ принятъ въ общество близкихъ къ императору. Одно время онъ попалъ въ немилость. Замкнувшись у себя, онъ отказывалъ всѣмъ посѣтителямъ, сказался больнымъ, умирающимъ, желалъ показаться какъ бы покинутымъ всѣми для того, чтобы возбудить жалость и дать почувствовать государю, что всякій существуетъ только черезъ него, что только отъ него всякій получаетъ какое-либо значеніе и что тотъ, кто въ немилости у государя, подпадаетъ общему пренебреженію. Этотъ способъ имѣлъ успѣхъ. Государь былъ тронутъ и сжалился надъ графомъ, покинутымъ всѣми, и первый лучъ, проникшій отъ имп. двора, возстановилъ его здоровье и возвратилъ его свѣту.

Старый графъ отнесся ко мнѣ со всею вѣжливостью русскаго вельможи; онъ даже упомянулъ о моей матери и объ ея преклонныхъ годахъ. Онъ спросилъ меня о нѣкоторыхъ подробностяхъ въ сочиненіи Сулави и о роли, которую авторъ заставляетъ меня играть въ смѣшномъ романѣ, который онъ озаглавилъ: «Исторія французской революціи»[1]). Я отвѣтилъ графу, что могъ бы упрекнуть этого автора въ томъ, что онъ опустилъ одно обстоятельство, которое должно было сдѣлать мнѣ большую честь, а именно, говоря о провозглашеніи Дюмономъ французской республики, онъ умолчалъ о томъ, что я не былъ въ это время во Франціи и что я давно уже ее покинулъ, такъ что я долженъ былъ дѣйствовать издалека. Я объяснилъ поведеніе Сулави въ Женевѣ и замѣтилъ, что это сочиненіе наиболѣе презирали тамъ, гдѣ всего лучше знали революцію,—въ Парижѣ. На этомъ обѣдѣ были Новосильцевъ, кн. Чарторыскій, Кочубей [2]), министръ иностранныхъ дѣлъ, котораго я также видѣлъ въ Женевѣ, и нѣсколько дамъ, молодая графиня Строганова [3]), которая пользуется отличною репутаціей, а также ея мать, княгиня Голицына. Она путешествовала съ дочерью и разсказывала съ удовольствіемъ о Швейцаріи и объ Англіи. Онѣ говорятъ по-французски такъ хорошо, что, кажется, будто бы находишься въ парижскомъ салонѣ. Мужчины имѣютъ такія же достоинства. Старый графъ Строгановъ большой весельчакъ; онъ умѣетъ украшать свой разговоръ разными забавными мелочами. Говорили о патентахъ, которые выдаются въ Англіи на новыя изобрѣтенія. Строга-

---

[1]) Mémoires historiques et politiques du règne de Louis XVI par Jean Louis Soulavie, t. V, p. p. 298 et 300.

[2]) Князь Викторъ Павловичъ Кочубей (1768 — 1834). *С. Г.* Біографическій очеркъ его, сост. Н. Д. Чечулинымъ, см. въ «Русск. біограф. словарѣ», изд. Имп. Историч. общества. *Ред.*

[3]) Графиня Софія Влад. Строганова, урожденная княжна Голицына (1774—1845). Ея отецъ князь Владиміръ Борисовичъ Голицынъ, мать Наталія Петровна, рожденная графиня Чернышева (1741—1837).

новъ разсмѣшилъ компанію, пройдясь насчетъ Чернышева, очень любившаго новыя и необыкновенныя вещи. Онъ одолжилъ какому-то послу свою карету для поѣздки ко двору; эта карета была съ патентованнымъ секретомъ, какъ открывать дверцы; лакей посла не зналъ этого секрета, и посолъ, къ великой потѣхѣ двора и императрицы, долженъ былъ все время аудіенціи просидѣть въ каретѣ, пока не нашелся человѣкъ, который, зная этотъ секретъ, открылъ дверцы кареты. Въ другой разъ Чернышевъ принималъ англійскаго посла лорда Санъ-Эленсъ. Послѣдній случайно сѣлъ въ кресло Мерлена (механическое), которое пришло въ движеніе, и англійскій посолъ запрыгалъ къ великому удовольствію всей компаніи. Разговоръ былъ очень разнообразенъ и очень пріятенъ. Затронули нѣсколько вопросовъ политической экономіи; осмѣяли разныя запрещенія ввоза отдѣльныхъ предметовъ, въ частности куколъ, какъ будто русское правительство очень озабочено было развитіемъ этого рода промышленности въ ущербъ другимъ народамъ. Я разсказалъ въ видѣ шутки о заключеніи англичанъ въ тюрьму въ Парижѣ по объявленіи войны и добавилъ, что Бонапартъ до завоеванія Турціи уже усвоилъ турецкіе нравы. Это дало поводъ показать, что удивленіе къ великому человѣку не было исключительнымъ чувствомъ относительно него. Послѣ обѣда кто-то мнѣ сказалъ, что я видѣлъ здѣсь лучшее, что только есть въ Петербургѣ; можетъ-быть, я встрѣчу такое же общество, но не найду такого тона въ разговорѣ; къ тому же въ этотъ день было не много народа. Дамы играли свою роль, какъ во Франціи. По-моему, недоставало разговора между мужчинами въ теченіе одного или двухъ часовъ послѣ обѣда, когда въ свободной обстановкѣ происходитъ настоящее испытаніе силъ. Но здѣсь это не практикуется и было бы опасно. Подобный обычай приличенъ только въ Англіи [1]). Розенкампфъ мнѣ сказалъ, что Строгановы прежде были очень могущественны въ Россіи, что онъ нашелъ древніе указы, нынѣ забытые, въ которыхъ, по тарифу денежныхъ пеней, обида, нанесенная Строганову, наказывалась вдвое выше обиды, нанесенной другому. По счету имѣется 72.800 съ чѣмъ-то указовъ [2]), но большинство повторяется при новыхъ царствованіяхъ; такъ какъ все исходитъ отъ государей, нужно возобновлять самые главные законы. Въ настоящее время въ рижскомъ судѣ производится дѣло по обвиненію одного старика, въ возрастѣ 101 года изнасиловавшаго свою дочь; когда она забеременѣла, онъ подговорилъ ее убить ребенка. Старый графъ Строгановъ сказалъ, что если это дѣло перейдетъ въ Сенатъ, то онъ выскажется въ томъ

---

[1]) Ср. письмо Дюмона къ Ромильи объ этомъ обѣдѣ въ статьѣ *Пыпина* «Русск. отнош. Бентама», «В. Е.», 1869, № 2, стр. 806—807. *Ред.*

[2]) Въ первомъ полномъ собраніи законовъ до 1803 г. напечатано 20.578 указовъ, но оно не полно. *Ред.*

смыслѣ, что это преступленіе невозможно и что не слѣдуетъ разсматривать дѣла.

Частныхъ библіотекъ въ Петербургѣ очень мало, всего двѣ или три, онѣ состоятъ изъ роскошныхъ книгъ и самыхъ великолѣпныхъ изданій. Книгопродавецъ Бува боялся разоренія, когда Павелъ запретилъ ввозъ книгъ; самъ онъ готовился поступить въ приказчики, а его жена—въ гувернантки, и то, что должно было его разорить, только спасло. Его магазинъ не пустѣлъ отъ людей, которые, боясь, что не будутъ имѣть книгъ, приходили покупать все, что было; онъ доставалъ книги отовсюду и получилъ громадный барышъ на товарѣ, который сдѣлался рѣдкимъ, подобно земледѣльцу, запасшемуся хлѣбомъ во время голода. У него почти не оставалось книгъ, когда новое царствованіе возстановило его торговлю.

Всѣ признаютъ, что главная причина, препятствовавшая успѣху искусствъ въ Россіи, заключается въ презрѣніи первыхъ сословій къ ихъ собственной народности. Русскій художникъ, даже обладавшій талантами, оказался бы въ загонѣ,—нужно быть иностранцемъ, чтобы имѣть успѣхъ. Русскій граверъ, по имени Скородумовъ [1]), имѣлъ большой успѣхъ въ Англіи и наживалъ состояніе. Его убѣдили возвратиться въ Петербургъ, но не сдержали ни одного изъ обѣщаній, которыя ему надавали. Онъ былъ безъ мѣста, прозябалъ на скудномъ содержаніи, впалъ въ нищету и погибъ. До сей поры всѣ науки находятся въ пренебреженіи; Академія въ плачевномъ состояніи. Бува мнѣ сказалъ, что онъ не продавалъ вовсе научныхъ сочиненій ни по химіи, ни по опытной физикѣ. Посмотримъ, что сдѣлаютъ новыя учебныя заведенія. Одинъ изъ Демидовыхъ пожертвовалъ два милліона рублей на ихъ учрежденіе [2]).

Середа 21 іюня (3 іюля). Обѣдалъ у англійскаго посла, сэра Джона Борлазъ Варрена [3]). Разговоръ съ нимъ на англійскомъ языкѣ былъ мнѣ очень пріятенъ. Къ секретарю посольства, мистеру Гарлику, я имѣлъ рекомендательное письмо изъ Англіи.

Кутайсовъ [4]), сыгравшій такую видную роль въ царствованіе Павла, былъ турокъ по происхожденію; взятый въ плѣнъ семи или

---

[1]) Гавріилъ Ив. Скородумовъ (1753—1792), воспитанникъ и пенсіонеръ въ Англіи Императорской Академіи Художествъ, академикъ, граверъ пунктиромъ и карандашною манерою.

[2]) О пожертвованіяхъ Пав. Григ. Демидова см. «Русскій біографическій словарь». Изд. Имп. Историч. общ. Дабелевъ - Дядьковскій. Спб. 1905 г., стр. 225. *Ред.*

[3]) Адмиралъ Варренъ (Warren) замѣнилъ лорда Санъ-Эленсъ (lord St.-Helens).

[4]) Иванъ Павловичъ Кутайсовъ въ день восшествія Павла Петровича на престолъ пожалованъ чиномъ 6-го класса, черезъ нѣсколько дней сдѣланъ гардеробмейстеромъ, въ день коронованія оберъ-гардеробмейстеромъ въ чинѣ 4-го класса, 6 декабря 1798 г. егермейстеромъ; въ 1799 г. возведенъ 22 февраля въ баронское, а 5 мая въ графское достоинство; въ 1800 г. 1 января

восьми лѣтъ отъ роду, онъ очень молодымъ былъ приставленъ къ великому князю, которому оказалъ пріятныя услуги. Пока онъ исполнялъ обязанности камердинера, онъ казался выше своего положенія и былъ вѣжливъ и добродушенъ. Несмотря на свое невѣжество, доходившее до того, что онъ едва умѣлъ читать и писать, онъ пріобрѣлъ своего рода стиль въ разговорѣ. Понятно, что онъ основательно постигъ своего господина и придворную обстановку. Такъ какъ Павелъ не имѣлъ тогда средствъ его вознаграждать, его состояніе ограничивалось очень незначительными сбереженіями, но при вступленіи на престолъ на Кутайсова посыпалиєь цѣлыя горы наградъ. Онъ получилъ дворянство и, немного спустя, графское достоинство. Обладая полнымъ довѣріемъ, онъ сумѣлъ пользоваться характеромъ Павла и, хотя его не обвиняютъ въ жестокости и не приписываютъ ему несчастья тѣхъ или другихъ лицъ, онъ зналъ, какъ возбудить подозрѣніе государя и дать пищу его постоянной подозрительности, вызвавшей всѣ бѣдствія этого царствованія, но зато возвысившей самого любимца.

Онъ превратился въ перваго министра; всѣ министры, по своему вѣдомству, докладывали ему дѣла, отправляясь къ нему передъ собраніемъ Совѣта, подъ предлогомъ желанія освѣдомиться о здоровьи императора, и считая за великое счастье быть принятымъ за столомъ Кутайсова и подвергаться его фамильярному обращенію. Его жадность не имѣла границъ, и его средства къ наживѣ были громадны. Не смѣли ни заключить какой-либо договоръ съ дворомъ, ни вести какое-либо дѣло, не предложивъ ему половину барышей. Со времени своей первоначальной службы въ качествѣ камердинера, онъ сохранилъ подлую, безсовѣстную алчность. По случаю коронаціи, вельможи обыкновенно дѣлаютъ подарки императорскимъ камердинерамъ. Одинъ Безбородко далъ 10.000 руб. Кутайсовъ, который только что получилъ дворянство, не могъ отказаться отъ такой добычи: онъ взялся распредѣлить эти суммы и захватилъ болѣе двухъ третей изъ нихъ. Прочіе не посмѣли ничего сказать и пожаловались только послѣ его паденія. Лицо, сообщившее мнѣ эти подробности [1]), имѣло съ нимъ уже нѣсколько лѣтъ сношенія по службѣ и оказало ему много услугъ, между прочимъ, помѣщая его сбереженія. Но Кутайсовъ никогда не посмѣлъ предложить ему раздѣлить поровну съ нимъ барыши по дѣламъ съ императоромъ. Это лицо слишкомъ хорошо знало Кутайсова, чтобы вести съ нимъ торгъ открыто, но зато Кутайсова надо было подкупать постоянными подарками и этимъ способомъ добывать позволеніе не обкрадывать

сдѣланъ оберъ-шталмейстеромъ, а 19 декабря получилъ Андреевскую ленту, 16 марта 1801 г. Кутайсовъ былъ уволенъ имп. Александромъ I отъ службы. Онъ былъ женатъ на Аннѣ Петр. Рѣзвой и умеръ въ 1834 г., въ глубокой старости.

[1]) Очевидно, племянникъ Дюмона, придворный ювелиръ Дюваль.

императора, неся нѣкоторыя жертвы. Кутайсовъ доходилъ до того, что не брезгалъ никакими видами прибылей, даже тогда, когда онъ страшно разбогатѣлъ. Павелъ, возвращаясь домой, почти всегда находилъ большое число нищихъ у воротъ дворца. Онъ отчасти любилъ этотъ родъ благодѣянія и пріобрѣтенія популярности и приказывалъ Кутайсову распредѣлить между нищими 300 руб. Кутайсовъ раздавалъ 50, остальные клалъ себѣ въ карманъ.

Совѣтникомъ его былъ его шуринъ, торговецъ рыбою, который составилъ себѣ громадное состояніе и съ которымъ онъ устанавливалъ налоги и устраивалъ всю финансовую часть. Удовольствовались тѣмъ, что сослали Кутайсова въ его помѣстья, гдѣ онъ, покинутый всѣми, чувствуетъ себя очень несчастнымъ.

Мой племянникъ нашелъ записку Кутайсова, извѣщавшую его о томъ, что государю понравились ткани съ алмазами (les toiles de diamant), которыя онъ доставилъ ему.

22 іюня. Посѣтилъ галлерею гр. Безбородко. Очень богатое собраніе картинъ. Я недостаточно люблю картины и недостаточно знаю въ нихъ толкъ, чтобъ говорить о нихъ подробно. Картины эти принадлежатъ человѣку, который ими не пользуется и отказываетъ другимъ въ наслажденіи ими. Отецъ [1]), собравшій настоящую коллекцію, министръ иностранныхъ дѣлъ при Екатеринѣ, былъ человѣкъ умный, изъ простыхъ секретарей достигъ самыхъ высшихъ должностей и пріобрѣлъ громадное состояніе. Его семья погибаетъ въ идіотизмѣ.

24 іюня (6 іюля). Обѣдалъ у г. Лепэна съ аббатомъ Пенгилье. Онъ былъ священникомъ въ Бретани и имѣлъ честь дать у себя обѣдъ великому князю и великой княгинѣ, когда они путешествовали въ этой провинціи; онъ вовсе не подозрѣвалъ тогда, что этотъ обѣдъ доставитъ ему пристанище въ минуту преслѣдованія. Пріютившись въ Вѣнѣ во время террора, онъ былъ въ нищетѣ и нуждался во всемъ. Павелъ далъ ему средства для поѣздки въ Петербургъ, гдѣ онъ получилъ назначеніе при католической церкви и пользуется большимъ уваженіемъ. Онъ мнѣ разсказалъ два или три любопытныхъ случая. Однажды его призвали въ крѣпость къ несчастному, котораго подвергли пыткѣ и который ни въ чемъ не сознавался, увѣряя въ своей невинности. Священникъ, по исполненіи своихъ обязанностей, удивился тому, что, кромѣ его служителя, вошло въ карету еще третье лицо. То былъ полицейскій приставъ; вмѣсто того, чтобъ везти священника въ католическую церковь, его

---

[1]) Графъ, а впослѣдствіи князь, Александръ Андр. Безбородко (1747—1799) умеръ холостымъ; его имущество наслѣдовалъ его братъ гр. Илья Андр. Безбородко (1756—1815); по смерти послѣдняго состояніе его и имя перешли къ его внуку гр. Александру Григ. Кушелеву-Безбородко, мать котораго, Любовь Ильинишна Безбородко (1809), была замужемъ за адмираломъ графомъ Григоріемъ Григ. Кушелевымъ (1833).

повезли къ оберъ-прокурору. Здѣсь ему пришлось быть въ многолюдной прихожей; онъ проситъ, чтобъ его приняли, какъ можно скорѣе; его принимаютъ и требуютъ, чтобъ онъ далъ показаніе о только что выслушанной имъ исповѣди. «Извѣстны ли вамъ,—отвѣтилъ онъ,—преимущества нашей церкви и знаете ли вы, что я не въ состояніи сдѣлать то, о чемъ вы просите?»—«Все равно, мы дѣйствуемъ по высочайшему повелѣнію, дѣло идетъ о человѣкѣ, заподозрѣнномъ въ заговорѣ, и берегитесь послѣдствій вашего отказа. Вы сдѣлаетесь его пособникомъ».—«Я на все готовъ, я не боюсь никакихъ послѣдствій».—«Въ такомъ случаѣ, подпишите вашъ отказъ, я пошлю ваше объясненіе къ императору». Ему даютъ бумагу, и онъ просто пишетъ: «Меня потребовали въ крѣпость къ человѣку моего вѣроисповѣданія, и я выслушалъ его исповѣдь, согласно обрядамъ нашей церкви». Записка была подписана и запечатана. Онъ ожидалъ новыхъ объясненій, но болѣе ничего не произошло. Его заявленіе было очень разумно, онъ лучше не могъ сдѣлать, какъ умолчавъ о требованіи прокурора и объ отказѣ ему.

Между актрисами была одна довольно красивая, по имени Розе-Колинетъ, которая была набожна и честна и совѣтовалась съ аббатомъ Пенгилье,—онъ былъ ея духовникомъ. Однажды его посѣщаетъ знатный вельможа, украшенный орденами, имени котораго онъ не назвалъ и который послѣ большихъ увертокъ сдѣлалъ ему странное предложеніе: «Имѣете ли вы большое вліяніе на эту молодую дѣвушку?» — «Она совѣтуется иногда со мною, какъ съ духовнымъ лицомъ». — «Но она считаетъ васъ своимъ лучшимъ другомъ, и вамъ слѣдуетъ ей дать хорошій совѣтъ. Она отказалась отправиться къ императору, и этотъ отказъ не понятенъ со стороны актрисы, получающей пенсію». — «Отказалась ли она играть?» — «Нѣтъ, но императору угодно было ее видѣть наединѣ, а она этого не желаетъ». — «Милостивый государь, я смѣю думать, что вы не сообразили, какую роль вы предлагаете мнѣ». — «Но вы сами обязаны нѣкоторою благодарностью императору». — «Императоръ не можетъ желать, чтобъ я нарушилъ важнѣйшую изъ своихъ обязанностей, и, если бы онъ зналъ, какіе совѣты я всегда даю этой молодой дѣвушкѣ, онъ первый одобрилъ бы меня». Католическая церковь въ Петербургѣ, на Невскомъ проспектѣ,—красивой архитектуры, она занимаетъ большое пространство земли и окружена обширными домами, которые принадлежатъ ей и которые она отдаетъ внаемъ. Она считается богатой. Аббатъ Пенгилье мнѣ сказалъ, что она должна 130.000 рублей, но этотъ заемъ—очень выгодная спекуляція, такъ какъ дома приносятъ церкви гораздо болѣе того, что нужно на уплату процентовъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, такимъ способомъ скрываются средства. Состояніе нищаго заключается въ его деревянной ногѣ. Въ Петербургѣ отъ 8 до 10 тысячъ католиковъ; іезуиты только что основали даровую школу, гдѣ уже 300 воспитан-

никовъ, большею частью дѣти русскихъ купцовъ. Они содержатъ довольно дешевый пансіонъ и желаютъ, чтобъ воспитанники не выходили изъ него. Я протестовалъ противъ такого заключенія, которое разрываетъ всѣ семейныя связи. Но священники не считаются съ этими привязанностями.

25 іюня (7 іюля). Г. Розенкампфъ провелъ утро со мною. Онъ показалъ мнѣ первый проектъ общихъ началъ законодательства, въ видѣ синоптическихъ таблицъ, которыя онъ желаетъ представить императору. Я въ нихъ нашелъ смѣшеніе старыхъ идей съ нѣкоторыми новыми началами Бентама. Все же естественное право должно служить основаніемъ всему. Я возражалъ и далъ объясненія. Онъ мнѣ казался совершенно убѣжденнымъ и сказалъ мнѣ, что дастъ другое направленіе своей работѣ. Два дня спустя онъ прочелъ мнѣ проектъ письма ко мнѣ, которое должно быть напечатано въ русской газетѣ. Императоръ назначилъ въ помощь ему русскаго переводчика и двухъ секретарей. Я потребовалъ, чтобы онъ выключилъ изъ этого письма комплименты, которые я не могу принять, и воздалъ должное Бентаму. Я написалъ параграфъ въ объясненіе успѣха, котораго Бентамъ достигъ въ наукѣ своими классификаціями и своею новою логикой.

1 (13) іюля. Посѣтилъ Эрмитажъ съ моимъ племянникомъ, Франсуа [1]), большимъ любителемъ картинъ; онъ самъ обладатель многихъ и очень хорошихъ. Поляку Лабенскому поручено храненіе этой галлереи, которая была въ большомъ безпорядкѣ, и украшается, благодаря его работамъ. Собраніе это громадно и очень богато произведеніями фламандской школы; множество картинъ Теньера, Рембрандта, въ частности L'enfant prodigue Жерарда Доу (Dow), Метцю и др., много Клода Лорэна, мало итальянской школы, еще болѣе копій, чѣмъ оригиналовъ. Императрица Екатерина, уплативъ за эти картины большія деньги, сама не любовалась ими.

2 (14) іюля. Полетъ Гарнерэна [2]) и его жены на воздушномъ шарѣ съ обширной кадетской площади. Первыя мѣста по 25 руб., вторыя по 5 р. и третьи по $2^1/_2$ руб. Императорская фамилія вся въ сборѣ. Жена Гарнерэна фамиліарно объяснялась съ императоромъ и императрицей. Полетъ совершился вполнѣ успѣшно; воздушный шаръ былъ виденъ отовсюду въ городѣ, особенно съ набережныхъ, которыя были полны народа. Народъ говорилъ вездѣ: «вотъ ученый человѣкъ, онъ, должно-быть, самый умный человѣкъ во всемъ свѣтѣ». Повсюду слышны были одобрительныя разсужденія о французахъ,

---

[1]) Жанъ-Франсуа-Андрей Дюваль (1776—1854), оставался въ Петербургѣ до 1817 г. и, вернувшись въ Женеву, собралъ значительную коллекцію картинъ, проданную въ 1845 г. графу Морни.

[2]) Гарнерэнъ (Jean-Baptiste-Olivier Garnerin, 1766—1849) и André-Jacques Garnerin, (1769—1823) братья, французскіе воздухоплаватели, изъ нихъ послѣдній, по всему вѣроятію, и былъ въ Петербургѣ.

не было толковъ о волшебствѣ, впрочемъ, позаботились предупредить ихъ въ объявленіяхъ. Крестьяне, предупрежденные во всѣхъ сосѣднихъ деревняхъ, помогли воздухоплавателю на Малой Охтѣ, возлѣ Александро-Невской лавры, вылѣзть изъ болотъ, куда шаръ спустился. Было восемь или девять японцевъ. Они одѣты почти по-китайски, на головахъ большія соломенныя шляпы въ видѣ зонтиковъ, и по ихъ шелковымъ платьямъ ихъ легко принять за женщинъ; они очень маленькаго роста, менѣе пяти футовъ, лицомъ очень уродливы. Уже нѣсколько лѣтъ, какъ они потерпѣли крушеніе у русскихъ береговъ близъ Камчатки. Ихъ собираются отослать вмѣстѣ съ посольствомъ, впервые отправляемымъ въ Японію. Судно со многими подарками готово къ отплытію [1]). Ихъ спросили, есть ли въ Японіи люди, восходящіе на воздухъ. «Ахъ, да, нѣсколько, — сказали они, — но не этимъ способомъ». Поняли, что они разумѣли колдуновъ.

VI.

4 (16) іюля. Я былъ въ Павловскѣ вмѣстѣ съ одной барышней; проѣздомъ мы остановились въ Царскомъ Селѣ, куда дворъ болѣе не ѣздитъ. Оно служило любимымъ мѣстопребываніемъ Екатерины II, и она на него истратила огромныя суммы. Это былъ любимецъ безъ заслугъ, какъ говорили о Версалѣ; фонтаны великолѣпны, но воды не было, ее провели издалека. Дворецъ, если смотрѣть съ фасада, недостаточно высокъ соотвѣтственно длинѣ; онъ кажется сплюснутымъ; семнадцать лѣтъ тому назадъ я его видѣлъ отчасти крытымъ позолотой, теперь ее сняли. Внутреннія помѣщенія отличаются азіатскою роскошью; этотъ длинный рядъ комнатъ, въ которыхъ двери покрыты золочеными украшеніями, блеститъ великолѣпіемъ, приличнымъ только двору, гдѣ принято поражать тщеславіемъ богатства, хотя оно нравится не надолго. Я терпѣть не могу описанія домовъ и садовъ; я упоминаю только для памяти о комнатѣ, сплошь украшенной янтаремъ, впечатлѣніе которой лучше, чѣмъ того я ожидалъ, о другой комнатѣ японскаго лака, третьей изъ непрозрачнаго бѣлаго стекла, которое я принялъ за фаянсъ, со стеклянными колоннами, обитыми снаружи металлическими полосами, что дѣлаетъ очень пріятное впечатлѣніе, — о кабинетѣ,

[1]) Въ 1780 г. на Алеутскихъ островахъ потерпѣло крушеніе японское судно. Въ 1792 г. поручику Лаксману было поручено на транспортѣ «Екатерина» подъ командой штурмана Ловцова отвезти японцевъ. Часть изъ нихъ возвратилась, но Лаксману не удалось завести торговыя сношенія. Въ 1803 г. былъ отправленъ въ Японію на суднѣ «Надежда», подъ командою капитанъ-лейтенанта Крузенштерна, камергеръ Ник. Петр. Резановъ, въ качествѣ посланника съ подарками; онъ не былъ принятъ японскимъ правителемъ и принужденъ былъ вернуться обратно сухимъ путемъ черезъ Сибирь.

гдѣ находится до двадцати восхитительныхъ фламандскихъ картинъ, о длинной галлереѣ, служащей столовой и выступающей изъ дворца въ садъ, о мостѣ, составляющемъ точное подражаніе одному изъ красивѣйшихъ образцовъ древности. Въѣздъ въ Царское Село замѣчателенъ своими двумя искусственными скалами, но этотъ портикъ вовсе не подходитъ къ плоской мѣстности; китайская деревня слишкомъ правильно размѣщена, дома распредѣлены симметрично.

По пути въ Царское Село находится одно изъ поселеній нѣмецкихъ колонистовъ; они достигли процвѣтанія выше всякаго ожиданія; потребовалось увеличеніе количества земли для вновь образующихся семействъ. Какъ досадно, что всѣ колонисты, которые были переселены на берега Волги и которые большею частью погибли подъ гнетомъ и отъ нерадѣнія [1]), не устроились въ окрестностяхъ С.-Петербурга. До чего ихъ процвѣтаніе доказываетъ выгоды свободы!

Нѣкоторые предметы вздорожали въ С.-Петербургѣ вчетверо, но есть овощи, которые понизились въ цѣнѣ вслѣдствіе того, что ихъ разведеніе привилось и распространилось. Всѣ припасы приходятъ издалека; этому большому городу недостаетъ развитія земледѣлія въ окрестностяхъ, которыя большею частью еще не обработаны; за двѣ, за три версты отъ С.-Петербурга находишься, какъ въ пустынѣ.

Павловскъ былъ любимою резиденціею Павла, когда онъ былъ великимъ княземъ и теперь принадлежитъ вдовствующей императрицѣ, которая только для этого дворца производитъ траты на предметы роскоши и удовольствія. Этой мѣстности придано болѣе разнообразія; въ ней встрѣчаются холмы и возвышенія, которые служатъ къ ея украшенію, пруды очень красивы, сады очень обширны и красиво расположены. Дворецъ по своимъ размѣрамъ немного уступаетъ Царскосельскому, но его мѣстоположеніе выгоднѣе: онъ находится на возвышенности и очень красивый.

Большую часть этого дня я провелъ съ Г. Шторхомъ [2]), и это доставило мнѣ много удовольствія. Шторхъ—авторъ статистическаго труда о Россіи въ восьми томахъ на нѣмецкомъ языкѣ [3]), изъ нихъ два уже вышли по-французски [4]). Сильно напали на его систему древняго торговаго пути въ Индію черезъ Россію, но, какъ бы то ни было, его трудъ, съ которымъ я еще не знакомъ, долженъ быть поучите-

---

[1]) Это не справедливо; см. о нѣмецкихъ колоніяхъ въ Россіи сочиненія Клауса и Писаревскаго. *Ред.*

[2]) Генрихъ Шторхъ родился въ Ригѣ (1766—1835), вице-президентъ и ординарный академикъ Академіи Наукъ, извѣстенъ трудами по статистикѣ и политической экономіи.

[3]) Historisch-statistisches Gemälde des russischen Reichs am Ende des XVIII Jahrhunderts, 1797—1803. Bd. 1—8. Riga und Lepzig. *Ред.*

[4]) Въ Базелѣ и Лейпцигѣ. *Ред.*

ленъ и интересенъ, судя по личности автора, который показался мнѣ человѣкомъ съ большими достоинствами. Онъ получилъ отъ Павла, въ минуту его добраго расположенія, разрѣшеніе на сообщеніе ему всѣхъ свѣдѣній, въ которыхъ онъ нуждался для своей книги; ему передали описанія, которыя императрица Екатерина велѣла составить во всѣхъ губерніяхъ о ихъ внутреннемъ состояніи по цѣлому ряду разосланныхъ вопросовъ. Это собраніе составляетъ 30 томовъ, изъ которыхъ одинъ былъ напечатанъ по-русски съ очень красивыми таблицами. Г. Шторхъ нашелъ вездѣ доказательства увеличенія богатства и населенія въ Россіи; онъ говоритъ, что въ серединѣ послѣдняго столѣтія состояніе въ 100.000 руб. было рѣдкостью среди купцовъ, а теперь не рѣдки милліонеры. Въ Ситхѣ (на Аляскѣ) существуетъ компанія, владѣющая громадными землями въ Сѣверной Америкѣ и производящая большую торговлю мѣхами; акціи этой компаніи очень поднимаются. Роскошь въ купеческомъ сословіи, несомнѣнно, показываетъ, что оно богатѣетъ. Купцы начинаютъ заботиться о воспитаніи дѣтей, отправляютъ ихъ путешествовать, приглашаютъ иностранныхъ гувернантокъ для дочерей,—однимъ словомъ, ведутъ себя, какъ дворяне, и часто сохраняютъ наклонность къ порядку и бережливости, качества, которыхъ недостаетъ дворянамъ. Все это достаточно для предсказанія того, что образуется третье сословіе, которое со временемъ поставитъ Россію на одну и ту же ногу съ Франціей и Англіей. Такимъ образомъ, она вышла изъ состоянія феодальнаго царства. Все населеніе, включая и новыя покоренныя области, достигаетъ 36 милліоновъ. Перепись при Екатеринѣ дала 12 милліоновъ крестьянъ мужского пола, изъ коихъ 4 милл. принадлежали казнѣ, а 8 милл.—помѣщикамъ [1]). Мѣщане еще не составляли значительнаго сословія [2]).

Александръ, при вступленіи на престолъ, объявилъ, что онъ никогда не будетъ раздавать крестьянъ. Шторхъ мнѣ показалъ письмо, написанное императоромъ своему дядѣ, герцогу Вюртембергскому, который просилъ у него земель; государь ему отвѣтилъ, между прочимъ, что не рѣшается обращаться съ людьми, какъ съ животными, и далъ ему равноцѣнное вознагражденіе взамѣнъ населенныхъ имѣній.

Все, что Александръ сдѣлалъ до сей поры для освобожденія (крѣпостныхъ), показываетъ много осмотрительности и осторожности; главный указъ разрѣшаетъ господамъ за деньги отпускать на волю цѣлыя деревни; имъ всегда принадлежало право отпускать за вы-

---

[1]) Въ дѣйствительности по 5 ревизіи 1796 г. было помѣщичьихъ крестьянъ нѣсколько болѣе 9 милл. д. муж. п., казенныхъ болѣе 6 милл., удѣльныхъ и государевыхъ около 500.000. *К. Германъ.* «Статистич. изслѣдованія относительно Рос. имперіи». Ч. I. СПБ. 1819 г., стр. 95—98. *Ред.*

[2]) Купцовъ въ 1796 г. было болѣе 90.000, мѣщанъ болѣе 700.000 д. м. п. Ibid., 106. *Ред.*

купъ людей отдѣльно. Несмотря на то, что это право только расширено, указъ, однако, имѣлъ порицателей. Графъ Румянцевъ просилъ позволенія на такое расширеніе своего права, и его просьба была, вѣроятно, такъ изложена [1]), что послужила предварительно ступенью для мотивировки общаго закона. Другимъ указомъ разрѣшено всякому свободному человѣку покупать земли, но не крѣпостныхъ; это право принадлежитъ еще исключительно дворянству. Сама казна, назначивъ своимъ крестьянамъ на каждую мужскую душу по 15 дес. пахотной земли, имѣетъ громадный избытокъ земли, которую она продаетъ и которую всякій свободный человѣкъ можетъ пріобрѣтать. Наконецъ по третьему указу крестьяне могутъ сами откупаться цѣлыми сельскими обществами, въ случаѣ продажи земель, заложенныхъ помѣщикомъ Государственному Банку, съ торговъ на уплату его долга [2]). Въ случаѣ равенства цѣнъ, сельское общество должно пользоваться преимуществомъ передъ другими покупателями. Такой порядокъ можетъ повести далеко, такъ какъ русскіе помѣщики, большею частью, въ долгу и состоятъ заемщиками въ этомъ банкѣ и оказываются не очень аккуратными плательщиками. Сельскому обществу мѣшаетъ выкупаться въ полномъ составѣ неравенство состояній его членовъ; трудно распредѣлить платежи. Тѣ, которые имѣютъ что-либо, вовсе не намѣрены платить за тѣхъ, которые ничего не имѣютъ.

Впрочемъ, царствованіе императора еще недостаточно продолжительно, чтобы внушать полное довѣріе.

Г. Шторхъ питаетъ большое уваженіе къ императору; онъ считаетъ его способнымъ на все великое и прекрасное. Онъ говоритъ, что онъ преслѣдуетъ двѣ цѣли: постепенное освобожденіе и просвѣщеніе народа. Шторхъ готовитъ сочиненіе объ улучшеніяхъ, произведенныхъ въ его царствованіе. По нѣкоторымъ признакамъ мнѣ кажется, что произошло очень чувствительное измѣненіе въ нравахъ народа въ С.-Петербургѣ. Помнится, я видѣлъ вездѣ толпы мужиковъ, которые, обнявшись, ходили по улицамъ съ пьяными, веселыми пѣснями. Эти попойки повторялись, главнымъ образомъ, по праздникамъ. Павелъ ихъ не терпѣлъ, и ихъ не видать больше; пьянство стало рѣже. Всѣ говорятъ, что трезвая прислуга часто попадается, и это обстоятельство приписываютъ строгости полиціи при Павлѣ относительно пьяныхъ, а кромѣ того, при суровомъ правительствѣ, каравшемъ малѣйшія провинности, каждый опасался забыться и осрамиться въ пьяномъ состояніи. Кучера пьянаго не видно болѣе. Воровство въ домахъ стало также рѣже; я замѣчаю болѣе предусмотрительности у людей, чѣмъ въ другихъ краяхъ. Правда, что у ка-

---

[1]) См. «Русск. Арх.», 1869 г., стр. 1953 и слѣд. *Ред.*

[2]) Такой указъ былъ изданъ только въ 1847 г., но и то отмѣненъ въ 1849 г. *Ред.*

ждаго хозяина хранятся паспорта его прислуги и что никто изъ служителей не могъ бы никуда уйти, не подвергаясь опасности быть схваченнымъ; однако такая предосторожность скорѣе предупреждаетъ насилія, чѣмъ тайныя воровства.

6 — 18 іюля. Обѣдалъ на дачѣ у князя Чарторыскаго, товарища министра иностранныхъ дѣлъ (званіе товарища министра установлено учрежденіемъ министерствъ—глава министерства гр. Воронцовъ; товарищъ занимается отправленіемъ бумагъ, ихъ подписываніемъ и пр.). Мнѣ сказали, что князь Чарторыскій, какъ человѣкъ очень богатый, дѣлаетъ прибавки изъ своихъ средствъ къ незначительному жалованью своихъ подчиненныхъ. На этомъ обѣдѣ были гр. Строгановъ, Новосильцовъ, Розенкампфъ и одинъ полякъ, гр. Платеръ. Вечеромъ я видѣлъ у своего племянника французскаго посла, генерала Гедувиля, который былъ начальникомъ острова Санъ-Доминго, но имѣлъ въ своемъ распоряженіи лишь 300 или 400 человѣкъ, чтобъ противодѣйствовать возстанію. Генералъ Гедувиль удивляется русскому характеру, находя въ немъ что-то не вполнѣ согласованное и что-то преувеличенное въ типѣ русскихъ, въ обширности ихъ домовъ, въ числѣ ихъ прислуги; празднества и разореніе,—отсюда упадокъ состояній большей части вельможъ.

Говоря о перемѣнахъ, замѣчаемыхъ въ нравахъ, нужно отмѣтить смягченіе рабства. Двадцать лѣтъ тому назадъ во всей Лифляндіи при каждомъ домѣ стоялъ столбъ, къ которому привязывали крѣпостныхъ при наказаніи ихъ кнутомъ. Этотъ столбъ стоялъ или у воротъ дома, или на дворѣ. Его болѣе нѣтъ или почти нѣтъ. Наказаніе кнутомъ не прекратилось, но оно стало рѣже, и избѣгаютъ выставлять орудіе насилія. Однако еще случается, что императоръ принужденъ сокращать лютыхъ господъ, и страхъ передъ этимъ предупреждаетъ жестокости. Посему народъ чрезвычайно привязанъ къ своимъ государямъ; онъ отлично чувствуетъ, что они его покровители, и что безъ власти высшаго главы народъ сталъ бы добычею множества маленькихъ изверговъ.

8 — 20 іюля. Наставникъ молодыхъ великихъ князей дю-Пюжэ разсказалъ мнѣ о своей ссылкѣ въ Сибирь за 5000 верстъ. Онъ тогда давалъ уроки молодымъ великимъ княжнамъ и не имѣлъ никакого основанія опасаться за свою безопасность. Повелѣніе о выѣздѣ изъ Петербурга приходитъ къ нему вечеромъ; ему даютъ только часъ на сборы. Кабинетный фельдъегерь дорогой обращался съ нимъ очень жестоко. Погода была отвратительная; шли сильные дожди; по требованію фельдъегеря ѣхали день и ночь, хотя экипажь былъ открытый,—простая повозка. Этотъ наглый и жестокій человѣкъ твердилъ ему постоянно, что, вѣроятно, его накажутъ кнутомъ по пріѣздѣ на мѣсто ссылки. Что было всего ужаснѣе, это неизвѣстность того, въ чемъ заключалось особое повелѣніе на имя губернатора того мѣста, куда ссылался несчастный. Дю-Пюжэ уже сжился съ мыслью о каторжной ра-

ботѣ на рудникахъ, но при мысли о кнутѣ онъ падалъ духомъ. Пріѣхавъ черезъ шесть недѣль путешествія на мѣсто ссылки, онъ оказался въ крѣпости; губернаторъ, къ которому его привели, принялъ его довольно милостиво и, по его просьбѣ, велѣлъ ему немедленно дать ѣсть и пить. Онъ спросилъ: «Кто онъ такой?»—«Швейцарецъ» [1]).—«На какой службѣ?»—«На службѣ Его Величества».—«Я вспоминаю, что видѣлъ васъ во дворцѣ. При какихъ дверяхъ стояли вы?»—«Я не стоялъ ни при какихъ дверяхъ».—«Но вы сами говорите, что были швейцаромъ?» — «Я уроженецъ Швейцаріи, а не швейцаръ по ремеслу». И оба разсмѣялись по поводу этого недоразумѣнія. «Что же вы дѣлали?»—«Я имѣлъ честь давать уроки великимъ княжнамъ, я былъ ихъ наставникомъ».—«Чортъ возьми! Садитесь же, милостивый государь! Я прочту Высочайшее повелѣніе». Онъ распечатываетъ конвертъ. Дю-Пюжэ внимательно смотритъ на него во время чтенія. Губернаторъ недолго молчалъ,—повелѣніе заключалось лишь въ двухъ словахъ: «Примите швейцарца Пюжэ милостиво и наблюдайте строго за его перепиской». Комендантъ пригласилъ его къ обѣду, предложилъ свои услуги, предложилъ ему выбрать себѣ квартиру, а кабинетный фельдъегерь, свидѣтель всего этого, но не понимавшій того, что говорилось по-французски, палъ къ ногамъ Дю-Пюжэ, просилъ у него прощенія и страшно передъ нимъ унижался. Дю-Пюжэ сказалъ ему, что не будетъ на него жаловаться, но совѣтовалъ вести себя человѣчнѣе въ томъ случаѣ, если ему придется сопровождать другого несчастнаго. Послѣ обѣда комендантъ крѣпости пошелъ совѣтываться съ губернаторомъ и сообщилъ ему странное Высочайшее повелѣніе: «Если этотъ человѣкъ виновенъ,—говорилъ онъ,—зачѣмъ приказывать намъ его принять прилично, а если онъ невиненъ, зачѣмъ его ссылать? Будьте увѣрены, что это шпіонъ, котораго посылаютъ къ намъ подъ видомъ ссыльнаго; какъ только онъ разузнаетъ все, что здѣсь происходитъ, придетъ повелѣніе отправить его обратно». Дю-Пюжэ воспользовался этимъ; комендантъ и губернаторъ обращались съ нимъ, какъ нельзя лучше, и предоставили ему полную свободу. По истеченіи двухъ мѣсяцевъ былъ полученъ указъ объ его возвращеніи; его невинность была установлена. Павелъ подозрѣвалъ его въ томъ, что онъ велъ переписку съ Лагарпомъ въ Швейцаріи; по возвращеніи онъ получилъ нѣсколько подарковъ въ знакъ благоволенія. Затѣмъ вскорѣ его сдѣлали наставникомъ великихъ князей. Это доказываетъ, по крайней мѣрѣ, что прошло то время, когда считали необходимымъ имѣть Аристотеля или д'Аламбера въ качествѣ воспитателя тѣхъ, кому суждено повелѣвать имперіями. Этотъ Дю-Пюжэ — добрый малый и честный человѣкъ, свѣдущій въ правописаніи, но я не скажу того же объ его знаніяхъ во французскомъ языкѣ.

[1]) Губернаторъ понялъ, что онъ швейцаръ.

1—13 іюля. Собрались Мюссаръ, Дюроврэ, а также Розенкампфъ съѣздить въ Токсово. Я туда отправился въ воскресенье утромъ съ моимъ племянникомъ Франсуа Дювалемъ, Полетикой [1]) и Бува. Всѣхъ было двадцать человѣкъ, расходъ по 13 руб. по человѣка. Токсово въ 26 верстахъ къ сѣверу отъ С.-Петербурга... Я видѣлъ большое собраніе финновъ въ церкви. Они не красивы, а женщины еще хуже мужчинъ. Я не говорю объ ихъ одеждѣ; она вездѣ траурная. Они лютеране; понятно, что они прибавляютъ къ своей религіи пропасть своихъ древнихъ суевѣрій. Приходъ, какъ говорятъ, приноситъ пять тысячъ рублей и простирается на 40 верстъ. Ихъ языкъ очень мягокъ, полонъ гласныхъ. Крестьяне принадлежатъ казнѣ и сохранили привязанность къ Швеціи, вспоминая о своихъ прежнихъ преимуществахъ...

10—22 іюля. Выставка въ Академіи Художествъ, самомъ красивомъ зданіи Петербурга: великолѣпный дворъ, зданіе разбито на различные классы воспитанниковъ по живописи, по ваянію, по зодчеству и проч. Я былъ очень удивленъ, увидя большое число мужиковъ, которыхъ привело сюда любопытство. Эта выставка продолжается восемь дней; на ней нѣтъ замѣчательныхъ вещей, но это средство для возбужденія соревнованія...

Поймали въ одномъ изъ рукавовъ Невы бѣлугу вѣсомъ въ 360 фунтовъ; рыбаки сами поднесли ее императору, который очень хорошо ихъ принялъ.

Обѣдалъ у министра внутреннихъ дѣлъ, гр. Кочубея, на Аптекарскомъ островѣ. Онъ очень молодымъ человѣкомъ служилъ по дипломатической части и сперва былъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Этотъ человѣкъ кажется мягкимъ, учтивымъ по натурѣ и обходительнымъ; онъ вообще пользуется уваженіемъ и не обогатился въ царствованіе, въ которое составилось столько состояній. Онъ долженъ былъ участвовать въ наслѣдствѣ своего дяди, графа Безбородко [2]), который его воспиталъ и послѣ котораго осталось завѣщаніе, начатое на смертномъ одрѣ слѣдующими словами: «я завѣщаю моему племяннику, единственному сыну моей сестры, двѣ тысячи

---

[1]) Петръ Ивановичъ Полетика (1778—1849) обучался въ кадетскомъ корпусѣ, въ 1798 г. опредѣленъ къ стокгольмской миссіи канцелярскимъ служителемъ; въ 1803 г. причисленъ къ дѣламъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ; въ 1809 г. былъ совѣтникомъ посольства въ Филадельфіи; въ 1811 г. въ Ріо-Жанейро, въ 1814 г. въ Мадридѣ, въ 1817 г. опредѣленъ посланникомъ въ Филадельфіи, въ 1822 г. возвратился въ Европу. Въ оставленныхъ имъ воспоминаніяхъ Полетика пишетъ о Дюмонѣ, что это былъ человѣкъ обширнаго ума, съ обширными и разнообразными свѣдѣніями. («Русск. Арх.», 1885 г., № 11, стр. 321.)

[2]) Князь Александръ Андр. Безбородко († 1799), все его состояніе перешло, какъ уже было упомянуто, къ брату гр. Ил. Андр. Безбородко; у нихъ была сестра Ульяна Андр. за Павл. Леонт. Кочубеемъ. Ея сынъ Викторъ Павловичъ (1768—1834) возведенъ былъ въ 1799 году въ графское достоинство, а въ 1831—въ княжеское.

душъ», а послѣ шли похвалы этому племяннику. Но духовное завѣщаніе осталось неподписаннымъ, и наслѣдникъ, пользуясь своимъ правомъ, какъ сынъ брата, не нашелъ основаній къ исполненію очевиднаго намѣренія завѣщателя. Графъ Кочубей разсказалъ, что во время путешествія, которое онъ совершилъ вмѣстѣ съ императоромъ въ Мемель [1]) для встрѣчи съ прусскимъ королемъ, прибылъ французскій генералъ, имя котораго я позабылъ; онъ желалъ видѣть самого императора, ему лично вручить депеши, по порученію Бонапарта. Очень удивились тому, что эти письма не заключали въ себѣ ровно ничего, кромѣ комплиментовъ и пожеланій здоровья императору. Единственною цѣлью было имѣть тамъ лицо, которое могло бы наблюдать и не казаться постороннимъ этой конференціи между обоими государями. Въ самомъ дѣлѣ, постарались помѣстить во всѣхъ газетахъ, что генералъ NN получилъ аудіенцію у императора и у прусскаго короля и пр. Императоръ часто получалъ письма отъ Бонапарта, всегда изложенныя какимъ-то восточнымъ стилемъ: недоконченныя фразы, вопросы, восклицанія. Обыкновенно отвѣчали Бонапарту, въ тѣхъ же выраженіяхъ [2]). Тогда смотрѣли на эти письма, какъ на тщеславное желаніе перваго консула прямо переписываться съ вѣнценосцами.

Графиня Кочубей [3])—женщина образованная и милая, она очень хорошо говоритъ по-англійски, ея мать напомнила мнѣ проповѣди, сказанныя мною 17 лѣтъ тому назадъ. На этомъ обѣдѣ былъ нѣкто Бекъ [4]), нѣмецъ, бывшій уже давно въ Россіи. Онъ былъ правою рукою гр. Палена во время его всемогущества и имѣлъ на него сильное вліяніе, которымъ онъ пользовался для того, чтобы дѣлать добро, а не съ цѣлью наживы, хотя онъ обладалъ всѣми возможными средствами для своего обогащенія. Сколько разъ онъ способствовалъ облегченію мѣръ жестокости, предупрежденію несправедливостей, смягченію произвольныхъ приказовъ. Я мало видѣлся съ нимъ,

---

[1]) Пріѣздъ въ Мемель совершился 29 мая (10 іюня 1802 г.).

[2]) Срав. Tatistcheff. Alexandre I et Napoléon d'après leur correspondance inédite. 1801—12. 1890; «Дипломатическія сношенія Россіи съ Франціей въ 1800—1804 г.» (ч. I и II), изд. подъ редакціей А. С. Трачевскаго. «Сб. Ист. Общ.», т. 70 и 77. *Ред.*

[3]) Графиня Кочубей, урожденная Мар. Вас. Васильчикова († 1844); она была дочь камергера Василія Семеновича Васильчикова († 1808) и графини Анны Кирилловны Разумовской (1754—1808).

[4]) Христіанъ Андр. Бекъ (1768—1853), родомъ изъ Шварцбурга. Въ русскую службу вступилъ при присоединеніи Курляндіи. Въ 1797 г. опредѣленъ секретаремъ при С.-Петербургскомъ военномъ губернаторѣ. Въ 1800 г. уволенъ для опредѣленія къ другимъ дѣламъ. Въ 1806 г. опредѣленъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ. Въ 1821 г. произведенъ въ тайные совѣтники, въ 1835 г. назначенъ старшимъ совѣтникомъ министерства иностранныхъ дѣлъ. *С. Г.* О событіяхъ въ его жизни, связанныхъ съ паденіемъ М. М. Сперанскаго см. *Шильдеръ* «Имп. Александръ I», т. III, 53—62, 370—371, 493—496. *Ред.*

но онъ внушилъ мнѣ то же довѣріе, какъ и тѣмъ, которые близко его знали. Это была сама честность и искренность съ обширнымъ образованіемъ. Послѣ паденія Палена онъ былъ немного забытъ, но потомъ получилъ мѣсто въ департаментѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Г. Сперанскій, служащій въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, очень много говорилъ со мною о Бентамѣ и поставилъ мнѣ нѣсколько вопросовъ по судопроизводству, судебнымъ порядкамъ и пр. Разговоръ затянулся до поздняго времени, т.-е. часовъ до 7-ми, 8-ми.

20 іюля (1 августа), въ Павловскѣ. Мой племянникъ Дюваль видѣлъ вдовствующую императрицу за два дня до того; она заговорила съ нимъ обо мнѣ и спросила, почему онъ не представилъ меня ей. Онъ отвѣтилъ, что независимо отъ того, что не осмѣлился сдѣлать это, Ея Величество, можетъ-быть, не позабыла, что при моемъ пріѣздѣ она сказала ему нѣсколько словъ, указывавшихъ на ея предубѣжденіе противъ меня, возникшее по прочтеніи книги Сулави. «Я припоминаю,—сказала она,—но я измѣнила свое мнѣніе, я желаю его видѣть, дайте мнѣ обѣщаніе привести его». Аудіенція была назначена послѣ полудня. Мы обѣдали у г. Полетики [1]), брата того, котораго я зналъ, секретаря императрицы по ея учрежденіямъ. Послѣ обѣда мы перешли въ переднюю, гдѣ видѣли, какъ часть императорской семьи прошла изъ столовой въ гостиную. Въ продолженіе часа ожиданія я разговаривалъ съ г.г. Шторхомъ и Роджерсономъ [2]). Послѣдній былъ вызванъ для бесѣды съ императрицей объ извѣстіяхъ, полученныхъ ею насчетъ великой герцогини Елены Мекленбургской [3]). Эти извѣстія очень прискорбны и не даютъ никакой надежды. Ея Величество, очень занятая, выслала ко мнѣ свою статсъ-даму Нелидову [4]), чтобъ сказать мнѣ, какъ она сожалѣла о томъ, что заставляла меня ждать. Мнѣ разсказали исторію Нелидовой, очень странную и пригодную, чтобы служить темой для романа. Въ большой милости при Павлѣ, потомъ въ немилости, она сумѣла примириться съ императрицей, которая при вступленіи на престолъ велѣла ее вновь призвать. Нелидова вернула свое вліяніе, которое зависѣло уже только отъ ея ума и характера и которымъ она воспользовалась исключительно для умѣренія страстей государя. Кутайсовъ и другіе, стремившіеся къ господству, успѣли ее снова удалить. По смерти Павла императрица помѣстила ее при себѣ, удостоила ее всѣмъ своимъ довѣріемъ и предоставила ей всѣ почести [5]).

---

[1]) Мих. Ив. Полетика († 1824), воспитанникъ шляхетскаго кадетскаго корпуса.

[2]) Лейбъ-медикъ Екатерины II, оставшійся при ея внукахъ.

[3]) Великая княжна Елена Павловна (1784—1803) вышла замужъ въ 1799 г. за наслѣднаго принца Фридриха Мекленбургъ-Шверинскаго и умерла въ 1803 г.

[4]) Екатерина Ив. Нелидова.

[5]) См. объ Е. И. Нелидовой сочиненіе г. Шумигорскаго. Изд. 2. Спб. 1902 г. *Ред.*

Первыя слова, съ которыми обратилась ко мнѣ императрица, заключали въ себѣ напоминаніе о проповѣди, которую я сказалъ въ С.-Петербургѣ и которую она во время оно читала. Проповѣдь имѣла своимъ предметомъ, сказала она, настроеніе, какимъ мы должны быть проникнуты, готовясь къ святому причастію. Я, однако, о ней забылъ. Императрица потомъ начала хвалить покойнаго моего зятя Дюваля и всю его семью. Она сказала, что между Дювалями могли быть только почтенные люди, что въ ихъ средѣ добродѣтель была наслѣдственна и пр., потомъ спросила у меня, съ какою цѣлью я пріѣхалъ сюда. «Съ цѣлью видѣться съ моею матерью и моимъ семействомъ».—«Ваша матушка еще жива?»—«Безъ сомнѣнія,—сказалъ мой племянникъ,—это—г-жа Дюмонъ».—«Ахъ, какъ я разсѣянна,—замѣтила императрица,—но я знаю ее только подъ названіемъ бабушки. Любитъ ли она еще свой садъ? развлекается ли, работая съ веретеномъ? Славная бабушка. Какъ она счастлива, что видитъ все семейство. Но для чего вы покидаете ее въ такомъ возрастѣ? Вѣдь вы живете постоянно въ Лондонѣ? Вы, кажется, были приглашены въ Англію, чтобъ путешествовать» и пр. и пр. Она потомъ заговорила о дѣвицѣ Дюроврэ, рекомендованной мною наставницѣ молодыхъ великихъ княженъ Морелэ, которая замолвила о ней словечко главной воспитательницѣ, графинѣ Ливенъ, а послѣдняя говорила о ней съ императрицей. Шелъ вопросъ о назначеніи дѣвицы Дюроврэ къ двухлѣтней дѣвочкѣ, находившейся подъ ея покровительствомъ, которая должна была воспитываться во дворцѣ. Императрица спросила у меня подробности о ней; я не очень ее восхвалялъ изъ опасенія оказать ей плохую услугу, и мнѣ сказали, что ее возьмутъ въ виду моей рекомендаціи и что я долженъ написать ей немедленно [1]). Потомъ императрица спросила, нравится ли мнѣ Павловскъ, который она очень любила и велѣла показать мнѣ апартаменты. Не испытываешь стѣсненія во время этихъ аудіенцій, такъ какъ императрица, оказывая пріемъ самый благородный и самый простой, сама ведетъ почти весь разговоръ съ тѣми, которые ей представляются въ первый разъ, что ихъ очень облегчаетъ. Ея доброта, впрочемъ, всѣмъ такъ извѣстна, что къ ней подходятъ безъ за-

---

[1]) Въ замѣткахъ, напечатанныхъ по-англійски въ сочиненіяхъ Бентама (X, стр. 405), говорится, что молодая Дюроврэ поступила во дворецъ для воспитанія дѣвочки, считавшейся дочерью Павла I, которую онъ имѣлъ отъ прачки. Послѣ Павла осталась дѣйствительно дочь Марѳа Павловна Мусина-Юрьева, которая воспитывалась Маріей Ѳедоровной, но скоро умерла. Матерью ея была камеръ-фрау императрицы дворянка Юрьева. *С. Г.* По завѣщанію имп. Павла Александръ I пожаловалъ Марѳѣ Мусиной-Юрьевой 1000 душъ въ Островскомъ уѣз., Псковской губ., изъ деревень, купленныхъ у гр. Андрея Разумовскаго. *В. Семевскій* «Пожалованіе населенныхъ имѣній при имп. Павлѣ». «Русск. Мысль», 1882 г., № 12, стр. 167; ср. *Мурзановъ*. «Дѣвица М. П. Мусина-Юрьева». «Лѣтопись историко-родословнаго Общества въ Москвѣ», 1905 г., вып. 4, стр. 2—5. *Ред.*

мѣшательства. Много достоинства въ ея привѣтливомъ и миломъ обращеніи. Ея доходы почти цѣликомъ тратятся на дѣла благотворительности, а ея дѣятельность посвящена надзору за обширными учебными заведеніями, которыя ей ввѣрены. Тѣ, кому приходится имѣть съ нею дѣловыя отношенія, говорятъ о ней лишь съ умиленіемъ и удивленіемъ.

Она переносила сильныя тревоги въ царствованіе Павла, не только за себя, но и за тѣхъ, кому приходилось терпѣть отъ его произвола; и я узналъ, что она въ теченіе двухъ дней продержала спрятаннымъ во дворцѣ лицо, коего ссылки она опасалась, думая, что это замедленіе дастъ ей время дѣйствовать и что, по крайней мѣрѣ, безъ ея вѣдома не могла бы состояться отправка этого лица.

Для изученія Россіи требовалось бы посѣщеніе провинціи; въ томъ, что видишь въ столицѣ, слишкомъ много иностраннаго и, за исключеніемъ дворянъ, иностранцы не живутъ съ русскими общею жизнью, ихъ не посѣщаютъ, почти ни съ кѣмъ не знакомы, даже послѣ долгаго здѣсь пребыванія. Я бы хотѣлъ быть вхожимъ въ домъ какого-нибудь русскаго купца. Я не нашелъ къ тому возможности. Они живутъ замкнуто, и даже гостепріимство не въ ихъ обычаяхъ. Они даютъ другъ другу праздники, блестящіе обѣды, на которые имъ ничего не стоитъ бросить 500 или 1000 рублей, особенно на крестины или въ день рожденія кого либо-изъ семьи. Однако по мѣрѣ того, какъ они богатѣютъ, они чувствуютъ другія потребности: дать возможность дѣтямъ путешествовать и интересоваться общественными дѣлами. Нѣмцы живутъ здѣсь сами по себѣ, англичане сами по себѣ. Французы, большею частью, артисты, актеры, наставники; ихъ мало въ торговомъ мірѣ, одинъ только большой торговый домъ. Изъ иностранцевъ рѣдко кто не считаетъ себя лишь временно пребывающимъ въ Россіи, почти всѣ надѣются вернуться на родину, хотя это довольно рѣдко случается.

10/21 іюля я провелъ вечеръ вмѣстѣ съ Бекомъ, на дачѣ у Сперанскаго, перваго чиновника департамента внутреннихъ дѣлъ.

Сперанскій объяснилъ мнѣ организацію министерствъ: оказалось, что я не совсѣмъ вѣрно понималъ обязанности товарищей министровъ. Они не имѣютъ власти, не раздѣляютъ ея; все должно проходить черезъ руки самого министра. Должность товарища министра, какъ бы сказать, школа для подготовленія людей и ихъ введенія въ государственныя дѣла. Со всѣмъ тѣмъ мнѣ кажется, что дѣла не должны двигаться скорѣе. Раздѣленіе вѣдомствъ сдѣлано неправильно. Возникаетъ много вопросовъ объ ихъ компетенціи, и дѣла постоянно отсылаются отъ одного къ другому. Министръ внутреннихъ дѣлъ, по своему титулу, могъ бы поглотить всѣ отрасли службы, за исключеніемъ дѣлъ военныхъ и дипломатическихъ.

Сперанскій показалъ мнѣ большія синоптическія таблицы, которыя велѣлъ составить по Бентаму, вызывающему его удивленіе. Труды Бентама развили въ немъ наклонность къ составле-

нію и разработкѣ законовъ и указали ему на точность, которой можно достигнуть въ законодательной наукѣ и которой онъ не предполагалъ. Онъ думаетъ, что вышедшее сочиненіе Бентама и тѣ, о которыхъ я говорилъ, окажутъ скорѣе и больше существенной пользы Россіи, нежели другимъ государствамъ.

Воскресенье 24 іюля (5 августа). Я провелъ время, гуляя по городу вмѣстѣ съ Деларорэ. Мы уже дѣлали подобныя прогулки при посѣщеніи квартала съ большими казармами. Выйдя изъ центра города, замѣчаешь, какъ окружность Петербурга обширна и не соотвѣтствуетъ состоянію его жителей. Это еще деревня, дома деревянные или каменные въ одинъ только этажъ, — пустыня. Кажется, по крайней мѣрѣ, десятая часть города застроена казенными зданіями, и все въ такихъ громадныхъ размѣрахъ, что нужны еще столѣтія и двѣсти тысячъ жителей для того, чтобы наполнить это пространство и придать ему видъ заселенности, который имѣютъ остальныя европейскія столицы. Такое положеніе города должно затруднять полицію, а въ особенности оно вредно отзывается на обществѣ. Городъ въ полицейскомъ отношеніи раздѣленъ на двѣнадцать частей, каждая имѣетъ своего начальника, и всѣ начальники являются каждое утро представлять свой отчетъ полицмейстеру, пруссаку Гербелю, который, говорятъ, очень расторопенъ и дѣятеленъ. Такъ какъ онъ живетъ вблизи дома, въ которомъ я проживаю, то я вижу ежедневно, между восемью и девятью часами, двѣнадцать дрожекъ подчиненныхъ ему начальниковъ. Есть нѣсколько шпіоновъ, довольно извѣстныхъ; мнѣ очень досадно было узнать, что въ этомъ дѣлѣ заняты также одинъ шведъ и два швейцарца.

Я посѣтилъ нѣсколько русскихъ церквей; внутренность ихъ не походитъ на церкви во Франціи и Англіи. Нѣкоторыя — въ два этажа, одинъ внизу—зимній, другой наверху—лѣтній. Церкви поражаютъ своею величиною. Онѣ полны иконъ, которыя, по большей части, кажутся нѣсколько смѣшными. Главный сюжетъ картины выполненъ на серебряной высѣченной поверхности. Въ серебрѣ вырѣзаны отверстія для головы и рукъ, которыя изображены красками, такъ что частью это живопись, частью—чеканка. Подобное сочетаніе двухъ искусствъ носитъ смѣшной и дѣтскій отпечатокъ. У всѣхъ русскихъ имѣются дома образа такого же вида; они почитаютъ этихъ карманныхъ святыхъ, но у нихъ нѣтъ религіозныхъ понятій. Главный религіозный актъ заключается въ томъ, чтобы останавливаться передъ всѣми церквами и креститься передъ образами.

Чтобы получить общее понятіе о Петербургѣ, я становлюсь у дворца, направо и налѣво отъ меня гранитная набережная, съ одной стороны до конца Галерной, съ другой до литейнаго завода, прерванная только адмиралтействомъ; его золоченая пирамида есть центръ, къ которому собирается большое число улицъ, прорѣзанныхъ по прямой линіи. Въ этомъ обширномъ сѣверномъ отдѣлѣ нахо-

дятся три канала: Мойка, Екатерининскій и Фонтанка. Большое пространство между двумя послѣдними еще остается пустопорожнимъ, а за нимъ идутъ улицы съ деревянными домами, напоминающія деревню.

Каналы покрыты судами, нагруженными всѣмъ, что служитъ для прокормленія и для застройки большого города: лѣсомъ, зерновымъ хлѣбомъ, кирпичами, досками; они всегда представляютъ картину дѣятельности. Часть къ устью Невы не заселена. Много еще деревянныхъ домовъ и много садовъ. Самое обширное зданіе — кадетскій корпусъ, а самое красивое — Академія Художествъ; Академія Наукъ несравненно хуже; биржа — старая постройка, которая не соотвѣтствуетъ великолѣпію остального.

Рукавъ Невы отдѣляетъ Васильевскій островъ отъ стараго Петербурга, который также на островѣ. Планъ неправиленъ и не оконченъ, улицы широки и состоятъ, большею частью, изъ деревянныхъ домовъ. Главное зданіе — крѣпость, ея окружность значительна. Старый Петербургъ — смѣсь садовъ, деревни и города. Эти три части города отдѣляются другъ отъ друга весною и осенью, когда разводятся понтонные мосты и когда на Невѣ ледоходъ. Васильевскій островъ въ прошломъ году вытерпѣлъ голодъ, когда прервалось всякое сообщеніе. Тѣ, которые считаютъ большіе города вредными очагами для безопасности правительства, должны признать, что эти естественныя раздѣленія способствуютъ полицейскимъ мѣрамъ противъ возстаній какъ нравственно, такъ и физически. Отъ скопленія производится броженіе, но здѣсь все дѣло зависитъ, очевидно, отъ случая. Въ русскомъ народѣ преобладаютъ покорность и повиновеніе; онъ преданъ императорскому дому, и если бы общественное мнѣніе имѣло болѣе вѣса, если бы народъ уважали болѣе, если было бы третье сословіе, служащее противовѣсомъ, то государи пользовались бы большею безопасностью; заговоры всегда затѣвались дворянствомъ.

Я провелъ вечеръ у Сперанскаго. Мы были одни; онъ любитъ свою родину и отлично понимаетъ, что преобразованіе полиціи и законодательства есть краеугольный камень всѣхъ народныхъ благъ. Обратились къ нѣмецкимъ юристамъ и къ англичанину (Макинтошу), и не были удовлетворены перепискою съ ними. Они не знаютъ (русскаго?) права и въ ихъ отвѣтахъ замѣтны только обыденныя идеи и слѣды римскаго права. Съ тѣхъ поръ, какъ русскіе имѣютъ сочиненія Бентама, они думаютъ, что могутъ обойтись безъ этихъ помощниковъ и перестали или почти перестали совѣтоваться съ ними. Спрашивали у меня неопредѣленно, не пожелалъ ли бы я поселиться въ Россіи. Я на этотъ счетъ принялъ рѣшеніе [1]). Я сказалъ, что если бы обратились къ Бентаму, онъ, вѣроятно, согласился бы заняться гражданскимъ уложеніемъ, и что, если бы ему предло-

[1]) Т.-е. отрицательное.

жили точные вопросы, указавъ ему на мѣстныя условія, онъ дастъ на нихъ отвѣты. Какъ мнѣ показалось, расположены вступить съ нимъ въ переписку. Предлагали мнѣ условиться съ нимъ насчетъ этой работы. Я не знаю, что выйдетъ изъ этого [1]).

Въ настоящемъ положеніи судовъ гласность, столь существенная, была бы, можетъ-быть, вредной и для тяжущихся являлась бы еще бо́льшимъ зломъ. Это было бы средствомъ для угнетенія просителей. Угрожая человѣку вызвать его къ личной явкѣ въ судебныя мѣста, достигали бы всякаго рода уступокъ. Порядочный человѣкъ устыдился бы явиться въ судъ, какъ бы въ дурное мѣсто.

Сперанскій не думалъ, чтобъ было возможно устроить въ Россіи исправительную тюрьму (паноптиконъ) [2]). Я ему далъ понять, что хорошая тюрьма служитъ необходимымъ предварительнымъ средствомъ къ введенію разумнаго уголовнаго уложенія, что заключеніе составляетъ существенную часть юридическихъ наказаній, а до тѣхъ поръ, пока эта часть не будетъ устроена, все остальное будетъ въ хаотическомъ состояніи и пр.

Хотя французскій языкъ теперь въ общемъ употребленіи въ Россіи, но стоитъ очень большого труда найти хорошаго переводчика на русскій языкъ. Молодой человѣкъ, котораго нашли для Розенкампфа, скончался, и на его мѣсто никого не находятъ. Я совершенно отрекся отъ заблужденія, въ которомъ находился по предмету воспитанія въ Россіи, относительно усвоенія трехъ языковъ русскаго, французскаго и нѣмецкаго, которыя, какъ я считалъ, пріобрѣтаются съ дѣтства при первоначальномъ воспитаніи. Правда, что обыкновенно что-либо, часть самая употребительная, удерживается въ памяти. Нѣмецкія дѣти, воспитанныя русскою нянею и французскимъ слугою, сумѣютъ выразиться кое-какъ на этихъ двухъ языкахъ, но они не могутъ ихъ усвоить, если только не будутъ обучаться имъ въ теченіе всей своей молодости, до 17-ти или 18-ти лѣтъ. Таково обыкновенно бываетъ воспитаніе, но оно не ведетъ далеко. Всѣ другіе роды образованія рѣдко встрѣчаются, а школы, за исключеніемъ іезуитскихъ, сто́ятъ большихъ денегъ. Частные учителя оплачиваются очень дорого, самые нетребовательные просятъ по два рубля за урокъ (даже учителя, обучающіе правописанію, требуютъ большой платы), а болѣе дорогіе по 4 и по 5 руб.

---

[1]) Ср. объ этомъ свиданіи со Сперанскимъ въ письмѣ Дюмона къ Ромилью. *Пыпинъ.* «Русскія отношенія Бентама». «Вѣстн. Евр»., 1869 г., № 2, стр. 808, ср. 809—810. *Ред.*

[2]) Бентамъ воспользовался планомъ своего брата инженера Самуила Бентама, построившаго въ Кричевѣ, въ имѣніи Потемкина, особенное зданіе въ родѣ фабричной или ремесленной фаланстеріи и примѣнилъ его къ устройству тюремъ и написалъ свой паноптиконъ, трактатъ объ устройствѣ тюремъ, основанномъ на принципѣ целлюлярнаго заключенія и центральнаго надзора съ примѣненіемъ разнообразныхъ средствъ исправленія и воспитанія, съ устройствомъ мастерскихъ, школъ, больницъ и т. п. Works, IV, 49.

30 Іюля (11 августа). Меня посѣтилъ нѣкто Василій Каразинъ [1]), коллежскій совѣтникъ, правитель канцеляріи народнаго просвѣщенія или общей дирекціи школъ. Послѣ цѣлаго ряда комплиментовъ, что очень въ ходу здѣсь, онъ подъ конецъ сказалъ мнѣ, что хотя онъ не надѣется получить того, чего ему было поручено просить у меня, но не желалъ упрекнуть себя въ томъ, что упустилъ случай засвидѣтельствовать свое рвеніе въ пользу новыхъ русскихъ университетовъ, — и онъ предложилъ мнѣ мѣсто профессора политической экономіи въ Харьковскомъ университетѣ. Это, сказалъ онъ, провинція, наиболѣе просвѣщенная, единственная, въ которой обученіе латинскому языку общепринято и гдѣ семинарія имѣетъ большія средства. Поблагодаривъ, какъ водится, и высказавъ свой отказъ, обусловленный моимъ положеніемъ, я спросилъ у него объ ихъ планѣ. Попечитель этого университета гр. Потоцкій, путешествуетъ въ настоящее время по Германіи, приглашая профессоровъ. Каразинъ передалъ мнѣ таблицу всѣхъ учащихъ и преподаванія въ университетахъ. Каждый профессоръ получаетъ 2000 руб. жалованья, тысячу рублей при отставкѣ послѣ десятилѣтней службы и полную пенсію послѣ 15-ти лѣтъ. Каждый университетъ имѣетъ 28 профессоровъ, 12 адъюнктовъ-замѣстителей, 12 студентовъ кандидатовъ, получающихъ каждый по 300 руб., 40 студентовъ стипендіатовъ, получающихъ по 200 руб. на содержаніе. Это необходимо въ Россіи: нужно платить студентамъ, чтобъ имѣть ихъ. Весъ расходъ на каждый университетъ равняется 130000 руб., а на всѣ 520000 р.—Харьковскій университетъ долженъ начать свою дѣятельность съ будущей весны.

Театральная комиссія въ Петербургѣ расходуетъ 500000 руб., не считая нѣмецкаго театра, имѣющаго свою отдѣльную дирекцію. Приходъ же никогда не достигаетъ 200000 руб., остальное должно доплачивать правительство. Русскій театръ по воскресеньямъ приноситъ болѣе, чѣмъ въ другіе дни: церковь столь строгая въ другихъ отношеніяхъ, къ счастью, не столь строга въ отношеніи соблюденія воскреснаго праздника. У меня былъ длинный разговоръ съ докторомъ Гривомъ, которому я не легко вѣрю во всемъ, что связано съ его взглядами на вещи, вслѣдствіе нѣкоторыхъ его предразсудковъ. Онъ отчасти принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые всюду видятъ масоновъ и иллюминатовъ, а такъ какъ онъ пріобрѣлъ свое состояніе щедротами Павла I, то и не можетъ очень искренно хвалить бережливость Александра и пр.

С. Горяиновъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

[1]) Вас. Наз. Каразинъ (1773—1842), правитель дѣлъ главнаго управленія училищъ, былъ истиннымъ виновникомъ основанія Харьковскаго университета.

Дневникъ Этьена Дюмона объ его пріѣздѣ въ Россію въ 1803 г.

(Окончаніе.)

VII.

Второе поднятіе Гарнерэна привлекло немного народа. При первомъ Гарнерэнъ передалъ маленькій шаръ на свободѣ императору, который его пустилъ, второй — императрицѣ, а третій — Константину, который тотчасъ позвалъ Фрожера, желая передать ему шаръ. Этотъ Фрожеръ актеръ, который держится съ нимъ фамильярно и служитъ ему въ качествѣ шута. Г-жа Гарнерэнъ, не стѣсняясь, стала громко повторять: «Гдѣ Фрожеръ? Его высочество желаетъ его привязать къ шару въ качествѣ котенка». Она знала, что Фрожеръ очень забавлялся насчетъ воздухоплавателя. Кто-то далъ понять великому князю, что эта острота какъ будто подымалъ на смѣхъ любезность императора, который пустилъ шаръ; великій князь взялъ переданный ему шаръ и пустилъ его.

Я былъ на Петергофскомъ праздникѣ съ моими племянниками Адоромъ и Луи; стеченіе народа было громадное. У насъ былъ номеръ 10.240-й на маскарадъ; кареты ѣхали въ два и три ряда по всему пути. Дворецъ по своей постройкѣ не представляетъ ничего замѣчательнаго; терраса очень мала; фонтаны и каскады гораздо хуже версальскихъ; садъ, хотя очень обширный, показался мнѣ плохо разбитымъ. Онъ весь раздѣленъ на маленькіе участки, которые не представляютъ общаго вида; аллеи — узки; чувствуется вездѣ смѣсь мелкаго съ великимъ. Иллюминація ничего не стоитъ сравнительно съ освѣщеніемъ Тюльерійскаго дворца и сада. Я бы не предпринялъ такого путешествія, чтобъ видѣть праздникъ или

маскарадъ во Франціи или Англіи, но мнѣ было любопытно сравнить теперешнее великолѣпіе русскаго двора съ пышностью Екатерины II. Главное отличіе заключалось въ службѣ и въ угощеніяхъ. Императоръ и его дворъ прогуливались по всѣмъ гостинымъ, и ротозѣи большого свѣта были рады видѣть, какъ они прохаживаются въ польскомъ; молодыя великія княжны очень красивы. При входѣ у меня украли кружевную накидку, накинутую на мое домино, которую мой племянникъ далъ мнѣ на подержаніе. Она плохо была прикрѣплена, и я замѣтилъ, что она сползала, но она исчезла прежде, чѣмъ я могъ что-либо сказать. Однако было все хорошее общество, за исключеніемъ немногихъ лакеевъ у дверей. Русскіе художники Академіи Художествъ изготовили, по заказу Павла, бронзовыя статуи по древнимъ образцамъ, взамѣнъ смѣшныхъ деревянныхъ изображеній, украшавшихъ террасу и карнизъ Петергофа. Нѣкоторыя изъ этихъ статуй сдѣлали честь художникамъ. Ихъ позолотили; очень большой расходъ, произведшій самый плохой эффектъ: бронза сошла и, видишь, какъ будто, позолоченое дерево. Народъ, говорятъ, восхищается позолотой; я понимаю, что нужно было найти оправданіе дурному вкусу вельможъ, приказавшихъ произвести это переодѣваніе, которымъ художники были унижены.

Я провелъ вечеръ со Сперанскимъ, который кажется мнѣ человѣкомъ высшаго ума, онъ понимаетъ, чего недостаетъ его родинѣ и что можно ей дать. Мнѣ много говорили о томъ, что правительство должно покровительствовать газетѣ, которая бы обращала вниманіе общества на существенные предметы и распространяла бы просвѣщеніе; послѣднее должно въ Россіи исходить отъ правительства, такъ какъ оно не можетъ итти отъ народа къ правительству. Я ему замѣтилъ, какую выгоду французы и англичане умѣли извлекать этимъ способомъ, который давалъ результатъ настолько удовлетворительный, что онъ могъ принести пользу правительству, его примѣнившему. Французскій «Меркурій» [1]) былъ бы самымъ лучшимъ образцомъ. Сперанскій боится, какъ бы не было слишкомъ мало читателей. Я сослался на изданіе журнала въ Москвѣ Карамзинымъ [2]), не имѣвшимъ всѣхъ средствъ, какими располагаетъ правительство для подобной работы, но все-таки насчитывалось отъ 3 до 4.000 подписчиковъ. Главный предметъ нашего разговора

---

[1]) Въ 1672 появился въ Парижѣ журналъ «Le Mercure galant», цѣль котораго было говорить обо всемъ, сдѣлать газету доступной всѣмъ и подходящей всѣмъ. Въ 1678 этотъ журналъ выходилъ въ свѣтъ въ объемѣ 400 стр. Впослѣдствіи онъ перешелъ въ собственность книгопродавца Панкука, который его преобразовалъ въ «Mercure de France» чисто литературный и въ «Mercure historique et politique».

[2]) Ник. Мих. Карамзинъ (1766—1826), извѣстный историкъ. 1802 сталъ издавать «Вѣстникъ Европы».

заключался въ пользѣ гласности, какъ средства для назиданія однихъ и обузданія другихъ. Зная его пристрастіе къ статистическимъ таблицамъ, я сказалъ ему, что было бы очень полезно составить таблицу содержанія, получаемаго чиновниками; она показала бы очевидную его недостаточность, а недостаточность содержанія должна имѣть своимъ послѣдствіемъ всякаго рода злоупотребленіе властью. Когда человѣкъ безъ состоянія получаетъ только 200 руб. жалованья, но имѣетъ экипажъ, спрашивается, откуда онъ достаетъ на покрытіе этого расхода.

Я узналъ отъ него, что шотландское миссіонерское общество обратилось два года тому назадъ къ императору для полученія разрѣшенія отправить на Кавказъ трехъ миссіонеровъ. Они отправились туда [1]), имъ отвели земли и разрѣшили купить нѣсколько кавказцевъ, между которыми нерѣдко встрѣтить такихъ, которые продаютъ себя и свое семейство. Въ этомъ году миссія пополнилась десятью новыми проповѣдниками. Это первый шагъ на пути цивилизаціи. Миссіонеры покупаютъ людей съ цѣлью ихъ образовать и затѣмъ отпустить на волю. Впрочемъ, трудно будетъ побудить народъ къ подражанію европейцамъ, такъ какъ эти люди почти не имѣютъ потребностей и не любятъ трудиться.

Послѣдняя перепись въ Россіи дала 40 мил. жителей; приростъ населенія очень быстръ, что доказываетъ, несмотря на всѣ сѣтованія, что безопасность увеличивается и что правительство становится лучше. Государственные доходы равняются 115 милліонамъ; почти не существуетъ косвенныхъ налоговъ, налогъ берется съ души и распредѣленъ очень неровно. Винный откупъ приноситъ 26 мил. государству; общій итогъ ввоза и вывоза въ С.-Петербургѣ равенъ 36 мил. 50 лѣтъ тому назадъ онъ былъ въ 8 мил. [2]).

Всѣ рудники управляются нѣмцами-саксонцами; странно, что то же самое и въ испанской Америкѣ; англичане и нѣмцы ведутъ оптовую торговлю; французы въ Петербургѣ занимаются только мелочнымъ торгомъ; они постоянно мѣняютъ предметъ своей торговли, не привязываясь ни къ чему и переходятъ отъ одной спекуляціи къ другой; они не основываютъ торговыхъ домовъ. Недостатокъ гласности, замѣченный мною, поразилъ меня

---

[1]) Шотландскіе миссіонеры поселились въ 1802 г. въ Каррасѣ, нынѣ Пятигорскаго округа, Терской области.

[2]) Въ среднемъ выводѣ за 3 года (1802—4) отпущено товаровъ въ Западную Европу на 46.388.569 р. въ годъ, привезено изъ Западной Европы на 28.316.130 р. *А. Семеновъ.* «Изученіе историческихъ свѣдѣній о россійской внѣшней торговлѣ», ч. III, Спб. 1859 г., стр. 51. Въ 1762 г. отпущено на 12.762.500 р., привезено на 8.162.200 р. *В. И. Покровскій.* «Сборникъ свѣдѣній по исторіи и статистики внѣшней торговли Россіи». Т. I, Спб. 1902 г. стр. XXVI. *Ред.*

въ виду того, что я услышалъ здѣсь въ одномъ обществѣ и чего нигдѣ не приходилось мнѣ слышать,—такъ, напр., по поводу одного губернатора, который только что былъ императорскимъ совѣтомъ преданъ суду Сената за взятки, жестокости, противозаконныя дѣянія, всего по тринадцати обвинительнымъ пунктамъ. Такое событіе стало бы вездѣ предметомъ общихъ разговоровъ. Я случайно услыхалъ о томъ у Розенкампфа отъ сенатора Козодавлева, а въ обществѣ ничего о томъ не знаютъ или этимъ не интересуются. Я спросилъ, часто ли подаются жалобы на губернаторовъ. Мнѣ отвѣтили, что жалобы бываютъ обыкновенно, но рѣдко дѣло доходитъ до суда.

Въ томъ же обществѣ говорили о другомъ фактѣ, а именно передавали извѣстіе объ убійствѣ генерала Бока, учиненномъ его крестьянами за то, что онъ вздумалъ ввести лифляндскіе порядки, вмѣсто русскаго оброка. Тогда какъ русскій крестьянинъ производитъ условленный платежъ вообще въ 4 рубля своему помѣщику [1]) и занимается, чѣмъ хочетъ, лифляндскій крестьянинъ производитъ полевыя работы подъ наблюденіемъ надзирателей, которые ихъ погоняли кнутомъ, какъ негровъ на плантаціяхъ. Причины и обстоятельства этого убійства не были ясно опредѣлены, но общество имъ вовсе не интересовалось.

Глухо говорили о событіи еще болѣе страшномъ, которое по дѣйствующимъ лицамъ и по обстоятельствамъ представляется трагедіею. Дѣло идетъ о грузинской княгинѣ [2]), которая привезена въ С.-Петербургъ подъ стражей съ сыномъ и дочерью за убійство русскаго офицера. Во время маленькой экспедиціи, предпринятой противъ этой княгини, или, лучше сказать, въ одной изъ этихъ

---

[1]) Въ одной статьѣ того времени обычный размѣръ оброка указанъ въ 5 р. «Труды Вольнаго Экономич. Общ.». 1804 г., т. 56, стр. 65. *Ред.*

[2]) По обстоятельствамъ, приведеннымъ Дюмономъ и по времени, онъ, надо полагать, говоритъ объ убійствѣ генералъ-майора Лазарева въ Тифлисѣ. Въ 1800 году умеръ послѣдній грузинскій царь Георгій XIII, завѣщавшій свое царство Россіи. Послѣ него остался сынъ его Давидъ, управлявшій пока Гуріей, и вторая жена, царица Марія изъ рода князей Циціановыхъ и нѣсколько несовершеннолѣтнихъ дѣтей. Главнокомандующимъ въ Грузіи и на кавказской линіи былъ назначенъ генералъ-лейтенантъ князь. Пав. Дмит. Циціановъ (1754—1806), который для усмиренія края и во избѣжаніе волненій рѣшилъ удалить царицу Марію изъ Тифлиса, поручивъ исполненіе этой задачи ген.-майору Лазареву, который встрѣтилъ сильное сопротивленіе со стороны царицы, женщины болѣзненной и своенравной. Она была въ высшей степени раздражена его настойчивыми требованіями, и въ тотъ моментъ, когда Лазаревъ самъ явился къ ней 18 апрѣля 1803 г. съ цѣлью увезти ее, она однимъ ударомъ кинжала въ спину положила его на мѣстѣ. Царица съ семействомъ была перевезена въ Воронежъ, а оттуда въ Бѣлгородъ, гдѣ ее заключили въ женскій монастырь на покаяніе. Въ 1811 г., по ходатайству ея сына царевича Михаила, имп. Александръ I простилъ ее и дозволилъ ей жить въ Москвѣ, гдѣ она пребывала до своей смерти. *Тучковъ*, «Записки», стр. 202.

маленькихъ войнъ, которыя Россія постоянно ведетъ на своихъ границахъ и которыя совершенно неизвѣстны даже въ Россіи, русскій генералъ, вступивъ въ городъ, черезъ своего офицера велѣлъ княгинѣ явиться вмѣстѣ со своимъ семействомъ въ русскій лагерь. Она лежала въ постели больная или притворилась таковою. Офицеръ былъ по меньшей мѣрѣ грубъ, пожелалъ удостовѣриться въ болѣзни княгини и получилъ отъ ея сына, восемнадцатилѣтняго юноши, ударъ кинжаломъ; офицеръ былъ убитъ. Княгиня принимаетъ на себя всю отвѣтственность, увѣряя, что она, защищаясь, нанесла ударъ офицеру; его солдаты одни были свидѣтелями. Я недостаточно знаю сущность этого дѣла и передалъ о немъ по наслышкѣ. Не могли мнѣ сообщить, находится ли княгиня въ пути, или уже она пріѣхала. Но дѣло это не производитъ большой сенсаціи. Я не знаю, интересуются ли русскіе общественными дѣлами, — я этого не думаю. Имъ всегда твердили, что было опасно о нихъ говорить, отъ нихъ скрывали способы разслѣдованія, и установилась привычка ничѣмъ не интересоваться. По моемъ пріѣздѣ начата была война противъ Швеціи, но повода ея никто не зналъ; его узнали изъ гамбургской газеты. Это главный источникъ всѣхъ извѣстій по русскимъ дѣламъ, даже для тѣхъ, кто живетъ въ Петербургѣ. Я слышалъ отъ многихъ лицъ, что они узнали изъ иностранныхъ газетъ большую часть подробностей о заговорѣ противъ Павла. Этимъ объясняются самые противоположные разсказы о предметахъ, которые должны были бы быть извѣстны всѣмъ.

Я прибѣгъ ко многимъ способамъ съ цѣлью узнать, что нынѣшній императоръ сдѣлалъ по предмету отмѣны крѣпостного права. Объ этомъ сказано выше, но допущена неточность, такъ какъ императоръ не разрѣшилъ крестьянамъ выкупаться цѣлымъ обществомъ въ случаѣ продажи земли помѣщика съ торговъ, и имъ не предоставлялось предпочтенія, если цѣна выкупа равнялась стоимости имѣнія. Сенаторъ Козодавлевъ мнѣ сказалъ, что это не вѣрно, а такъ какъ Розенкампфъ упорствовалъ, доказывая противное, то Козодавлевъ далъ ему прочесть два указа по этому предмету, не утверждающихъ ничего подобнаго.

Въ послѣдніе дни я обѣдалъ у Розенкампфа съ Новосильцовымъ, обоими графами Строгановыми и княземъ Чарторыскимъ. За обѣдомъ я разсказалъ о придиркѣ, которой подвергли меня изъ-за паспорта: въ томъ, съ которымъ я выѣхалъ въ Россію, значилось: «Этьенъ Дюмонъ», а въ газетѣ, гдѣ печатались свѣдѣнія объ отъѣзжавшихъ, было записано «Стефанъ Дюмонъ»; въ виду такого разногласія, мнѣ отказывали выдать паспортъ, требовали, чтобъ англійскій посолъ удостовѣрилъ тождество обоихъ именъ. Эти господа мнѣ сказали, что я не долженъ безпокоиться, и на слѣдующій же день я получилъ отъ каждаго изъ нихъ отдѣльныя письма,

сообщавшія мнѣ о выдачѣ мнѣ паспорта и о томъ, что они сами написали губернскому правленію. Дѣйствительно, ихъ вмѣшательство сократило волокиту въ канцеляріи. Въ Россіи въ высшей степени поражаютъ своею странностью педантизмъ разныхъ видовъ, удручающая многочисленность канцелярій, письмоводства и подписей. За пропускомъ одной начинайте все сызнова, и вы, понятно, — въ рукахъ какого-нибудь канцеляриста, который вамъ устраиваетъ все это за деньги и присовокупляетъ ко всѣмъ этимъ замедленіямъ свои собственныя упущенія; въ послѣднемъ вы никогда не можете его убѣдить. Можно подумать, что русскіе, возгордившись тѣмъ, что выучились писать, пожелали умножить всѣ случаи примѣненія этого знанія. Избытокъ формъ всему вредитъ. Отчетность помрачается; формальности затрудняютъ самую сущность дѣла.

Розенкампфъ прислалъ мнѣ, наконецъ, изложеніе уголовнаго и гражданскаго судопроизводства, но я не нашелъ его достаточно полнымъ, почему письменно сдѣлалъ ему множество вопросовъ, на которые онъ мнѣ отвѣтилъ съ величайшею отчетливостью [1]). Это дѣйствительно умный человѣкъ, который могъ бы быть полезенъ, такъ какъ онъ свободенъ отъ старыхъ предразсудковъ, но онъ, по отношенію къ нравственнымъ качествамъ, не пользуется уваженіемъ; правда, что въ Россіи это не такъ нужно, какъ въ другихъ странахъ. Я нашелъ, напримѣръ, въ одномъ его докладѣ о судопроизводствѣ, частью сообщенномъ мнѣ, что онъ удержалъ въ проектѣ требованіе всѣхъ судебныхъ издержекъ, пошлины на жалобы и претензіи и пр., сумма которыхъ доходитъ ежегодно до одного милліона рублей. Я ему представилъ всѣ возраженія Бентама относительно этого рода пошлинъ. Я ему доказалъ, что онѣ противорѣчили цѣли правосудія, что они благопріятствовали богатому въ ущербъ бѣдному, что обложеніе ими производилось въ моменты самого большаго бѣдствія и пр. Онъ понялъ справедливость этихъ замѣчаній и сказалъ мнѣ, что займется передѣлкой всей этой части своей записки.

Я получаю много знаковъ сочувствія и вниманія въ моментъ назначенія срока моего отъѣзда. Новосильцовъ пишетъ очень напыщенное письмо съ извѣщеніемъ, что какъ только Харьковскій университетъ будетъ окончательно учрежденъ, я получу дипломъ корреспондента или почетнаго члена.

Розенкампфъ мнѣ прислалъ записку о совмѣстныхъ судахъ въ Даніи, я ему отвѣтилъ второпяхъ, что, по моему мнѣнію, эти суды очень хороши тамъ, гдѣ судебная часть плохо устроена, что ихъ большой успѣхъ въ Даніи служитъ доказательствомъ общаго недовольства обыкновеннымъ правосудіемъ, что наилучшіе

---

[1]) Изложеніе Розенкампфа и вопросы Дюмона сохранились въ числѣ рукописей Дюмона въ Импер. публичной библіотекѣ.

результаты этого учрежденія достигались при наличности двухъ условій, которыя надо было ввести въ обыкновенные суды, а именно при скорости судопроизводства и при явкѣ тяжущихся и пр.

Другой день я провелъ съ моимъ товарищемъ по школѣ и ученію Деласозэ; мы обошли разные кварталы города.

Академія Наукъ мнѣ показалась очень въ загонѣ и очень скучной; правда, что я видѣлъ музей естественныхъ наукъ въ Парижѣ. Здѣсь это похоже на богатое собраніе для богатаго невѣжды, который не знаетъ, какъ имъ пользоваться, нѣтъ профессора, который бы его показывалъ, нѣтъ учениковъ для его осмотра. Библіотека въ томъ же пренебреженіи. Въ Петербургѣ нѣтъ еще публичной библіотеки.

Я хочу сохранить на память имена тѣхъ, которыхъ я видѣлъ на дачѣ у моихъ сестеръ, еще чаще у моихъ племянниковъ, которые всегда держали открытый столъ.

Два брата Лабенскихъ, поляка, изъ которыхъ одинъ директоръ Эрмитажа.

Таперъ, тоже полякъ, сынъ одного изъ самыхъ богатыхъ банкировъ Европы, который оказался совершенно разореннымъ вслѣдствіе какихъ-то несчастныхъ обстоятельствъ. Сынъ пріѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ его талантъ къ музыкѣ давалъ ему средства къ жизни, и онъ теперь даетъ уроки, хотя не имѣетъ въ томъ нужды, женившись на особѣ, которая ему принесла 100.000 рубл. приданаго; это человѣкъ любезный и джентльменъ.

Бертрэнъ, славящійся своимъ остроуміемъ и любящій имъ блеснуть, авторъ театральныхъ пьесъ и, по его словамъ, 39-ти одъ, изъ которыхъ одна, мною слышанная на празднованіи столѣтія Петербурга, не возбудила во мнѣ большаго желанія слышать остальныя. За нее онъ получилъ перстень въ 200 руб., почему, увидавъ великолѣпное ожерелье, предназначенное для одной изъ великихъ княженъ, онъ воскликнулъ съ истинною наивностью: «Стоимость какого числа одъ представляютъ эти брильянты». Онъ прибылъ въ Петербургъ зарекомендованный уже тѣмъ, что Бонапартъ его преслѣдовалъ въ Гамбургѣ; здѣсь онъ издавалъ періодическій листокъ, подъ названіемъ «Le café etc. etc. (Кофе, и пр., и пр.). Ему только что дали мѣсто театральнаго цензора съ содержаніемъ въ 2.000 рубл.

Клементи первый піанистъ, очень богатый и очень скупой, не особенно брезгавшій средствами для своего обогащенія, хотя онъ здѣсь обнаружилъ извѣстную гордость, талантъ и не предпринялъ никакихъ шаговъ, чтобъ играть передъ императоромъ и тѣмъ заручиться обыкновенными подарками отъ него. Графинѣ Орловой, которая спросила у него, «былъ ли онъ уже разъ въ Россіи, онъ отвѣтилъ: «Милостивая государыня, пріѣзжаютъ ли сюда два раза?»

Пинтонъ, молодой живописецъ, который не лишенъ ни таланта ни успѣха, который отличается приличіемъ въ своихъ манерахъ и скрытностью; физіономія его еще болѣе интересна тѣмъ, что она проникнута отпечаткомъ меланхоліи и несчастія. Его семейство пострадало во время революціи, и эти впечатлѣнія отъ перенесеннаго горя не исчезли. Ла Вариверъ, другой живописецъ, совершенно отличный отъ перваго во всѣхъ отношеніяхъ, вышедшій изъ школы Давида, хотя этого не обнаруживаетъ его кисть.

Босси, венеціанецъ, покинувшій Италію очень молодымъ, не хочетъ тамъ жить и не напоминаетъ итальянцевъ по своему характеру; чрезвычайно разсѣянный, онъ могъ бы служить новымъ типомъ дѣйствующихъ лицъ въ комедіи: онъ нанимаетъ извозчика, находясь въ двадцати шагахъ отъ своего дома; онъ осматриваетъ въ гостиницѣ помѣщеніе и, если оно ему нравится, нанимаетъ его на годъ, невзирая на цѣну, которая превышала его средства. Онъ отличный живописецъ-миніатюристъ и страстно любитъ свое искусство. Ему очень нравится Стокгольмъ, гдѣ онъ прожилъ четыре года, и онъ съ большимъ уваженіемъ говоритъ о характерѣ шведовъ. Онъ былъ личный другъ Якоби, который издалъ извѣстное путешествіе по Швеціи, и очень удивленъ его неблагопріятнымъ отзывомъ о ней, такъ какъ, по его словамъ, онъ былъ тамъ хорошо принятъ и, казалось, былъ въ восхищеніи отъ этой страны. Босси очень недоволенъ Россіею, гдѣ онъ остается только для того, чтобъ зарабатывать деньги. «Все здѣсь велико,—говорилъ онъ мнѣ,—за исключеніемъ людей».

Сердэ, врачъ, который началъ съ того, что былъ хирургомъ. Такъ обыкновенно бываетъ въ Петербургѣ, гдѣ очень мало настоящихъ врачей и нѣтъ ни одного русскаго, который былъ бы извѣстенъ въ этомъ искусствѣ, хотя есть большое учебное заведеніе для изученія медицины съ значительнымъ числомъ учащихся. Чего недостаетъ вездѣ, такъ это умѣнья возбудить соревнованіе и поощрять заслуги. Этого не сознаютъ русскіе и судятъ только по репутаціи. Сэрдэ имѣетъ паціентовъ въ разныхъ домахъ; за визиты обыкновенно платятъ доктору два рубля; тѣ, которые болѣе извѣстны, получаютъ пять и болѣе рублей. Лѣкарства дороги, но хороши, такъ какъ приготовляются императорскою аптекою. Аптекари обязаны обозначать цѣну рецепта на склянкѣ или пакетѣ.

О книгопродавцѣ Бува я упоминалъ; цѣна книгъ обыкновенно вдвое болѣе парижской цѣны и втрое тѣхъ сочиненій, которыя въ ходу или въ модѣ, какъ-то: романы, стихотворенія и пр.

Генералъ Ратъ, нашъ соотечественникъ, оставилъ службу по капризу, какъ говорятъ, или потому, что онъ считалъ себя обойденнымъ; человѣкъ съ умомъ умѣетъ ласкаться, кусаясь и съ опаской подсмѣиваться. Онъ обязанъ своимъ состояніемъ своей женѣ, урожденной Моно изъ Моржа, которая, воспитавъ одну

изъ великихъ княженъ, получила отъ щедротъ Павла земли въ Лифляндіи, приносившія отъ 5 до 6 тысячъ рубл. дохода [1]).

Оба брата Віолье — женевцы; старшій — личность, которая казалось бы преувеличенной на сценѣ вслѣдствіе своего тщеславія всякаго рода въ качествѣ свѣтскаго человѣка, необыкновеннаго ума, любимца женщинъ, пользующагося особымъ довѣріемъ двора и расположеніемъ всѣхъ вельможъ. Онъ былъ въ званіи живописца ихъ императорскихъ высочествъ и одинъ могъ бы служить предметомъ нѣсколькихъ пьесъ. Кромѣ тысячи штукъ, продѣланныхъ съ нимъ вельможами, за которыми онъ не можетъ не ухаживать, самая смѣшная та, которую съ нимъ сыгралъ Потемкинъ, приказавшій одѣться женщиной молодому жокею миловидной наружности. Знали вкусъ женевца, а такъ какъ онъ поздравлялъ хозяина съ такой прелестной особой, ему дали понять, что она къ его услугамъ, если только онъ могъ имѣть у нея успѣхъ. Онъ не преминулъ воспользоваться, но былъ вечеромъ въ такомъ плачевномъ состояніи, что не посмѣлъ показаться съ разорванными кружевами, съ подбитыми глазами и разодраннымъ платьемъ [2]).

Этотъ человѣкъ, жившій въ роскоши, не стыдился оставлять своихъ родителей вдали отъ себя въ нищетѣ. Павелъ, освѣдомленный о томъ, придумалъ его проучить, приказавъ выдать Віолье, отправлявшемуся путешествовать съ порученіями отъ него, ордеръ въ 1.000 руб. съ тѣмъ, чтобъ половина этой суммы была уплачена его матери. Младшій братъ (несмотря на презрѣніе, съ которымъ къ нему относился старшій) человѣкъ вполнѣ порядочный, достигшій довѣрія вдовствующей императрицы, ея частный секретарь, казначей, довѣренный, и онъ теперь является единственной опорой старшаго брата, который вслѣдствіе своей наглости утратилъ значеніе при дворѣ и котораго поддержала императрица своею милостью изъ - за благоволенія къ младшему его брату.

Я разъ видѣлъ Г. Паррота [3]), профессора въ дерптскомъ университетѣ, когда онъ подходилъ къ императору. Парротъ его поздравилъ, между прочимъ, по поводу выраженныхъ его величествомъ намѣреній облегчить судьбу большей части его народа, до сихъ поръ забытой, и я узналъ, что въ это путешествіе въ

---

[1]) Женѣ генералъ-майора Ратъ, 5 мая 1799 г., было пожаловано въ вѣчное и потомственное владѣніе 15 гаковъ. «Сенатскій Архивъ, т. 1. Именные указы Павла I». Спб. 1888, стр. 525.

[2]) Gabriel François Viollier род. въ Парижѣ въ 1763 г., находился при кабинетѣ миніатюръ Павла Петровича, секретарь Маріи Ѳеодоровны (secrétaire des commandements). Семейство Viollier было родомъ изъ Женевы. Galiffé, Armorial historique Genevois. p. 36.

[3]) Георгъ Фридрихъ Парротъ родился въ Монбеліарѣ, тогда принадлежавшемъ Виртембергу, въ 1767. умеръ въ Гельсингфорсѣ въ 1852 г. Въ 1800 приглашенъ былъ въ дерптскій университетъ въ качествѣ профессора физики; академикъ.

Петербургъ онъ привезъ императору ошейникъ съ желѣзными остреями, заказанный лифляндскимъ помѣщикомъ для своихъ крестьянъ. Враги Паррота сказали императору, что эти ошейники употреблялись въ древности, но что они давно уже не въ ходу, и что вытаскивать эти поржавѣвшія орудія на свѣтъ Божій значитъ клеветать на лифляндское дворянство. Но Парротъ остался при своемъ объясненіи; онъ утверждалъ, что ошейникъ былъ новый и отыскалъ слесаря, которому было поручено его сдѣлать.

VIII.

Мой племянникъ Адоръ занимается приготовленіями къ моему отъѣзду; онъ нашелъ шведское судно, которое должно было немедленно отплыть. Я пошелъ съ нимъ на биржу, чтобъ посмотрѣть на наше судно. Оно кажется очень жалкимъ сравнительно съ тѣмъ, на которомъ я пріѣхалъ, но я передъ этимъ не остановился, разсчитывая на переѣздъ въ три или четыре дня не болѣе въ виду дувшаго благопріятнаго вѣтра. Биржа показалась мнѣ не соотвѣтствующей великолѣпію Петербурга, но это старое зданіе, и уже начали строить новое. Я увидѣлъ тамъ большое число русскихъ купцовъ, а также и иностранцевъ; племянникъ разсказалъ мнѣ, что одинъ изъ этихъ иностранныхъ купцовъ, уличенный въ какомъ-то плутовствѣ, былъ присужденъ подметать биржу въ теченіе шести мѣсяцевъ.

Наконецъ мое судно готово послѣ десятидневной проволочки. Оба мои племянника Луи и Адоръ провожали меня до Кронштадта. Попутный вѣтеръ предсказывалъ счастливое путешествіе. Но это предсказаніе недолго оправдывалось; вѣтеръ намъ измѣнилъ на полдорогѣ, и понадобилось прибѣгнуть къ весламъ.

Пріѣхавъ въ Кронштадтъ, мы нашли, что капитанъ еще не прибылъ.

Городъ произвелъ на меня очень грустное впечатлѣніе особенно въ виду своего пространства, бѣдности своихъ домовъ, хотя и расположенныхъ въ линію наподобіе улицы. Мы отстояли службу въ большой деревянной церкви, и я вновь былъ пораженъ лицемѣрными обрядами этого служенія, которое состоитъ исключительно въ колѣнопреклоненіи, въ крестныхъ знаменіяхъ; казалось, что видишь собраніе людей въ судорогахъ. Вечеромъ мы засидѣлись довольно поздно въ англійской гостиницѣ.

Слѣдующіе дни Дюмонъ провелъ еще въ Кронштадтѣ, гдѣ его задержали затрудненія по таможнѣ, формальности по паспорту и противный вѣтеръ; ему пришлось очень сожалѣть, что онъ не вернулся, какъ одно время думалъ, въ Петербургъ и не поѣхалъ въ Стокгольмъ черезъ Финляндію.

Только 21 августа судно отчалило изъ Кронштадта. Переѣздъ въ Ревель былъ затрудненъ противнымъ вѣтромъ и бурями, такъ что Дюмонъ прибылъ въ Ревель лишь 31 августа и уже думалъ вернуться въ Петербургъ сухимъ путемъ, чтобъ провести зиму въ Россіи, такъ какъ дальнѣйшее путешествіе моремъ ему представлялось невыносимымъ и опаснымъ. Но ѣхать на долгихъ въ кибиткѣ или на перекладной иностранцу, не знающему языка, было очень затруднительно. Наконецъ ему стало стыдно за свою трусость и слабость духа. Онъ рѣшилъ продолжать путь моремъ до Стокгольма.

Говоря о Ревелѣ, онъ пишетъ: «Городъ открывается издали съ моря, такъ какъ часть его расположена на высокой скалѣ, окруженная стѣнами съ башнями на опредѣленномъ разстояніи. Островерхая колокольня и губернаторскій домъ бросаются первые въ глаза. Рейдъ Ревеля очень удобенъ, въ гавани стоитъ часть военнаго флота, семь или восемь линейныхъ кораблей, нѣсколько торговыхъ кораблей и судовъ, которыя ведутъ торговлю главнымъ образомъ съ Швеціею. Нѣкоторые жители города и многіе сельскіе обыватели говорятъ по-шведски. Жителей, можетъ-быть, отъ восьми до девяти тысячъ. Я гулялъ по всему городу, который показался мнѣ древнимъ и очень уродливымъ, въ особенности плохо вымощеннымъ. Достойна нѣкотораго замѣчанія площадь въ верхней части города, гдѣ находится губернаторскій домъ и церковь, въ которой поставленъ памятникъ безъ надписи въ честь адмирала Грейга. Тамъ также находятся древніе памятники рыцарей тевтонскаго ордена. Городъ имѣетъ двѣ школы. Къ счастью, я нашелъ книжную лавку довольно обильно снабженную, гдѣ были нѣкоторыя французскія и англійскія книги. Клубъ или общество торговцевъ выпустило въ обращеніе денежныя бумажки въ 40, 25 и 50 к., чтобы не имѣть дѣла съ мѣдью, и эти бумажки приняты въ оборотъ. Старыя городскія стѣны, которыя только мѣшаютъ городу съ тѣхъ поръ, какъ воздвигнуты новыя укрѣпленія, оказались столь крѣпкими, что ихъ нельзя было сломать.

Нашъ капитанъ, проходя по откосу крѣпостныхъ стѣнъ, подвергся нападенію одного мужика, который ему нанесъ сильный ударъ палкою по рукѣ и два удара кулакомъ по головѣ. Этотъ мужикъ былъ поставленъ тамъ, чтобъ не пускать проходящихъ топтать газонъ откоса; онъ исполнялъ возложенныя на него полицейскія обязанности по-своему въ пьяномъ видѣ. Нашъ капитанъ и его компанія тѣмъ менѣе были виновны, что въ теченіе пятнадцати дней со времени нашего прибытія въ Ревель мы видѣли, какъ дорожкой по откосу пользовались всѣ во избѣжаніе большой дороги почти непроходимо грязной. Задержали мужика, и одинъ изъ нихъ, говорившій по-русски, пошелъ немедленно на гауптвахту. Процедура длилась недолго. Свидѣтелей было довольно, и виновный не отрекался,

онъ едва могъ сказать два слова. Его задержали на гауптвахтѣ, офицеръ удалился, чтобъ изложить свой рапортъ, и правосудіе совершилось полчаса спустя. Два солдата схватили мужика, каждый за руку, а двое другихъ стали наносить ему удары батогами по плечамъ. Онъ двинулся впередъ, чтобъ избѣжать ударовъ и бросился на землю, его подняли, и удары посыпались еще сильнѣе. Я слышалъ ихъ отчетливо, хотя былъ въ запертой комнатѣ, а гауптвахта отдѣлялась отъ гостиницы, гдѣ я находился, очень широкою дорогой. Избѣгая ударовъ, онъ падаетъ вторично; солдатъ подымаетъ его на свои плечи и наказываемаго бьютъ по спинѣ и по ягодицамъ такъ сильно, что онъ кричитъ отъ боли, и я слышу его крики, несмотря на то, что затыкаю уши. Я увѣренъ, что онъ получилъ, по крайней мѣрѣ, 200 ударовъ; несмотря на то, какъ только наказаніе кончилось, онъ всталъ и пошелъ, потряхивая спиной и направляясь въ кабачокъ, гдѣ продавалась водка. Мнѣ сказали, что подобныя наказанія совершались очень часто и всегда въ такомъ же порядкѣ, а именно полицейскимъ, строгость котораго зависитъ исключительно отъ усмотрѣнія начальника гауптвахты. Наказанія этого рода не влекутъ за собой никакого позора въ этомъ классѣ народа. Коль скоро наказаніе отбыто, столь же скоро оно и забыто. Но ничего не знаютъ о послѣдствіяхъ, которымъ могутъ подвергнуться вынесшіе его сообразно съ состояніемъ своего здоровья и степени своихъ силъ. Для одного—это только временная боль, а для другого можетъ окончиться смертью. На это не обращаютъ вниманія. Французскій солдатъ не согласился бы принять на себя обязанности палача, но въ Россіи совершенно чужды чувства чести.

Въ этотъ день ночью судно снялось съ якоря, и Дюмонъ отплылъ въ Швецію, къ берегамъ которой онъ присталъ только 15 сентября, перенеся очень бурную погоду.

IX.

На обратномъ пути изъ Россіи, въ Стокгольмѣ, Дюмонъ увидалъ у книгопродавца маленькую книжечку, въ которой заключался, въ видѣ письма, разсказъ о смерти Павла I. Прочитавъ его, Дюмонъ занесъ свои впечатлѣнія въ дневникъ подъ 20 ч. сентября 1803 г.

Чтеніе книжечки мнѣ ничего новаго не дало, но мнѣ пришло въ голову изложить всѣ замѣтки, которыя я набросалъ карандашомъ послѣ разговоровъ моихъ въ С.-Петербургѣ съ разными лицами. Онѣ даютъ гораздо болѣе подробностей, чѣмъ это письмо. Я далеко, однако, не признаю моего разсказа полнымъ или даже достовѣрнымъ во всѣхъ отношеніяхъ. По чувству скромности я

не посмѣлъ разспрашивать людей, наилучше освѣдомленныхъ (я знаю, съ какимъ недовѣріемъ относятся къ путешественникамъ, а въ особенности къ человѣку, любопытство котораго заподозрѣно въ виду того, что оно вызывается желаніемъ обнародовать собранные имъ анекдоты). Такимъ образомъ повѣствованіе объ этомъ переворотѣ, по необходимости, неполно и сокращено во многихъ мѣстахъ. Но если оно неполно относительно причинъ самаго переворота и тайныхъ интригъ личностей, прикрытыхъ еще густою завѣсой, оно точнѣе и вѣрнѣе какого бы то ни было разсказа, изданнаго въ эпоху самаго этого событія.

Павелъ все свое малолѣтство прожилъ въ страхѣ и несчастіи. Его дѣтство прошло въ пренебреженіи, его юность — въ униженіи; ему ничего не сообщали, удаляли отъ дѣлъ, наблюдали за нимъ съ тревогой.

Часто онъ очень нуждался, и я узналъ, что, подъ вліяніемъ нужды, великая княгиня не осмѣливалась, за неимѣніемъ денегъ, принимать среди общества участія въ игрѣ. Она довѣрилась въ своихъ затрудненіяхъ генеральшѣ Бауеръ, если я не ошибаюсь. Послѣдняя передала это своему мужу [1]), который тотчасъ предложилъ свой кошелекъ великой княгинѣ, но великій князь отказался его принять, говоря, что въ случаѣ, если о томъ узнаютъ, генералъ подвергнется немилости.

Однажды, когда императрица отказалась исполнить просьбу сына, онъ позволилъ себѣ проявить сильное негодованіе и осмѣлился сказать, что были люди, въ пользу которыхъ щедроты не имѣли предѣловъ. Разгнѣванная императрица не хотѣла болѣе его видѣть до тѣхъ поръ, пока Потемкинъ не примирилъ мать съ сыномъ. Это униженіе ожесточило горячій и вспыльчивый нравъ великаго князя и расположило его къ строгости и недовѣрію. Павелъ старательно замѣчалъ злоупотребленія, несправедливости, хищенія во всѣхъ частяхъ управленія подъ вліяніемъ чувствъ справедливости и порядка, но этими добрыми природными инстинктивными качествами не руководилъ разсудокъ. Павелъ всегда набрасывался на людей за то зло, которое совершилось, вмѣсто того, чтобы видѣть вину въ учрежденіяхъ. Онъ болѣе думалъ, какъ бы наказать, чѣмъ о томъ, чтобы произвести преобразованія, и воображалъ, что можно было посредствомъ строгостей достигнуть того, что только дается путемъ хорошихъ законовъ. Онъ составилъ себѣ преувеличенное понятіе о верховной власти, а когда вспыхнула французская революція, съ сосредоточенною яростью отнесся къ новымъ вѣяніямъ, которыя вели къ самой

---

[1]) Бауръ (Bauer и Baur, Фридрихъ Вильгельмъ, Ѳедоръ Васильевичъ, 1731—1783). Инженеръ, генералъ-лейтенантъ, сооружившій гранитную набережную Фонтанки, писатель.

неограниченной демократіи. Между тѣмъ русскіе молодые люди горячо примкнули къ этимъ началамъ, а дворянство даже насчитывало въ своей средѣ нѣкоторыхъ послѣдователей національнаго собранія.

Первый его опытъ въ управленіи былъ смѣшонъ [1]).

Онъ не позволялъ офицерамъ носить шубы. Одинъ офицеръ, надѣвшій шубу въ виду чрезвычайнаго холода, сбросилъ ее на землю, увидавъ императора, и отойдя на нѣсколько шаговъ отъ нея, сталъ ожидать, съ непокрытой головой, пока онъ пройдетъ. Павелъ, обладавшій хорошимъ зрѣніемъ, понялъ, въ чемъ дѣло, подозвалъ офицера и велѣлъ ему встать на запятки своихъ саней, прокатилъ его такимъ образомъ по всему городу и, позабавившись его страхомъ, отпустилъ и ничего не сказалъ, посмѣиваясь ехидно надъ тѣмъ, что ему удалось наказать офицера потерею шубы, стоившей отъ 300 до 400 рублей.

Одна дама, выходя поспѣшно изъ кареты, упала и осталась въ положеніи, которое могло показаться смѣшнымъ всему свѣту, за исключеніемъ ея самой. Было много свидѣтелей. Императоръ приблизился; дама, у которой голова была покрыта ея платьями, не могла его видѣть, но онъ сдѣлалъ ей очень глубокій поклонъ и въ разговорѣ съ близкими нашелъ очень забавной эту новую манеру кланяться ему. Было запрещено показываться раздѣтымъ, даже у окна. Не полагалось видѣть мужчину въ халатѣ. Упущеніе такого рода было неоднократно наказано заключеніемъ въ исправительномъ домѣ. Равнымъ образомъ не разрѣшалось устраивать у себя собранія болѣе или менѣе многочисленныя: полиція являлась, когда она замѣчала, что нѣсколько комнатъ освѣщено.

Строгость все увеличивалась. Аресты, заключенія, ссылки возрастали. Не знаютъ ихъ числа, но оно должно было быть очень велико, такъ какъ никто не считалъ себя въ безопасности. Ежедневно были случаи лишенія офицеровъ ихъ званія или наказанія ихъ. Императоръ воображалъ, что достаточно увеличить жалованье гвардейцамъ, чтобъ привязать ихъ къ себѣ. Онъ, однако, издалъ очень благодѣтельный законъ въ пользу арміи; онъ положилъ предѣлъ продолжительной службѣ, которая была вѣчной, опредѣливъ, что солдатъ, по истеченіи тридцати лѣтъ, дѣлался свободнымъ и имѣлъ право возвратиться домой съ сохраненіемъ своего жалованья. Можетъ-быть, строгости, проявляемыя въ Петербургѣ, были ничтожны сравнительно съ тѣми, которыя совершались въ провинціи. Каждый губернаторъ получалъ одинаковыя съ другими приказанія, но награждались лишь тѣ, которые умѣли найти большее число виновныхъ. Въ провинціи отъ бѣды нельзя было спастись;

---

[1]) Опускаемъ повторенія и нѣкоторые очень извѣстные факты. *Ред.*

въ Петербургѣ можно было дѣйствовать черезъ любовницъ, друзей, любимцевъ, и когда минута гнѣва Павла проходила, онъ иногда расточалъ милости, чтобъ вознаградить за опалу.

При такомъ деспотизмѣ, число несчастій, ставшихъ извѣстными всѣмъ, всегда незначительно сравнительно съ тѣми, которыя остаются неизвѣстными. Говорятъ, что при этомъ правительствѣ не было кровопролитія. Правда, было мало казней, облеченныхъ въ формы публичности, но много людей было замучено въ крѣпостяхъ, пропали многіе изъ нихъ съ того времени безъ вѣсти, по одному подозрѣнію императоръ отправилъ въ Сибирь трехъ офицеровъ, строго запретивъ выпускать изъ повозки въ продолженіе всего пути и сообщать имъ, какимъ путемъ они ѣдутъ. Одинъ изъ ссыльныхъ опасно занемогъ и просилъ дать ему нѣсколько часовъ для отдыха, но ему было въ этомъ отказано; послѣ тяжкихъ страданій онъ умираетъ, а немилосердный вожатый продолжаетъ, путь. Другой ссыльный, внѣ себя отъ страха, въ такомъ же состояніи изнеможенія и слабости, переживаетъ своего товарища лишь на нѣсколько дней. Третій продолжаетъ свой путь съ двумя мертвыми; наконецъ онъ пріѣзжаетъ къ мѣсту назначенія, но уже сумасшедшимъ! Павелъ, который тѣмъ временемъ удостовѣрился въ невинности обвиняемыхъ и отмѣнилъ свои приказанія, былъ очень опечаленъ, какъ говорятъ, этимъ несчастьемъ, но оно вовсе не измѣнило системы его правленія. Вотъ сцена изъ дворцовой жизни, извѣстная мнѣ, со словъ очевидца, авторитетъ котораго равняется для меня удостовѣренію моихъ собственныхъ чувствъ. Когда Павелъ возвращался съ своей утренней прогулки, все было готово для его бритья. Въ кабинетѣ, примыкавшемъ къ его комнатѣ, была устроена маленькая кухня, въ которой кухарка-нѣмка, пользовавшаяся его довѣріемъ, готовила ему кушанья, и онъ не ѣлъ ничего, не приготовленнаго этою женщиной. Тамъ именно подогрѣвали воду для его бритья. Однажды, по неизвѣстной случайности, вода не была готова. Павелъ приходитъ съ прогулки. Камердинеръ, внѣ себя отъ страха, придумываетъ объясненіе: ему пришло въ голову сказать, что лакей, споткнувшись, опрокинулъ посуду съ горячей водой. «Какъ зовутъ этого болвана?» спросилъ императоръ. Камердинеръ, въ смущеніи, рѣшился назвать лакея, больше всѣхъ любимаго императоромъ, думая, что буря стихнетъ при этомъ именемъ. «Позовите его сейчасъ, пошлите за нимъ». Несчастный является, и въ тотъ моментъ, какъ онъ входитъ, императоръ, безъ всякихъ поясненій, не сказавъ ему ни слова, бросается на него и наноситъ ему удары палкою до тѣхъ поръ, пока самъ не приходитъ въ изнеможеніе отъ усталости. Но, не довольствуясь этимъ, онъ приказываетъ вельможѣ, украшенному многими лентами, взять палку и продолжать экзекуцію. Лицо, которое мнѣ описало эту сцену и которое каждое утро являлось

къ императору, находилось въ прихожей въ то время, когда этотъ несчастный вышелъ изъ кабинета, едва передвигаясь, съ окровавленными глазами и съ разбитою головой. Каждый счелъ своимъ долгомъ его утѣшить и сказать ему, что императоръ горячъ, но что онъ скоро приходитъ въ себя послѣ перваго порыва, что онъ будетъ сожалѣть о своемъ поступкѣ и вознаградитъ его. Мой другъ, свидѣтель этой сцены, былъ настолько пораженъ ужасомъ, что предпочелъ лучше подвергнуться послѣдствіямъ негодованія Павла, чѣмъ представиться ему въ такую минуту.

Появилось нѣсколько карикатуръ и эпиграммъ, которыя привели государя въ сильное негодованіе. Было дознано, что ходила по рукамъ гравюра, представлявшая Петра I зажигавшимъ свѣчу, Екатерину II подрѣзывавшей фитиль для того, чтобы она лучше горѣла, и Павла I гасившимъ ее изо всѣхъ силъ. Изображеніе было тѣмъ болѣе смѣшно, что Павелъ, когда онъ бываетъ въ тревогѣ, тяжело дышалъ и раздувалъ щеки, испуская дыханіе.

Онъ окончилъ постройку Исаакіевскаго собора, начатую при его матери, но уже прерванную съ давнихъ поръ. Соборъ былъ мраморный. Въ своемъ нетерпѣніи императоръ приказалъ окончить постройку изъ кирпича и не придерживаться прежнихъ пропорцій такъ что видъ этого зданія крайне безобразенъ. По этому поводу сочинено очень удачное стихотвореніе [1]).

Введенное и установленное шпіонство не имѣло другихъ границъ, кромѣ ненависти, которую чувствовали къ правительству. Говорятъ, напримѣръ, что прислуга была менѣе падка на доносы, чѣмъ слѣдовало ожидать, изъ одного страха передъ полиціею, съ которой она боялась имѣть дѣло. Почта была предметомъ постояннаго надзора. Мой племянникъ Жанъ Дюваль получаетъ по почтѣ посылку съ музыкальными нотами. Онъ очень удивляется этой посылкѣ, первой въ своемъ родѣ, тѣмъ болѣе, что не былъ музыкантомъ. Онъ передаетъ ее своему брату для просмотра;

---

[1]) Се памятникъ двухъ царствъ, обоимъ имъ приличный:
Низъ мраморный, а верхъ его кирпичный.
Или: На мраморномъ низу поставленъ верхъ кирпичный.

Дюмонъ перевелъ: cette base de marbre et ce sommet de briques sont un emblème fidèle des règnes de la mère et du fils. Впрочемъ существовалъ французскій переводъ въ стихахъ:

De deux règnes voici l'image allégorique
La base est d'un beau marbre et le sommet de briques.

Авторомъ этихъ стиховъ считался капитанъ-лейтенантъ Акимовъ. Говорятъ, что его схватили, вынудили у него признаніе пыткою, отрѣзали языкъ и сослали въ Сибирь. Достовѣрно, что онъ пропалъ безъ вѣсти. Шишковъ, Записки, I, стр. 21.

послѣдній требуетъ разобрать ноты на клавикордахъ, но, убѣдившись въ томъ, что никакого аккорда нельзя было добиться, заключаетъ, что эта посылка скрываетъ какую-то тайну. Мой племянникъ относитъ посылку генералу Палену [1]), которому разсказываетъ всѣ обстоятельства. Съ своей стороны Паленъ отправляетъ посылку въ департаментъ иностранныхъ дѣлъ. Два дня спустя Паленъ подходитъ къ Дювалю, говоря ему: «Ваше счастье, что вы передали мнѣ эту бумагу; это шифрованный пасквиль противъ императора. Ее разобрали на почтѣ, и если бы вы ее удержали или не обратили на нее вниманія, васъ заподозрили бы въ участіи въ преступной перепискѣ. Ваша осторожность спасла васъ отъ большой бѣды». Нѣсколько времени спустя, Кутайсовъ подтвердилъ эти увѣренія. «Мы знаемъ, что это такое. У васъ есть врагъ, который хотѣлъ васъ погубить, но будьте покойны: императору доложено обо всемъ».

Я не привожу здѣсь всѣхъ анекдотовъ насчетъ любовницъ Павла, въ особенности о французской актрисѣ Шевалье, съ которою случилось что-то ужасное, о чемъ, помнится мнѣ, разсказываетъ Массонъ или Коцебу.

Если бы народное возстаніе могло возникнуть въ Россіи, то оно началось бы среди государственныхъ крестьянъ. Насколько возможно быть свободнымъ въ этой имперіи, они свободные люди; они какъ будто свободно платятъ всего на все 4 руб. [2]) и могутъ записываться, когда имъ угодно, въ мѣщане, если занимаются какимъ-нибудь ремесломъ, промысломъ или торговлей; они имѣютъ право, въ такомъ случаѣ, селиться повсюду, хотя всегда считаются приписанными къ своей волости. Немногіе изъ нихъ воспользовались этимъ преимуществомъ, такъ какъ они считали свое положеніе выгоднѣе въ виду того, что не боялись измѣненія въ немъ и несли гораздо менѣе платежей. Самъ Петръ I никому никогда не раздавалъ крестьянъ, за исключеніемъ тѣхъ, которые принадлежали къ покореннымъ областямъ; его преемники послѣдовали его примѣру. Екатерина II никогда не рѣшалась раздавать государственныхъ крестьянъ; она дѣлала исключенія для Украйны, Лифляндіи и Польши [3]). Павелъ перевернулъ весь этотъ порядокъ вещей. Со дня своего вступленія на престолъ онъ роздалъ лицамъ, имъ награждаемымъ, тысячи крестьянъ изъ числа государственныхъ

---

[1]) Графъ Петръ Алексѣевичъ Паленъ (1745—1826), с.-петербургскій генералъ-губернаторъ.

[2]) Государственный крестьяне въ это время платили подушной подати по 1 р. 26 к. съ ревизской души и, кромѣ того, оброчной подати въ разныхъ губерніяхъ отъ 3 р. 57 к. до 5 р. 10 к. также съ души. *М. П. Руковскій*, «Историко-статистическія свѣдѣнія о подушныхъ податяхъ». Спб. 1862 г., стр. 12, 30—31. *Ред.*

[3]) Свѣдѣнія о пожалованіи населенныхъ помѣстій не вѣрны. *Ред.*

безъ различія областей. Онъ отмѣнилъ предоставленныя льготы, вернулъ въ рабство цѣлые города, которымъ Екатерина дала свободу; эти несчастные пришли въ отчаяніе; они утверждали, что принадлежали имперіи, а не императору. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ они осмѣлили воспротивиться, и съ ними поступили страшно жестоко [1]); но они не имѣли главарей, еще менѣе единенія и просвѣщенія. Русское дворянство готовитъ заговоръ, народъ не возстаетъ; они умѣютъ умерщвлять, но не умѣютъ соединяться и противиться угнетенію.

Первымъ орудіемъ заговора былъ выдающійся гвардейскій офицеръ; фамилія его, если не ошибаюсь, Талызинъ [2]). Публично оскорбленный Павломъ на парадѣ, онъ, казалось, переварилъ эту обиду; его друзья, которые знали его за честнаго человѣка, упрекали его за то, что онъ не просился въ отставку, но онъ обдумывалъ свое мщеніе. Онъ наблюдалъ за тѣми, которые могли войти въ его виды, изучалъ ростъ всеобщаго негодованія противъ Павла, не замедлилъ найти людей, которые, зная его характеръ и то, что онъ былъ обиженъ, открылись ему съ меньшею сдержанностью и образовали болѣе интимный кружокъ. Скоро замѣтили, что лифляндецъ графъ Паленъ, петербургскій генералъ-губернаторъ, пользовавшійся тогда большою милостью, былъ тайнымъ врагомъ Кутайсова, извѣстнаго любимца императора, человѣка всемогущаго. Сперва камердинеръ Павла, Кутайсовъ, быстро достигъ высшихъ чиновъ и громаднаго состоянія, благодаря чрезвычайнымъ подаркамъ императора, а также всѣмъ средствамъ кредита, которыя ему доставляло его вліяніе на государя. Этотъ Кутайсовъ, турокъ по происхожденію, взятый въ плѣнъ восьми лѣтъ отъ роду и рано приставленный къ великому князю, искренно привязался къ нему. При отправленіи своихъ невидныхъ обязанностей онъ отличился своимъ поведеніемъ и, повидимому, проявлялъ чувства возвышеннѣе своего положенія. Онъ не могъ пріобрѣсти состоянія при великомъ князѣ, который располагалъ малымъ для раздачи, но онъ копилъ маленькія суммы посредствомъ экономіи. Такъ какъ у него было немного ума, еще менѣе образованія (онъ едва умѣлъ читать и писать), то онъ ни въ комъ не вызывалъ зависти; думали, что онъ рожденъ для исполненія своихъ обязанностей,

---

[1]) Волненія крѣпостныхъ крестьянъ при Павлѣ происходили съ ноября 1796 г. по ноябрь включительно 1797 г. въ 32 губерніяхъ. Основною причиною ихъ было тяжелое положеніе крѣпостныхъ крестьянъ, а однимъ изъ поводовъ то, что ихъ стали приводить къ присягѣ императору, чего не дѣлалось со временъ вступленія на престолъ имп. Елизаветы. *Ред.*

[2]) Петръ Александровичъ Талызинъ (род. 1767, 11 мая 1801), генералъ-лейтенантъ въ 1800 г., командиръ Преображенскаго полка. Ср. сочиненіе декабриста *М. А. Фонвизина* «Обозрѣніе политической жизни въ Россіи». «Библіотека декабристовъ», вып. IV. 1907 г., стр. 37, 43.

и не подозрѣвали, чтобъ онъ когда-либо могъ выйти изъ прихожей. При вступленіи Павла на престолъ на Кутайсова посыпались внезапно почести и подарки всякаго рода: голова его не выдержала. Странно, что онъ пріобрѣлъ какой-то свой стиль, его умъ возвысился до извѣстной степени въ уровень его чина. Но по мѣрѣ того, какъ его рѣчь становилась благороднѣе, его душевныя качества развращались. Его, собственно говоря, нельзя назвать жестокимъ, но онъ возбуждалъ подозрѣнія въ своемъ государѣ, можетъ-быть, и чистосердечно.

Но его жадность не имѣла границъ, и его средства къ наживѣ были громадны.

Все проходило чрезъ его руки; онъ продавалъ все. Онъ былъ и первымъ министромъ, и ближайшимъ совѣтникомъ, и другомъ сердца; однако онъ испыталъ немилость на короткій срокъ, въ продолженіе котораго онъ кричалъ во всеуслышаніе, что если императоръ удалитъ его отъ себя, ему недолго придется жить.

Когда Паленъ сталъ бояться ненависти Кутайсова, онъ сдѣлался душою заговора [1]).

X.

Вернувшись въ Лондонъ, Дюмонъ продолжалъ сноситься со своими знакомыми въ Россіи. Онъ писалъ 16 мая 1804 г. Сперанскому, который отвѣтилъ ему 10 октября 1804 г. Письмо это приведено частью въ изданіи сочиненій Бентама въ переводѣ съ французскаго (X т., стр. 416). На копіи этого письма, снятой самимъ Дюмономъ и хранящейся въ Императорской публичной библіотекѣ, имѣется надпись по-англійски, сдѣланная, вѣроятно, Бентамомъ: «Russian legislation, His and Kotchoubey's views in regard to Bentham supersided by the appointment of Novosiltsow and Rosenkampf», что значитъ: «русское законодательство, его (т.-е. Сперанскаго) и Кочубея виды на Бентама уничтожены назначеніемъ Новосильцова и Розенкампфа». Дѣло въ томъ, что учрежденная при Павлѣ I комиссія для составленія законовъ, которой указомъ 25 августа 1801 было велѣно заняться преимущественно начертаніемъ судебнаго обряда, была 5 іюня 1803 г. препоручена сенатору графу Завадовскому; онъ не успѣлъ еще приступить къ работамъ, какъ эта комиссія, указомъ 21 октября 1803 г., была присоединена къ министерству юстиціи. Задачу свою князь Лопухинъ, въ вѣдѣніи котораго министерство находилось, опредѣлилъ въ составленіи общей книги законовъ, заключающей въ себѣ основанія права,

[1]) Опускаемъ разсказъ Дюмона о смерти Павла, такъ какъ въ немъ нѣтъ ничего новаго. См. «Цареубійство 1801. Записки участниковъ и современниковъ». Спб. 1908, изд. 2, А. Суворина и соч. *Брикнера* «Смерть Павла I. Со статьею В. П. Семевскаго. Спб. 1907 г. изд. Пирожкова. *Ред.*

законы общіе, законы частные и судебные обряды. Эта комиссія, изъ 48 лицъ, на содержаніе которыхъ было ассигновано 100.000 р., состояла подъ предсѣдательствомъ князя Лопухина, при участіи его товарища Новосильцова и Розенкампфа въ качествѣ секретаря [1]). Сообщая объ учрежденіи этой комиссіи, Сперанскій извѣщаетъ Дюмона о томъ, что, не участвуя въ ней, онъ не можетъ высказаться относительно значенія ея работъ: «Но я убѣжденъ,—говоритъ онъ,—что совѣтъ и побужденія такой личности, какъ Бентамъ, были бы существенны. Его глубоко - аналитическій умъ долженъ занять первенствующее мѣсто вездѣ, гдѣ требуется введеніе законодательства, основаннаго на истинныхъ началахъ пользы. Я охотно раздѣляю ваше убѣжденіе въ правильности всѣхъ послѣдствій, вытекающихъ изъ этой идеи, я не въ силахъ, однако, заставить другихъ согласиться съ этимъ убѣжденіемъ, но выражаю пожеланія, чтобъ добрыя намѣренія правительства осуществились тѣмъ или другимъ способомъ».

Вмѣстѣ съ тѣмъ Сперанскій увѣдомлялъ Дюмона о томъ, что Новосильцовъ находился въ это время въ Лондонѣ, высказывалъ, что Дюмону было бы самому легко переговорить съ нимъ о предметѣ столь интересномъ. Къ этому мѣсту письма, на копіи его, рукою Дюмона сдѣлано по-англійски примѣчаніе. «Въ виду полной неспособности достопочтеннаго джентльмена къ какой-либо подобной дѣятельности, несмотря на всѣ его благія намѣренія, очевидно, на всякій разговоръ съ нимъ по этому предмету не стоило тратить ни малѣйшаго труда. Сообразно съ этимъ я тщательно избѣгалъ встрѣчи съ нимъ. Идеи Новосильцова въ С.-Петербургѣ были въ головѣ Розенкампфа, а идеи послѣдняго были въ облакахъ, гдѣ онѣ, несомнѣнно, продолжаютъ витать».

Кромѣ копіи письма Сперанскаго отъ 10 октября 1804 г. въ Императорской публичной библіотекѣ хранятся бумаги, доставленныя бывшему директору библіотеки барону М. А. Корфу племянникомъ Дюмона, Франсуа Дювалемъ, при письмѣ отъ 12 сент. 1848 г., какъ оставшіяся послѣ смерти его дяди. Между ними имѣется рукопись съ надписью, что это — копія, но содержитъ немало собственноручныхъ примѣчаній Дюмона. Эта французская рукопись озаглавлена: Лондонъ 20 декабря 1804 г. Письмо Г . . . . . Г . . . . . о проектѣ русскаго уложенія. Письмо 1-е о гражданскомъ уложеніи». Въ этомъ письмѣ содержится обращеніе къ какому-то генералу («mon cher general»), доставившему автору письма проектъ русскаго кодекса. Кто этотъ генералъ? Въ собраніи

[1]) Труды комиссіи по составленію законовъ. Т. I. Докладъ министерства юстиціи о преобразованіи комиссіи составленія законовъ, высочайше утвержденный его императорскимъ величествомъ, и выписка изъ поднесенныхъ его императорскому величеству присутствіемъ рапортовъ объ успѣхѣ трудовъ ея, по высочайшему повелѣнію переведенныхъ на разные языки.

сочиненій Іереміи Бентама (X, 412) приводится письмо генерала Саблукова къ Самуилу Бентаму отъ 5 февраля 1804 г. Саблуковъ восхищается въ немъ твореніями Бентама и уповаетъ на то, что они послужатъ для приготовленія кодекса, въ которомъ Россія такъ нуждается. Ник. Александ. Саблуковъ, человѣкъ значительнаго ума и образованія [1]), жилъ тогда въ Англіи. Къ нему Дюмонъ адресовалъ письмо отъ 20 декабря въ дополненіе къ замѣчаніямъ, переданнымъ имъ Саблукову устно по предмету проекта русскаго кодекса.

Онъ разсматриваетъ планъ книги законовъ [2]), которая дѣлится на шесть частей. Первая часть содержитъ государственное постановленіе, или законы внутренняго устройства: «О православной вѣрѣ, о государѣ, объ императорской фамиліи, о частной государевой собственности, о собственности государственной, объ управленіи государствомъ, о государственныхъ учрежденіяхъ». Относительно этой части Дюмонъ не дѣлаетъ никакихъ замѣчаній; все должно остаться попрежнему; никакихъ перемѣнъ не должно быть въ политическомъ строѣ: не предполагается произвести переворотъ,—хорошо составленный кодексъ, напротивъ, предохраняетъ отъ него. Вторая часть содержитъ начала законовъ гражданскихъ и уголовныхъ. Дюмонъ находитъ совершенно излишнимъ и неумѣстнымъ помѣщать въ кодексъ трактатъ по законовѣдѣнію. По мнѣнію Дюмона, противъ такого предположенія, являющагося новшествомъ, представляются важныя возраженія двоякаго рода: въ видѣ затрудненій въ исполненіи и въ видѣ опасности споровъ, которые могли бы возникнуть [3]).

С. Горяиновъ.

---

[1]) Н. А. Саблуковъ (1776—1848) служилъ въ конномъ л.-гвардіи полку, гдѣ дослужился до чина полковника, 29 сентября 1801 г. былъ уволенъ въ отставку съ чиномъ генерала-майора. Отправившись за границу, онъ въ 1803 г. въ Англіи женился на миссъ Юліанѣ Ангерштинъ, дочери извѣстнаго знатока и любителя живописи Эдуарда Ангерштина. Въ Россію онъ вернулся лишь въ 1806 г. *Авт.* Ср. письмо Саблукова Самуилу Бентаму, брату Іереміи Бентама въ ст. Пыпина «Русскія отношенія Бентама». «Вѣстн. Евр.» 1869 г. № 2, стр. 810—811. *Ред.*

[2]) Докладъ министерства юстиціи о преобразованіи комиссіи составленія законовъ, высочайше утвержденный 28 февраля 1804 г., и выписка изъ рапортовъ комиссіи объ успѣхѣ ея трудовъ, переведенныхъ на разные языки. Часть I. стр. 38.

[3]) Остальныя замѣчанія Дюмона не приводятся здѣсь, такъ какъ они могутъ быть интересны только для спеціалистовъ-юристовъ. *Ред.*